

Юлия АЛЕВА

ЛЕЛЕЛ И РОСА

Исторический детектив

Исходя из специфики сюжета, порой там встречаются реальные персонажи (да что лукавить, они там постоянно проживают), но если разнообразные забавности из нашей истории подлинные, то обстоятельства жизни Ксении и ее ближайшего окружения — это вольная интерпретация реалий российской действительности того времени и на подтверждение архивными документами не претендует. Более того, с течением сюжета отрыв моих трактовок от официальной исторической правды будет только усиливаться, так что не взыщите

Продолжение «Пыли и бисера». Дом там, где сердце или сердце там, где дом?

Юлия Алева
Пепел и роса

Вот уже которую неделю я не нахожу себе места. Перестала нормально есть, плохо сплю. Подолгу не могу находиться на одном месте и не отвлекают ни вечеринки, ни спорт, ни поездки. Как больное животное уходит из норы умирать, так и мне беспокойно во всех знакомых и до сей поры дорогих местах. Черт, я понимаю, к чему все это. Но чего ради? Я рвалась домой, я прожила тут большую часть жизни. Прожила хорошо, комфортно. Меня любят здесь, я нужна своей семье, я не героиня комикса, которой предначертано спасти планету — я обыкновенный руководитель проектов. А мой проект, где-то в параллельном мире без меня развивается не так как надо.

Я попробовала запить на корпоративе по поводу хорошего заказа, который был сделан еще в другой жизни — в январе, а оплата дошла лишь в конце марта. Получилось так себе, потому что спяну стремление посетить одну полузаброшенную автостоянку только усиливалось. Взяла неделю в счет отпуска и поехала в Крым. Там стало совсем тошно — любоваться на те места, которые изучила по Петенькиным акварелям. И Ласточкино гнездо теперь красивее, но не такооое. Как классическая истеричка плакала у каждого исторического вида. Наконец сообразила развлечься канатной дорогой. Она-то не должна вызывать ностальгии, верно?

— Отчего скучает такая милая девушка?

Лет тридцать, скорее всего молодой чиновник, поговору — из Первопрестольной. Ксюша, для чего люди ездят на курорты?

— В этом году так медленно наступает весна...

* * *

Стандартный сценарий, который знают все, но каждый раз играют, как впервые. Прогулка, вовремя проявленная галантность — хотя после мужа он более напоминает бегемота в костюме-тройке, прикосновение к лицу, ресторан, один, но довольно страстный танец, поцелуи в лифте, суетливый поиск ключей у номера.

* * *

— Ты, что — целка что ли? — после нескольких долгих минут копошения спросил Виталик.

— Да, вроде того. — сквозь зубы процедила я.

— Гонишь!?! — он даже отправился взглянуть на такое поближе.

Сначала этот факт его воодушевил, но несмотря на адскую боль и смену поз, далеко мы не продвинулись. Еще пару раз ткнувшись в меня, он перекатился на спину и закурил.

— Нет, милая, в твои-то годы девственность — патология. И бороться с этим лучше хирургическим путем.

Он похлопал меня по попке и начал собираться.

— Когда решишь свою проблему — пиши. — На тумбочке материализовалась стильная

визитка с двуглавым орлом и триколором.

Стало еще противнее, чем в самый первый мой раз. Отмывалась в ванной часа полтора. Закрыв глаза представила роскошную мраморную купальню графини Татищевой и вновь сердце кольнула тоска по ушедшему навеки.

А в самолете мне пришла в голову простая, безумная, но резко успокоившая мысль. А действительно, почему нет?

* * *

Приехав домой, первым делом отправилась к нотариусу и занялась делами. Уволилась, оформила генеральную доверенность на управление имуществом и завещание на маму, перевела заначки на карточные счета, расплатилась со всеми штрафами и пошла серьезно поговорить с мамой и сестрой. Выпить бы для храбрости, но интуиция подсказывает, что кататься нам всем сегодня долго, и хорошо если мимо Алтынной горы, где таким географам как я — самое место.

Когда я вышла из фотостудии, где с моих селфи смогли отпечатать неплохие снимки, семья уже клевала салатки. Я поздоровалась и начала выкладывать самый сумасшедший пасьянс, который мог бы встретиться в их жизни.

— Мам, я начну с кольца. — Я с трудом стянула ободок с пальца и выставила на свет гравировку.

«К.Т. П.Т. Июня 3-го 1894».

И заполировала несколькими фотографиями с Петей, которые удалось снять, когда мы оба смотрелись в зеркальце. В день свадьбы, в Москве, на какой-то пирушке.

— Парень твой? А что раньше не рассказывала? Это вот сейчас в Крыму так? — зататорила Люся. — А что, классная фотосессия, и наряды прямо.... Ух!

— Это не фотосессия, Люся. — я старательно не смотрела маме в глаза.

* * *

В качестве последнего аргумента я потянула шпильки и волосы рассыпались по плечам. До этого я их утягивала в пучок, а тут получился сильный эффект.

— Так тебе же их нарастили, ты говорила. — пробормотала Люся.

— А ты посмотри внимательнее. — я придвинула макушку к ее глазам.

За два года моя грива увеличилась на порядок. Несмотря на стрессы и отсутствие современных средств ухода, здоровая экология и правильная еда сделали свое дело — волосы стали гуще и сильнее чем, когда бы то ни было. Мама осторожно подергала прядки на затылке.

— Это все... — она встряхнула ладони, будто пытаясь освободиться от этого морока.

— Нет, я все равно не верю. — твердо заявила сестра и откинулась на стуле.

— Посмотри остальные фотографии. — я начала выкладывать их по очереди. Вот наша... Фрол Матвейча лавка. Вот Данилкины вихры торчат. Это комната — там раньше мать Фрола жила, а потом ее мне отдали. Да что я говорю, поехали на дом посмотрим, пока совсем не снесли.

Мои родственницы молча сопровождали меня по пути к дому. За эти недели его еще и подожгли, так что смотреть было уже почти нечего. Но на раскуроченной раме оставалась обугленная ручка прихотливой формы, которую было видно и на фотках. Мама и Люся так же молча внимали моему сбивчивому рассказу.

— Так вышло, что я познакомилась вот с этим молодым человеком. Петей. И он сделал мне предложение. Мы обвенчались в Ильинском храме — его уже снесли, так что можно сравнить вот эту фотку с архивными. Потом уехали в Самару — Петя был офицером и вскоре погиб.

— То есть ты теперь еще и вдова, правильно я все поняла? — сухо осведомилась мама.

— Да. Вот это кольцо — с бриллиантами, между прочим — мое обручальное. Был еще браслет, но я его продала, деньги нужны были.

Показала им фото браслета и сообщила, сколько теперь у меня образовалось свободных денег. Выписка со счета еще больше озадачила Люсю, которая все пыталась найти несостыковки в моей истории.

— Но, если ты и вправду не ударилась головой и где-то там была... — протянула сестра. — То должны остаться следы этого.

— Нету этих следов. По документам Петра убили на дуэли чуть раньше, Фрол повесился после смерти матери, а я нигде не была. — горько перечислила я.

— Воот! — торжествующе подняла палец вверх Люся. — Значит это просто подмененные воспоминания. Деменция, травма мозга. Завтра поедем на МРТ.

Я усадила все еще настороженных родственниц в автомобиль и выложила им свой наряд, в котором вернулась с другого конца истории. Корсет с именной биркой французского модного дома, юбки всякие, лиф, корсаж, шитую черными кружевами и бархатом накидку. Одеда все это, прошлась по автостоянке...

Без толку все. С тем же успехом я могла рассказывать о поездке на другую планету.

* * *

— Ну ладно. Оставим пока все эти споры. — решила мама. — Ты нам почему вдруг решила рассказать эту удивительную историю?

— Я... — это как перед погружением в ледяную купель. — Я хочу обратно.

— Как?!!! — воскликнула разом потерявшая сдержанность родительница.

— У меня там жизнь своя сложилась за это время... И несмотря на все сложности, мне там не так тошно, как здесь.

— Делать нечего. Если уж ты, как говоришь, вернулась, то хватит. — твердо вынесла вердикт мама.

— И как ты думаешь туда возвращаться? — неожиданно хищно спросила сестра. Она смотрела на меня больше не как родственница, а профессионально, как мясник на тушу.

И мы снова поехали, на этот раз собрав кучу пробок. Когда дохали до живописной мельницы начинало смеркаться. Проскользнули мимо охраны и вскоре стояли возле ямы.

— И что? — спросила Люся. — Тут ты что делать хочешь?

А мама пристально смотрела вниз. Слишком пристально для той невозмутимости, которую пытается демонстрировать. Я достала из сумки рекламный проспект и бросила во тьму. Мама вздрогнула, а Люся заинтересовалась.

— Я же вижу эту кучу... Куда он делся?

— Какую кучу? — переспросила мама.

— Ну вот же. — Люська подобралась к самому краю и посветила телефоном. Потом достала недоеденное яблоко — у нее всегда в сумке еды полно — и бросила вниз. Я услышала шуршание, но не увидела ни единого огрызка, неприятное ощущение, что нет взаимопонимания в наших тесных рядах. Но раз обе молчат, а среди наших знакомых как-то не затесались эксперты по пространственно-временным континуумам, придется действовать строго научным методом тыка. Вспомнив историю Фохта, зажмурилась и выступающим из кольца камнем резко царапнула левую ладонь. Показалась первая капля крови, потом еще и еще... Люся все еще что-то такое говорила, когда я этой окровавленной ладонью провела по ее губам.

— Совсем сбрендил! — отступила назад сестрица. — Я тебе найду врача, но это надолго.

— Посмотри теперь. — пожала плечами я.

Люська с все еще обиженной и злой гримасой повернулась к яме, замерла, снова посветила фонариком. Уже лет десять мне не удавалось сбить с нее апломб и самоувернность, но сейчас повезло — кожа на скулах побелела и покрылась алыми пятнами.

— Это что?

— Это то. — передразнила я. — Теперь можешь идти. Только вот назад я не знаю, как вернешься — ту дверь, откуда мы приехали, вряд ли можно использовать.

— А кто это «мы»? — уточнила мама.

— Федор Андреевич. — пришлось признаться мне. — Он, как бы это сказать, совсем не местный.

— И где он, кстати? — уточнила Люся, до конца не утратившая надежду доказать мое помешательство.

Я кивнула в черную бездну.

* * *

Домой мы ехали в напряженной тишине. Каждая переваривала свое. Мне вдруг вспомнился Фрол — его единственного я защищала от истины так же, как их, и кого полюбила так же.

— Ты к нему хочешь? — спросила мама уже у дверей.

— К Фролу? — переспросила я, еще пребывая в мыслями в Саратове, той пьяной ночью накануне свадьбы. — Скучаю по нему, конечно. Он такой... Раннимый.

— Нет. — мама поморщилась. — К немцу твоему.

Это она о ком? О Фохте что ли?

— Мама, он мне — никто. Да и столько нервы мотал в свое время... — и я сразу вспомнила все те сцены в Суздале. Подумать только, и с этим человеком мне пришлось прожить несколько недель. — С Фролом мы больше года прожили душа в душу. С Фохтом мы сошлись по-настоящему только здесь, а познакомились... нехорошо. По его работе. А потом уже давно не виделись. Как Петя умер, я то в Вичуге жила, то в Петербурге — в усадьбе графа.

— Какого графа? — больным голосом отозвалась сестра.

— Николая Владимировича Татищева, Петиного отца.

Мы поднялись в квартиру, и я открыла интернет.

— У меня только одна его фотография, очень неудачная.

На снимке родич был взят со спины, вполоборота. Портреты в сети куда лучше.

— Представительный мужчина. — с интересом рассматривала его мама.

— Женат. Двое детей и душечка-графиня. — а ведь могло бы быть иначе.

Вот о них всемирная паутина знала только даты рождения с малопривлекательной формулировкой «после 1918 года судьба неизвестна». Сам граф стариком отступал с Белой Армией и скончался по пути в Югославию. С последних снимков на меня смотрел бородатый хищник с орлиным бровями и тяжелым взглядом.

— И ты у нас еще и графиня. — с мрачным удовлетворением произнесла сестра.

— Да. — я приняла правильную позу и сдержанно представилась. — Наше Сиятельство графиня Ксения Александровна Татищева...

Рассмеялась, но вот мои дамы этого уж не поддержали.

— Девушки, я понимаю, как это звучит. И понимаю, что поверить сложно. И фотографии можно объяснить фотошопом, и рассказы — хорошо подготовленной мистификацией. Но этот провал и мои волосы мы не можем объяснить логическими аргументами.

— А этот твой Федя... — начала сестра.

— Не мой, отдельный Федор Андреевич. Сотрудник особого отдела жандармского управления, между прочим.

— Вау, как в кино: он — жандарм, а ты — графиня. Романтика. — умилилась на мгновение сестрица.

И вся эта история напоминает какой-то сериал, который шел по первому каналу, вот только не вспомню название. Ну и, конечно, эта Люськина романтическая фантазия отлично вписалась бы в сценарий. Вот только в жизни все немного иначе оказалось. И все равно хочется туда.

— Его не принимают в моем доме. Более того, когда он начал копать под моего покойного мужа, граф изрядно подпортил ему жизнь. — сам Фохт не жаловался, но при любом упоминании свекра слегка морщился.

— А куда у тебя муж-то делся? Молодой же совсем. — Люся устроилась поудобнее с намерением выспросить все подробности.

— Это очень печальная история. Совершенно глупая дуэль, а потом ранение, внутреннее кровотечение. Я все делала, но без нормальной операционной и хорошего хирурга шансов не было. Несколько дней промучился, а потом...

До сих пор грустно вспоминать.

— И долго вы с ним прожили? — осведомилась мама.

— С 3 июня до 29 августа девяносто четвертого года. Мне понадобилось больше года, чтобы просто прижиться тут. Совсем другой язык, манеры, традиции.

Я разглаживала юбки — мою единственную теперь связь с прошлой жизнью и изумлялась тем, какой путь прошла за эти два года. Здесь за два года я что добивалась? В самом продуктивном отрезке — без экзаменов поступила в свой ВУЗ, успешно пройдя всероссийскую олимпиаду по математике. Ну или когда после диплома поступила в аспирантуру и начала преподавать, быстренько разочаровалась в этом и за несколько месяцев кардинально сменила стиль жизни, устроившись офисным планктоном (ну хорошо,

креативным планктоном). И все это меркнет между скачком из безымянной бродяжки до члена семьи известного на всю страну рода. Жаль только, Петя так мало прожил. У нас мог бы получиться хороший союз. Вновь вздохнула.

— А как же ты попала сюда? В смысле обратно? — Люська так выпрашивает, словно сама собралась.

— Ну через эту яму можно только попасть в Саратов. Я оказалась в феврале 1893 года. Мы с Петей жили в Самаре, потом я проводила траур в Суздале, поселилась в столице. А потом в Петербурге в случайном доме увидела еще одну дверь. Там мне как раз Фохт встретился, и мы... это... Быстро ушли. Обратно тоже не получилось. Зато оказалась я в том же дне, который и покинула. Надеюсь и там тоже вернуться в тот же день.

Дальнейшая беседа не очень удалась. Мы спорили, ругались, плакали, утешали друг друга, и вновь возвращались к прежнему.

— Ксюша, это же все равно как умереть, ты это понимаешь? — мама выглядела совершенно разбитой.

— Нет. Мам, если бы ты там побывала, то поняла бы все. — я всхлипывала, но свято верила в собственную правоту. — Там такой мир, которого здесь уже нет и не будет. Я себя заново слепила там, чтобы прижиться, и смогла. Вот понимаешь, вжилась в тот мир. И это было непросто, но интересно. — одно белье чего стоило, конечно. — Только теперь здесь меня все вымораживает. Мы и в самом деле очень многое утратили. Человечность что ли, искренность... Там люди не так ненавидят друг друга. Они не святые, отнюдь, порой жестоки и не очень обременены гуманизмом, но это уже мои люди, понимаешь?

Она не понимала. Сестра тоже.

Конечно, Татищевы тебя со свету сживают, прислуга их в гроб загоняет, но ты, Ксюшенька рвешься туда сломя голову.

— Там безопасно, насколько это вообще может быть. — ой, зря я про это.

— Безопасно?! — воскликнула мама. — Ты о каком годе говорила? Девяносто третьем?

— Пятом. — тихо поправила я.

— Ты хоть представляешь, что там революция скоро, война? — я впервые за всю жизнь получила подзатыльник от матери. Неожиданно и больно. — Гражданская война, понимаешь? А ты-то со своим языком точно влипнешь.

— Так именно поэтому и безопасно. Я все знаю, что произойдет и смогу переехать вовремя. Здесь у меня такое точно не получится. — насупилась беглая графиня.

И верно, который год я систематически начинаю твердить всем встречным и поперечным о неизбежности ядерной войны. Это не невроз, я не переживаю уже — что уж переживать из-за неизбежного. Но в том мирке пока еще нет оружия массового поражения, что не может не радовать.

— Мама, ты же сама всегда хотела, чтобы Ксения Нечаева прожила свою жизнь. И вот у меня получилось. — мне с утра казалось, что это разумный аргумент, и уж она-то точно поймет.

Произошло немыслимое — мама полезла в Люськину сумку, достала сигареты и закашлявшись, закурила. Это мама-то, которая от табака морщилась всегда. Мы с сестрой уставились на эту сцену, забыв подобрать челюсти.

— Мам... — протянула я с опаской рассматривая родительницу. — ты же не возражала, когда я участвовала в конкурсе на рабочую визу в Новой Зеландии. А Окленд ненамного дальше моего Питера.

— Да что бы ты понимала... — горько произнесла она и ушла на кухню.

Хреновое это чувство, когда из-за тебя плачет самый близкий человек.

В вечерних сумерках кухня выглядела обителью призраков.

— Мам...

Та только одернула плечо.

— Мам, я же ни разу не была тут прям чтобы офигенно счастлива. И ты сама мне об этом говорила.

— Зря. — хрипло пробормотала она.

— Нет. Понимаешь, там оно все — как огромное приключение. А я сейчас... То есть не сейчас, но там, состоятельна, могу увидеть то и тех, кого уже не существует. И прожить целую жизнь как путешествие в мир исторических романов.

— Но мы больше никогда не увидимся... — прошептала она.

— Да. То есть не обязательно. Надоест тебе современность — на пенсию переедешь не в деревню у моря, как хотела, а в дореволюционный Петербург. — пошутила я, и только когда произнесла это, поняла, что такое вполне возможно. — Ты же тоже видишь этот ход, так что сможешь попасть туда в любой момент.

— Пообещай мне подумать. Не очертя голову прыгать за своими нелепыми мужиками, а подумать. — мама крепко держала мою ладонь.

— Хорошо. — мне бы хоть один довод в пользу современности, кроме близких моих и интернета.

* * *

На этот раз в глубины истории я решила идти более подготовленной. Купила новый зарядник на солнечных батареях — более емкий и надежный (2 штуки), запаслась лекарствами первой необходимости — антибиотиками широкого спектра действия, противовирусными препаратами, контрацептивами (а вдруг? *dum spiro, spero*^[1]), противоожоговыми пластырями, современными раневыми повязками, кровоостанавливающими, еще кое-что по мелочи набрала. Купила пару книг по фармацевтике для своего бизнеса. Заготовила сувениры для родственника, кое-что на будущее. В общем, раз портить в будущем нечего, стесняться не стоит.

Я сбросила чемоданы в бездну и обернулась к нервно курящей сестре. Мама отказалась меня провожать и Люську осуждала за поддержку этого путешествия.

— Люсь, я не знаю, что из этого всего выйдет, но, если что, приезжай. Я дома оставила координаты, рекомендательное письмо к Фролу Матвеевичу и вообще. Фрол меня всегда найти сможет. Это крайний вариант, потому что я теперь несколько сомневаюсь насчет возможности попасть обратно.

— Ксюх, а может ну его? — она с омерзением вглядывалась в яму.

— Люсь, я только там живу по-настоящему. Пока, сестренка!

Прикоснулась к веснушчатой щеке и присоединилась к багажу.

* * *

Второй раз дался мне большей кровью, чем первый, как в прямом, так и в переносном смысле — падение увенчалось подвернутой ногой, наступать на которую было невыносимо больно. Я кое как доползла до выхода, проклиная собственную запасливость и столь неуместную ностальгию. Наряд выглядел чудовищно, уж не говоря о том, что вряд ли прокатил бы под местный. Дверь с легким скрипом отворилась и мне не понравилось увиденное — вместо ожидаемого снега на пригорке у заколоченного дома отцветали одуванчики.

Ничего, с этим тоже разберемся, наслаждаясь удушающей зимней одеждой подумала я и устроилась ждать сумерек. В ночи все ж таки попроще будет.

Первоначальный план с ночевкой в гостинице «Европа» пришлось быстро перекраивать и побитой собакой ковылять к лавке Фрола.

Второй час ночи, собаки лают, я бреду домой. Словно не было двух лет. А может их и не было, оборвалось вдруг сердце. Хотя вру, были-были — в витрине аптеки все еще стоит моя Нюся. Тут удалось выдохнуть, потому что паника от того, что все придется делать заново, слишком уж подняла давление — в глазахплыли черные мушки, в ушах стучало.

Я не стану описывать, с упоминанием каких бесов перебиралась через забор на задний двор лавки и как долго бросала камушки в окно Фроловой спальни. Удалось установить, что меткость — не моя сильная сторона, а преодоление забора dokonало ногу окончательно.

— Кого тут черти надирают? — в окне показался родной силуэт, и я прослезилась.

— Своих Фрол Матвеевич, своих. — просипела я.

— Пресвятая Богородица, какими судьбами? — слышен грохот чего-то упавшего, разбившегося, быстрые шаги по лестнице, и вот меня подхватывают на руки. Я дома.

— Да как же так?! — причитал Фрол, ощупывая меня по всему периметру. — Я тут места не нахожу, из полиции приходили спрашивали, а вас все нет и нет. Ни весточки, ни слова.

— Фрол Матвеевич, это очень долгая и непростая история. Я домой заезжала. Ностальгия замучила.

— Попроцалась? — тихо уточнил он.

— Да. Теперь уж навсегда попрощалась. — кивнула я и побрела в бывшую свою комнату. Там особо ничего и не изменилось — даже занавески те же. В шкафу сиротливо висит траурное платье еще по Анфисе Платоновне — его то завтра и надену, раз все так бесславно получилось. Особенно полиция настораживает.

Утром проснулась рано-рано, еще до рассвета, спустилась на кухню за водой, где до полусмерти напугала, а потом обрадовала Фёклу. Та расплакалась от жалости к моей несчастной сиротской доле, что и замужем-то пожить не пришлось.

— Что же теперь? — уточнил Фрол за завтраком.

— А теперь, Фрол Матвеевич, разберемся с делами, и если меня пока в покойники не записали, то я теперь богатая вдова с большими планами. Вы мое письмо получили?

— Дда, получил... Только его полиция забрала, когда сюда приходили. — смущенно ответил он.

— И завещание тоже?

— И его.

Странные интересы у полиции. Это ж сколько меня не было-то?

— И давно ли они были?

— Да уж с месяц тому. Письмецо-то я аккурат на Сретенье получил, только марки на

конверте не было. Нарочным пришло. А явился господин на Масленой Неделе. Расспрашивал, давно ли меня не видели, письма все собрал, да велел сообщить, ежели объявитесь.

— И откуда же такой интерес? — аккуратно осведомилась я.

— Так отец Петра Николаевича в розыск подал. Но вроде как неофициально.

Такое могло случиться только со мной. А раз от масленой недели прошел месяц, то...

— Зато вот к Пасхе Вы и нашлись. — сиял Фрол, и по теням на лице я понимала, что ему непросто далась эта история. Пестуя свои мятущиеся чувства, я совершенно не подумала о нем.

— Теперь все наладится. — я аккуратно взяла его ладонь в свои. Теперь все будет хорошо.

День прошел совершенно суматошно.

Россійская Имперія. Костромская губернія. С. Вичугагр. Н.В. Татищеву.

Телеграмма

Добралась до Саратова. Послѣ Пасхи вернусь въ Санктъ-Петербургъ. Прошу прощенія за доставленное безпокойство. К.А.Т.

Катусов, встреченный в почтовом управлении сделал вид, что со мной не знаком. Интересно, что ты сыщику наплел? Может меня граф уже разыскивает по обвинению в распутстве и/или двоемужестве?

В церкви, которая оказалась на диво родной и уютной после всех мытарств, я исповедалась и причастилась. В этот раз исповедь получилась эмоциональнее, со слезами по тем, кого больше не увижу и без сомнений в том, за что мне такая судьба. Это мой выбор и мое место.

Антуан воспринял мое возвращение без восторга, но спокойнее, чем раньше.

И вот снова поездка через полстраны, но без документов. В сопровождающие пришлось просить Фрола, который согласился одним днем посетить столицу и заодно оплатить мой билет. Сомнительное все же из меня получается знакомство.

Любезный мой батюшка Николай Владиміровичь!

Съ наилучшими пожеланіями и завѣреніемъ въ совершеннѣйшемъ почтеніи пишетъ Ваша невѣстка Ксенія.

Во первыхъ строкахъ своего письма спѣшу сообщить, что послѣ посѣщенія Святыхъ мѣстъ и молебновъ, пребываю въ совершенномъ здравіи и душевномъ покоѣ. Недавняя путаница, возникшая вслѣдствіе утраты нѣкоторой части корреспонденціи, когда Васъ сразу не увѣдомили о моемъ отъѣздѣ, уже прояснилась, и я вновь прошу прощенія за случившееся безпокойство.

Соблюдая всѣ предписываемыя обычаемъ и совѣстью правила траура, я, тѣмъ не менѣе, боюсь впасть въ грѣхъ отчаянія и хотѣла бы заняться дѣломъ полезнымъ и созидательнымъ. Посему прошу у Вашей милости разрѣшенія использовать часть участка земли в Климовомъ переулке въ городѣ Санктъ Петербургѣ. Мнѣ сообщили, что онъ остался въ Вашемъ владѣніи, а подъ доходный домъ оформлена лишь аренда. Размѣры его не позволяютъ использовать подъ особнякъ для большой семьи, которая, я надѣюсь, у Васъ еще будетъ увеличиваться, а мнѣ былъ бы какъ разъ для небольшого домика.

Такъ же рекомендую Вамъ купца Калачева Фрола Матвѣевича, который хлопочетъ о созданіи своей небольшой швейной мануфактуры, человѣкъ на 10–15. Когда узнала о его проектѣ, сразу подумала о Васъ. Возможно изыщется среди Вашихъ имѣній деревенька, гдѣ есть крестьянки, желающія снискать себѣ заработокъ.

За симъ не смѣю болѣе отрывать Васъ отъ важныхъ дѣлъ.

Передаю привѣты и наилучшія пожеланія Ольгѣ Александровнѣ, Алешеньке и Наташеньке.

Уповаю о Вашемъ благополучіи, всегда Ваша К.Т.

P.S. Къ сему письму прилагаю скромный подарокъ въ благодарность за всѣ Ваши хлопоты и безконечную доброту.

Адресъ я выяснила еще на профильномъ сайте для краеведов-любителей. У меня там на выборъ было несколько вариантовъ, но я учла перспективное соседство, и от шикарнаго места рядомъ с будущей трансформаторной подстанціей пришлось отказаться. Вместо ответа спустя несколько дней за завтракомъ мне подали конвертъ от стряпчего, где лежала купчая на часть земельного участка в Климовомъ переулке. Обижается, но сувениръ долженъ его какъ-то смягчить — я дома еще заказала печать нашей с Петромъ фотографии на керамическомъ овале. Аутентичный картонъ точно не найду, а это — мило и душевно. Заказъ делали в похоронной конторѣ и очень косились на меня.

Но разъ ужъ сложилось с землепользованиемъ, приступимъ ко второй части плана.

Первый разъ пишу на гербовой бумагѣ деловое письмо.

«Уважаемый Василій Ивановичь!

Имѣю честь пригласить Васъ для обсужденія строительства частнаго дома въ особнякъ графа В.Н. Татищева завтра съ 11 до 13 часовъ.

Графиня Ксенія Александровна Татищева».

Запечатала конвертъ настоящимъ сургучомъ и передала дворецкому. Какъ в кино, ей Богу.

Естественно, я пробовала найти своего напарника по путешествию, но где отыскать того, о ком знаешь только имя, а насчет места работы имеется столько вопросов. Сходила на Гороховую, 2, конечно и пообщалась с мелкими чиновниками. Просьбу найти господина Фохта восприняли настороженно, и даже денежка не помогла. Информации нет и не будет, барыня. Что ж, будем надеяться, жив.

Вспомнила их разговор с Люськой, прогулялась по Итальянской улице — но это нереально искать тут человека. Я, конечно, прогулялась несколько раз вдоль улицы в разное время, но и случайных встреч на мой век уже хватило.

На месте склада на Лиговке зиял обугленный котлован, даже той стены, где находилась дверь, больше не было. Билет в один конец у меня, стало быть. Комок в горле стал размером с кулак — маму, Люску и отчима больше не увижу.

Передо мной сидит будущая легенда российской архитектуры. Ему еще создавать настоящие шедевры, не зашиби его, Ксюша. Именно эту мысль я неоднократно прокручивала в голове, пытаюсь донести до Василия Ивановича свои пожелания. Первый дом в стиле модерн он построил бы на рубеже веков, но придется поспешить.

— Ваше Сиятельство, есть множество достойных Вашего положения решений. Классицизм, барокко, ренессанс. Вот, извольте ознакомиться, прекрасный элемент с купидонами. — Хорошо воспитан, бородка клинышком, умный взгляд, каштановые волосы еще не тронутые сединой. Старше меня года на два-три. Явно волнуется в усадьбе столь помпезной и величественной. До денежных заказов ему еще года три-четыре, а вот тогда и уверенности прибавится.

Ксюша, ты графиня, не стоит пояснять, куда стоит засовывать этих самых купидонов, и сколько именно раз потом проворачивать. Он уже понял.

— Василий Иванович! — я жестом показала Сусанне, что разговор потребует более солидной основы, получила требуемый коньяк, разлила по рюмкам, чем нимало удивила гостя, и продолжила. — Я, как видите, переживаю глубокую утрату.

Тот скорбно опустил глаза.

— Мой нежно любимый супруг почил в самом расцвете лет, и я не собираюсь строить увеселительный дворец. Нужно уединенное гнездышко, где женщина моего статуса могла бы прожить остаток своих дней в тиши и покое. — и тут я позволила себе всхлипнуть.

Все-таки дама в беде — беспроигрышный архетип.

— Возможно, нам стоит найти посетить место строительства, а потом я приглашаю Вас отобедать.

Господин Гроссе честно пытался сопротивляться, но куда ему...

С помощью горничной я все же сравнительно быстро собралась, дворецкий графа уже организовал пролетку — фамильную, татищевскую, и мы двинулись.

В первый раз участок и мне самой показался больше. На всякий случай кучера попросила чуть отъехать и подождать за углом, дабы порыв бежать придушить в зародыше.

— И это все? — беспомощно огляделся по сторонам будущий гений.

— Да. — кротко согласилась я.

— 19 саженей. Даже двадцати нет. — И ведь сходил перемерил.

— Именно так.

— А в глубину?

— 26 саженей. — я была очень немногословна. Да, в мое в время на таком участке можно было быстренько возвести небоскреб, выгодно его распродать и озолотиться еще до того, как фундамент поплывет, но вряд ли меня оценят с кухней с рукавичку.

— Ксения Александровна, я не волшебник, чтобы втиснуть сюда особняк.

— Art Nouveau^[2]. - упрямо произнесла я.

— Что, простите?

— Art Nouveau. — Повторила я. — Вы же уже сталкивались с ним в журналах, поездках.

— Но это... Ксения Александровна, так здесь особо не делают... — он оглянулся на улицу, которая являла собой смесь купеческого шика и лощенного барокко с вкраплениями эклектики.

— Василий Иванович, — я приподняла вуаль и подвела его к будущему гнезду. — Вот скажите искренне, Вам хочется попробовать? Стать первым, чтобы по этому фасаду узнавали именно Вас, а не «одного из этих архитекторов»?

Мой спутник пошел пятнами и сглотнул, а я бархатным тоном сирены продолжала вещевать.

— Пройдет еще лет пять — и этот стиль начнут тиражировать, а Вы будете первопроходцем, экспертом... Города растут, населения все больше, и на маленьких участках станут строить все более и более компактные дома — а Вы уже будете иметь опыт.

И я ворковала, ворковала, расписывая потрясающие перспективы, пока мы возвращались в усадьбу. Там уже был готов горячий обед с французским супом, запеченными стерлядками и маленькими эклерами. Я продолжала прессовать архитектора, который явно увлекся идеей, и под конец родил вообще обескураживающее решение.

— Хорошо. Я даже согласен на половину от гонорара, потому что это все так... Непредсказуемо, что ли...

— Хорошо. — быстро согласилась я и снова добавила гостю алкоголя. Главное, чтобы он сам потом не забыл об обещаниях.

* * *

Наутро он пришел сам, сверкая покрасневшими глазами и явно не сменив костюм.

— Ваше Сиятельство, посмотрите!

Ночь он явно провел не зря. В чем-то мне замысел понравился сразу, особенно огромные, похожие на створки морских раковин окна, лепнина на фасаде, плавная округлая линия ската крыши. В таком крошечном пространстве он ухитрился разметить световой колодец двора и тут-то я начала думать о ближайшем будущем.

— Василий Иванович, во двор нужно сделать проезд.

— Какой проезд? — опешил художник.

— Вот здесь справа, где окно — сделаем проезд во двор шириной 2,5–3 сажени.

— Но тогда фасад....

— Не пострадает, если ворота будут повторять окно, просто непрозрачное. — Ну не то чтобы уж совсем не будет бросаться в глаза, но через пять лет, жива буду — куплю автомобиль. — Лепнина мне очень понравилась, но если разбавить растения ящерицами и жабами...

— Жабами? — он как-то совсем затосковал.

— Лягушечки — это так мило... Не находите? — я похлопала ресницами. — Ну не понравятся лягушки — оставим ящериц. Хотя две жабы вместо кариатид у парадного входа потрясающе бы смотрелись. Посмотрите гадов по своему вкусу. Фасад преимущественно серый и светло-серый. Алевролит или шунгит карельский вполне подойдут.

— А...? — он прямо болеть начал.

— Нужно поддерживать отечественные продукты. — назидательно сообщила я, в очередной раз с болью подумав о бюджете. — Василий Иванович, нам бы тысяч в сто... — А кто скажет, почему тут строительство? Я пока до сих пор не разобралась в соотношении цен и доходов. Мой собеседник озадачился и я торопливо подняла планку. — ... или сто пятьдесят надо уложиться. Если управимся в 100 — пять тысяч премии лично Вам. Если меньше — то за каждые 10 тысяч экономии Вы получите премию в 2 тысячи. Но при этом дом должен стоять крепко и долго.

В общем-то, если без пафоса, то эта задача вполне достижима.

— Это очень хороший бюджет. — начал было он.

— Но пока мы с Вами обсуждали мелочи. Планировка комнат и все прочее — тоже не очень затруднительно.

— Да, насчет комнат... — он горестно вздохнул. — Бальную залу разместить негде. Только если еще этаж надстроить...

— Что же, значит обойдемся без балов. — если вдруг приспичит, то попрошусь к любимой родне. А пешком пять этажей при таких-то высоких потолках увольте. — Тогда более важное. Потолки не ниже 2 сажень, внутренние лестницы из дерева, арки и контрфорсы — тоже. Предпочтительнее будет мореный дуб, но в целом — на Ваше усмотрение.

— Ваше Сиятельство очень хорошо разбирается в строительстве. — с изумлением заметил архитектор, продолжая делать пометки.

— Благодарю, у меня очень широкий кругозор. — Милый, я однажды делала рекламное предложение аварийного здания в стиле неоготики, в одиночку, потому что коллег выкосил очередной птичий грипп. Продали по цене памятника архитектуры мирового значения и с тех пор знаю о строительстве и реставрации куда больше, чем хотелось бы. — В целом задача состоит в том, чтобы снаружи было необычно и элегантно, а внутри — уютно и комфортно. Поэтому во внутренней отделке можно использовать больше дерева и природного камня, как в английских усадьбах, а снаружи — лаконично и выдержанно.

— Но с гадами? — уточнил он.

— Желательно. Но раз уж Вы, сударь, так настроены против, то на выбор можем взять несколько других тем. — что там у нас было такое кондово-модерновое? — Например, совы, насекомые: жуки, стрекозы, павлина можно. Но лучше не смешивать всю эту компанию, а остановиться на чем-то определенном. Но мы отвлеклись. Отделочные работы же проводятся после окончания строительства.

— А что Вас интересует?

— Инженерные вопросы, Василий Иванович.

Он уже устал сдвигать брови к затылку.

— Что именно?

— Начнем с коммуникаций. — я молча налила ему выпить, пододвинула бокал и начала с самой больной темы. — Выгребную яму сделайте с боковой заслонкой для керамической трубы. Будет совсем хорошо, если слив из ванн и раковин отправится напрямую в ливневую канализацию, а из ватеркозетов — в яму. И тогда, коли городские власти вдруг организуют культурную канализацию, то будет проще присоединить к ней нашу яму.

— Это же... — Он смотрел с безразличием и восхищением.

— Это разумно и решать надо сейчас, а не при укладке кровли. — невозмутимо продолжала я. Вот ведь, говорить о туалете некрасиво, а дышать этим смрадом на Невском — прям мечта. — Полагаю, подвальные помещения стоит устроить под всем участком. Там можно расположить различного рода кладовые помещения, ледник, хранилище для дров и прочее. Отопление лучше сделать водяным или паровым, на Ваше усмотрение, и я предлагаю использовать бетонные перекрытия, чтобы разместить внутри них отопительные трубы. Само собой, это для жилых помещений второго и третьего этажа. Кстати, я бы попросила добавить в крыше мансарду и балкончик в стиле окон. Я там планирую спать, а просыпаясь любоваться пейзажами. Еще меня очень впечатлила эта идея с витражами, можно добавить в них элементы фасада и еще повторить их в мозаике пола прихожей. Камин и печи — по Вашему усмотрению. Освещение — электрическое, конечно. Вы что-то хотели уточнить?

— Но сударыня, есть информация, что паровое отопление сушит воздух... Это так опасно для хрупкого женского здоровья. — смутился гость.

— Сухой воздух в Санкт-Петербурге-то? — я иронично изогнула бровь.

Мы оба рассмеялись. А потом началось вписывание невписуемого. На первом этаже нашего L-образного дома остались прообраз гаража, холл и кухня с хозяйственными помещениями. Пол кухни можно было без проблем поднять и в полуцоколе разместить квартирки для прислуги. Аж четыре. На втором этаже получалось высвободить столовую, салон и маленький зимний сад. Сюда же — пара спален для гостей и комната неопределенного назначения для них же. На третьем предполагались две детских спальни, игровая, моя спальня и гардеробная. Но раз пошло освоение чердака, то на третий этаж отправился кабинет-библиотека. В каждую приличную спальню вписывалась уборная, и еще по этажам раскидали четыре ванных комнаты. Плодились потайные лестницы, слуховые и световые окна.

— Тесновато для Вашего Сиятельства... — сомневался архитектор.

Я вздыхала, вспоминая теткину однушку и нашу с Люсей двенадцатиметровую пещерку и отвечала:

— Скромность украшает добродетель.

Мы задумчиво изучали пустой многоугольник слева от входа.

— Ну разве что очень скромный зал...

— Музыкальная комната с возможностью танцев в небольшой компании...

На том и постановили. Имперские балы я закатывать не стану, но на 20–30 гостей вполне.

Получившийся объект, мягко говоря, не вписывался в концепцию «тихо доживать дни свои», особенно детское крыло, но зато полностью закрывал все мои потребности в жилье. Я — городской человек, именем наелась уже. Стройка как раз закончится, когда я сниму траур, так что жизнь только начинается.

Через месяц был готов не только котлован, но и до середины доведены стены подвала. Я умилялась, покупала строителям вкусняшек и с ужасом наблюдала за утеканием денег со счета. Причем Гроссе был удивительно порядочен, отслеживал все этапы строительства, сам общался с подрядчиками и бился за каждый рубль, но факт уменьшения ресурсов печалил. Прокладочный проект заработает всерьез только после начала моей светской жизни, но на редкость засушливое лето давало мне большие надежды на ускорение процесса стройки.

Архитектор всячески пытался самоустраниться от гадов. В какой-то момент я сжалась над его неловкими попытками «забыть» об очередном представителе мира пресмыкающихся.

— Василий Иванович, чем расплытаться по разным темам, давайте сделаем акцент на листьях клевера. Это и для внутреннего оформления подойдет.

— Трилистник-то? — облегченно переспросил зодчий. — подойдет.

А я перешла к важному практическому вопросу.

— Василий Иванович, нам бы на первом этаже рамы сделать покрепче. Сильно покрепче. Может стальными пластинами укрепить?

— Зачем? — он почти уже отвык поражаться, но сегодня я в ударе.

— А вот представьте — соберется какой политический активный пролетариат на прогулку с булжниками в руках, а тут мой дом. Хотелось бы большей безопасности.

— Ну что Вы, Ксения Александровна, такой Марсельезы у нас никогда не будет!

Наивный мальчик, 10 лет осталось до начала. Но спорить — только время попусту тратить, поэтому следующее собеседование у меня случилось со столяром-стекольщиком — невысоким, суховатым мужичком лет 40, белесая внешность и птичьи черты лица которого наводили на мысли о чухонском происхождении.

— Любезный Трофим Модестович, я хочу предложить новую форму рам.

— А чем старые-то не угодили? — буркнул он, явно смущенный и настороженный неадекватным вниманием заказчицы к своей работе.

— Угодили, очень качественная древесина, прекрасно подогнаны все детали, сразу видна рука мастера, именно поэтому мне и хочется заказать эту работу именно Вам.

И я начала рисовать стеклопакет. То есть рисунки уже были — только корректировки требовались. Насчет него я подумала еще в 2015 году, но из-за отсутствия современных материалов данный проект казался сомнительным даже мне самой. Хотя попытка — не пытка.

— Так что выходит, вместо двух рам можно одну сделать? — заинтересовался мастер, изучив мою схему. Как я дома еще фотографии преобразовывала в карандашные наброски — отдельная тема. Главное, что любопытство вызывает.

— Да, заодно и звукоизоляция лучше, и нагрузка на стены меньше. Если скрепить три стекла — получится как будто тройная рама, но в одной обвязке. Так меньше будут потери тепла. Если вот здесь и здесь уплотнить кожаными или войлочными полосками — получим улучшение теплоизоляции. А для создания вакуума можно использовать смесь гудрона с чем-нибудь и вот еще... — я порылась в своем блокноте. — если смешать жидкое стекло и соляную кислоту в равных объемах, полученную массу промыть, а потом просушить, а лучше прокалить — этот порошок будет впитывать любую влагу.

— Мудрено как-то, барыня. — Мастер хмыкнул и пропал на две недели, после которых вернулся просветленным и восторженным — ему удалось слепить стекла так, что даже при погружении в реку пакет сохранял вакуум внутри, а при накаливании внешнего стекла,

третье едва согрелось.

Перед стекольщиком открывались невиданные доселе перспективы, и мы договорились, что взамен обычной цены на свой заказ, и бесплатного сервиса по замене разбитых стекол в будущем, я передаю ему весь пакет разработок. Он так до конца и не поверил, что это я сама придумала, но это было не главным. Главное — не задавая лишних вопросов и не рефлексирюя, мастер укрепил стальными прутьями окна первого и второго этажа так, что теперь их можно было вынести только со стеной — основательной, в три кирпича. Человек пролетарского происхождения, он как-то не особо сомневался в возможности близкого знакомства с бушующей толпой.

Гроссе обнаружил наше нетривиальное инженерное решение не сразу и тут же примчался с вопросами.

— Однослойные рамы — это же очень холодно! — Он всерьез разволновался. — Это же сырость в доме, грибок, чахотка!

— Все будет хорошо, Василий Иванович! Плотник все проверил и сам уверен в успехе. Если начну замерзать — закажем дополнительные створки.

Я как раз досушивала волосы после ванны, когда в безмолвном до того доме началась форменная суматоха: откуда-то высыпала целая прорва слуг, горничные в крахмальных чепцах судорожно сдирали чехлы с мебели, где-то внизу ругались, спорили, неизбежно что-то роняли.

— Любезная, а что случилось? — горничная тащила такой огромный тюк покрывал, что издалека была похожа на вдруг поседевшую Мардж Симпсон.

— Барин, их Сиятельство, с вокзала едут. — и все-таки удержала равновесие.

Ох, а я уж тут привыкла в одиночестве-то... Да и не виделись мы с ним еще после всех моих приключений.

* * *

В холле мы выстроились все вместе — слуги, и, чуть в стороне, я. Мажордом сурово покосился на едва заколотые чуть влажные волосы, но промолчал.

— Николай Владимирович, как же я рада Вас видеть! — по здравому размышлению мне стало понятно, что подлость и низость он считает неприемлемыми для себя, так что нож в спину я вряд ли получу, поэтому надеюсь, что приветливость рано или поздно сработает.

— Приветствую, сударыня. — сдержанно отозвался хозяин дома. И отрывисто слугам. — Вечером в Собрание еду. А сейчас мы с Ксенией Александровной потрапезничаем.

* * *

— Про то дело никому знать не надобно. Уехала Наталья Осиповна по святым местам и осталась в монастырях. — тщательно пережевывая рябчика обронил родственник.

— Да, мне так и запомнилось. — быстро согласилась я, пока и мне дорожку куда не проложили.

— Вот и умница. — перешел на «ты» родич. — Я тут с твоим завещанием ознакомился.

Я вопросительно подняла брови.

— Странно в такие годы о смерти думать, но раз ума хватило... Почему Наташке, а не еще кому? Что же, своих четвероюродных племянниц и племянников не нашлось?

— А у меня больше теперь никого нет. Фрол Матвеевич позаботился обо мне, когда всем дальним родственникам было проще не вспоминать о папенькиной беде. А Вы не оставили в заботе, когда я потеряла Петеньку.

— Хм... — Он перешел к рыбному заливному. — Тебе виднее.

Ну не выгнал пока, и то хорошо. Хоть какое-то чувство благодарности за то, что я второй раз избавляю фамилию от скандала, должно же быть.

— Говорят, ты, сударыня, стройкой занялись?

Так и знала, что мажордом стучит дятлом. Хотя, положи руку на сердце, плох был бы, если б промолчал.

— С Вашего благословения. Я только присматриваю, а работает архитектор, Василий Иванович Гроссе.

— Не женское это дело. Съездим потом, поглядим.

* * *

В парадном мундире родственник сиял чище новогодней елки, и я им откровенно любовалась. Мундир генерал-майора, начищенные сапоги, сияющие пуговицы — хоть пиши парадный портрет. Одних орденов с полдюжины, а еще медали. Я только Св. Анны и Св. Владимира с ходу узнаю, а остальные сияют звездами, крестами, позвякивают при ходьбе. Отражением этого света лучился пушистый камердинер.

Вернулся господин Татищев за полночь, мрачный и сосредоточенный. Я преданной Хатико ждала в библиотеке.

— Отчего не спишь, сударыня? — не глядя в мою сторону полюбопытствовал граф.

— Да вот приготовила Вам — подвинула к нему настой трав.

Он еще раз озадаченно хмыкнул, залпом выпил смесь валерианы, пустырника и ромашки, поморщился и заполировал это коньяком.

— Благодарю. — он откинулся в кресле и затянулся сигарой. Да, подлинный табачный дым — не самое приятное ощущение, но с Примой не сравнить.

Я молчала, он молчал. За окнами белая ночь, так что даже погасшие свечи не мешали мне рассматривать его породистое лицо, ястребиные брови, острый взгляд, тяжелую нижнюю челюсть.

— Нравлюсь? — не глядя обронил он.

— Вы — видный мужчина. — согласилась я, пытаюсь, тем не менее обойти скользкий момент. — Интересный собеседник. Ученые, которые исследуют человеческий разум, иногда упоминают о харизме — способности личности увлекать за собой, внушать уважение не страхом или подкупом, а восхищением. Так вот, полагаю, у вас это свойство ярко выражено...

Любая лесть, самая грубая, но главное — не переспать с ним ненароком. Помимо всего прочего он мне еще и брак признает недействительным из-за одного обстоятельства.

— Лиса, ох лиса... — криво улыбнулся роковой мужчина. Подумал, и добавил. — Мы переезжаем скоро. В Москву. Можешь с нами жить.

О как. В дом берут, Шарик! На «ты» зовут. Но я уж тут корни пустила....

— Спасибо. Это большая честь для меня, Николай Владимирович, и еще зимой я бы не задумывалась, но сейчас я тут со стройкой начала. Плохо это — дело на полпути бросать. — я очень осторожно подбирала слова. В сущности, именно граф обладает всеми рычагами чтобы стереть меня из истории. Он же может оказаться ключевым фактором успеха. И пусть в друзья ко мне он не попадет, но дружелюбие необходимо укрепить.

— Да, бросать дело нехорошо. — он явно думал о чем-то своем. — Ступай, ложись. После завтрака хочю твою стройку посмотреть.

Поспать — это громко сказано. Суэта в доме началась около шести утра, а с учетом отхода ко сну в три, пробуждение приятным не было.

Я поймала в коридоре очередную очумевшую горничную.

— Его Сиятельство проснулись?

— Давно уже, сейчас завтрак подадут. — и рванула дальше. Их тут к Олимпиаде что ли готовят?

Наспех собравшись, я выкатилась в столовую лоя на ходу домашние туфли.

— Доброе утро, Николай Владимирович и приятного аппетита. — протараторила и устроилась на противоположном конце стола.

— Не передумала? — он указал на поднос с несколькими толстыми конвертами красивого золотистого оттенка. — Я теперь московским губернатором назначен. С повышением до III класса.

Ваууу. Жаль, так говорить пока не принято.

— Поздравляю, Николай Владимирович! Ваше... превосходительство?

— Да, Ксения, именно так...

Что-то с этим назначением не так... Вспоминай, Ксюша, вспоминай... Там же кто-то есть, такой, проблемный. Чей-то муж, с которым очень много не так. Я же помню, помню...

— Там же сейчас Великий Князь? — очень осторожно уточнила я, боясь допустить какую-то катастрофическую ошибку.

— Его Светлость князь Сергей Александрович генерал-губернаторствует. — поджал губы родственник, и я вспомнила. Точно! Генерал-губернатор повыше губернатора, а конкретно этот допустит чересчур много промахов. И один из них... О, Господи! За один из них родственника самое малое — в отставку с позором отправят. И как мне об этом говорить? А как промолчать?

Я лучше письмо напишу потом. Так, мол, и так, сон мне приснился... Ходынку бы закрыть на карантин...

— Это очень достойная Вас должность. Много забот и ответственности, но и почет и уважение.

— Это верно. Заботы и ответственность. И Москва.

Ага, и Сергей Александрович за спиной. Совсем двусмысленно получается, но у того все больше адъютанты были.

— Ольга Александровна-то как обрадуется! Ей теперь столько туалетов понадобится, шляпок!

У родственника резко заболел кошелек.

— Ваша женская транжирская сущность! Поехали на твои расходы смотреть. — он отставил тарелку, а я так и не успела за новостями ничего поклевать, поэтому ухватила пирожок.

Для хозяина лошадей выделили получше, чем моя престарелая кобыла, чьим здоровьем я сразу озаботилась. Когда граф выяснил природу моей нежности к пенсионерке, то у кого-то явно наметились служебные неприятности.

С помпой на двойке мы доехали до моего домика. Василия Ивановича я разглядела не сразу, зато строители муравьями копошились уже на середине второго этажа.

Архитектор вскоре рассмотрел новоприбывших, спешно подошел к нам, испачканный раствором и всклокоченный.

— Николай Владимирович, позвольте представить Вам архитектора Василия Ивановича Гроссе. Василий Иванович, это отец моего покойного супруга, его превосходительство граф Татищев.

На все наши проекты родственник посмотрел крайне снисходительно, а на прощание заполировал все обращением к Гроссе и подрядчику.

— Напортачите — в Сибири сгною.

И как-то верилось.

— Ну как, Вам понравилось? — осторожно уточнила я, когда мы почти доехали до Моховой улицы.

— Нет. Тесно там и мрачно.

— Мне как раз. — затараторила я.

— Ты ж не вечно в трауре ходить будешь. А графине Татищевой уютиться в трех комнатках...

— Но их содержать проще. — ушла в оборону я. — И мне ни к чему такой дворец.

— Дело твое. Строй. Продать всегда можно. — он окидывал взором колоннады, десятки сияющих окон и царственные врата своего владения, на фоне которого мое жилище определенно получалось вороньим гнездом. Поношенным вороньим гнездом для птицы, страдающей тяжелой анорексией.

— Денег-то хватает пока? — с хитринкой поинтересовался родич перед отъездом.

— Да, Николай Владимирович, спасибо за заботу. — чуть присела в реверансе стоя на крыльце. Лето обещало стать еще жарче, где-то по соседству ночью опять поработали золотари и теперь уже не так умно выглядел тот факт, что я остаюсь в таком пекле в городе. Но кто пережил лето 2010, тому и в аду холодно, так что не будем жаловаться, а станем жить дальше.

После утреннего чтения я практически без завтрака отправилась по своим делам. Теперь моя престарелая Лазорка чаще отдыхала, (и я даже озвучила идею отправить ее в Вичугу на травке пастись, чем внесла сумятицу в мировоззрение кучера, который доселе

считал меня лишней обузой) поэтому ежедневно мне выделяли разных лошадей графа, чтобы ни одна не застаивалась. На кухне я заимела репутацию безобидной блаженненькой, и это было единственное место в доме, где меня воспринимали без ужаса, поэтому морковку и яблоки выдавали по первой просьбе, равно как и пироги для строителей. Я чаще улыбалась и меньше разговаривала, но мужская половина прислуги все равно старалась лишних дел со мной не иметь.

* * *

Ранняя служба в храме, народу не так уж много, но вот платочки зашуршали, зашептались. В дверях в сопровождении нескольких гвардейцев и стайки женщин в черном вошла миниатюрная женщина лет пятидесяти с гордой осанкой и печальным лицом под очень дорогой вуалью. «Вдовствующая императрица» — прошелестели вокруг и незаметно расступились. Перекрестившись перед большим резным распятием, Ее Величество преклонила колени перед алтарем и так и провела весь остаток службы. Скорбь этой крохотной, но такой величественной женщины была столь сильна, что читалась даже со спины. Я смотрела на нее и явственно чувствовала свое малодушие.

Моя привязанность к мужу строилась на очаровании и благодарности. Наш союз не успел стать крепкой дружбой, по объективной причине не перерос в страсть, а последние его дни выпили из меня всю душевную силу. Поэтому горевала я как по близкому человеку, но не так, как Ее Величество. Поэтому и хватило мне первых месяцев траура, чтоб выплакать все слезы и со светлой печалью в душе жить дальше. А ведь как хочется пережить такое, чтобы потом было кого вспоминать так. В то же время, ей придется столько сыновей, внуков и внучек, других мужчин и женщин поминать в ближайшие годы, что сохрани Господь нас от такой чаши.

И было мне жаль ее, всех ее близких, и несчастного Петеньку, который тоже не успел прожить свою большую и интересную жизнь. И слезы застилали глаза, превращая иконостас в темный фон большого моря пламени свечей. Кто-то тронул мой локоть и я повернула голову, чтобы оцепенеть и опуститься на колени.

— Ваше Величество...

— Не стоит, сударыня. — с легким акцентом произнес негромкий голос. — Вы тоже потеряли мужа?

— Даа...Поручика Петра Татищева... — что же делать? Я вообще не знаю, как разговаривать с особами такого уровня. — Но мою утрату не сравнить... Вашего супруга потеряли не только Вы, но и сто пятьдесят миллионов человек...

— Да, дитя... — Она перекрестилась, перекрестила меня и протянула платок, потому что мои слезы бессовестно капали не только на мое, но и на ее платье.

И удалилась, оставив публику коситься в мою сторону. Аккуратно, по стеночке, я уползла из храма, истово перекрестилась на выходе и бросилась к кучеру.

— Мефодий, домой едем.

* * *

По дороге меня трясло. То, что я нарушила все мыслимые нормы этикета, о которых не имею представления — бесспорно. Но явного оскорбления не нанесла же? А то, что нарушила — чем карается? Сибирь? Ссылка в деревню? Вряд ли казнь — в эти годы вешали только цареубийц и изменников, по-моему. Брата дедушки Ленина точно за такое.

А я? Что мне дома не сиделось то?

* * *

В руке я продолжала сжимать тонкий батистовый платок с черной каймой и вышитым вензелем. Под стекло положу и внукам буду показывать. Ага, если переживу последствия этой встречи.

Через три дня, которые я провела в нервном оцепенении сидя в кровати (да, я испугалась. Я — маленький ранимый зверек и пугаюсь встреч даже с дружелюбными мамонтами. Те и случайно раздавят — не заметят), пришло письмо от родственника. Ну письмом это назвать сложно, скорее записка — зато на гербовой бумаге московского губернатора.

Любезная моя Ксенія Александровна!

Я намедни получилъ письмо съ Высочайшими соболѣзнованіями по поводу утраты наслѣдника. Особо въ немъ упоминается скорбящая вдова. Хотѣлось бы узнать подробности этой исторіи.

Н.Т.

И что писать? «Дяденька, Николай Владимирович, я не хотела, оно как-то само?»

«Милостивый государь мой, Николай Владиміровичъ!»

Пребывая въ самомъ смятенномъ душевномъ состояніи, обращаюсь къ Вашей мудрости и богатому жизненному опыту.

Какъ Вамъ извѣстно, дѣтство и юность свои я провела въ деревнѣ, мы не выѣзжали, такъ что мои манеры оставляютъ желать много лучшаго. И третьяго дня какъ разъ въ этомъ очередной разъ убѣдилась. Во время утренняго молебна въ Храмъ Спаса-на-Крови, ко мнѣ обратилась Государыня Марія Ѳедоровна со словами утѣшенія, а я только встала передъ ней на колѣни и отвѣтила, что моя печаль глубока, но ея горѣ безмѣрно, ибо мой мужъ оставилъ семью и друзей, а ея — всю страну. Въ милости своей Государыня отдала мнѣ свой платокъ и ушла.

Мои учителя не готовили меня къ такому событію, поэтому уповаю на Васъ.

Всегда Ваша К.Т.»

От греха подальше я предложила своим строителям новую схему работы, и теперь в самые жаркие полуденные часы они спокойно отсыпались, зато трудились всю светлую часть суток. Навещала я их так же в нечестивое утреннее время, пока весь город еще спал. Молебны посещала теперь не каждый день, и в разных храмах, отдавая предпочтение тем, где прихожане попроще.

Стройка вообще увлекла меня более всего остального. В те часы, которые я не торчала возле котлована, читала журналы и книги по строительству, умилялась технологиям, восхищалась добротностью конструкций. Общалась со всеми — от инженеров до подсобных рабочих, удивительным образом не разругавшись ни с одним. Скучаю все-таки по

нормальному социуму.

Лето подходило к концу. Отступил зной, который я за своими заботами совершенно проглядела, приближалась годовщина дуэли. Я испросила у свекра позволения посетить Вичугу, которое незамедлительно получила. Усадьба казалась еще просторнее в мертвой тишине. Могила мужа осела, поросла травой, которую пришлось выщипывать руками. Я прислушалась к себе и поняла, что почти отпустила его. Помню какие-то мелочи, прикосновения, улыбку, но больше не злюсь ни на что. Мальчик мой, как же нелепо все вышло. Я улыбнулась, вспоминая нашу лодочную прогулку, возню с декорациями, букеты эти удивительные... Как будто в другой жизни.

Вообще получается, что моя жизнь слеплена из нескольких лоскутов разных размеров. Большой, с примесью синтетики и пестрым, но непритязательным узором — до 27, смесь холстины и бархата — до 29, пестрый шелк — еще несколько месяцев, черный креп — позже, полиэстер с молниями — период недолгого возвращения в родную реальность, и вот теперь сотканная из разных нитей жизнь, где есть место хлопку, шелку, парче и кисее. Но нет места любви.

Конечно, с этой стороной жизни какие-то неурядицы тут. По всем законам жанра я уже должна была влюбиться пламенно и страстно давно. В кого-нибудь. Да уж ладно, не влюбиться, но найти себе кого-нибудь для иллюзии отношений, всяко могла попробовать. Пусть здесь какие-то очень экстремальные моральные ограничения, но ладно, хоть пару раз с кем-то могла бы?

Но в Саратове круг общения как-то ограничил любовные порывы... Being determines consciousness. Шевельнулось в душе и теле что-то только с Петенькой, но там я сразу была в проигравших. Бог свидетель, я столько попыток предприняла, чтобы хотя бы сделать наш брак действительным, что на некоторое время к сексуальной стороне отношений приобрела стойкое отвращение. Прислугу брать в постель не *comme il faut* не только и не столько из-за сословных предрассудков или моего новообретенного дворянского снобизма. Во первых, это не сделает ни одного из нас счастливее, во-вторых слишком опасно Стать любовницей графа? Скучно мне вряд ли будет, но зачем? Архитектора жалко, да он и идейно-семейный человек.

Не на Фохта же было бросаться? Тем более, совсем запропал мужик. Да и как его такого клеить? С ним даже заигрывать не особо тянет, хотя те недели совместного проживания в моей квартирке нас немного сблизили... Правда, его чуждость тому миру таким плотным коконом прикрывала все границы, что и желания ни разу не возникало. Это же как с инопланетянином переспать — только для самых экстремалок. Когда вернулась сюда, тоже не пойми чем думала. Если бы мама была права, и я ринулась сюда к мужчине, все было бы проще и понятнее. Но каким-то невероятным способом я, ненавидевшая раньше эту эпоху за обреченность и преддверие адской мясорубки, впитала и людей, и темпы общения, движения, запахи, звуки. И теперь ощущаю собственное биение сердца только в такт с грохотом колес по мостовой, окриками извозчиков, птичьим пением по утрам, колокольным звоном.

На одной из станций (в этот раз я вполне таки успешно воспользовалась поездом) купила у мальчика-газетчика «Русские Ведомости», где помимо прочего интересного сообщалось о выселении духоборов из Тифлиса с эмоциональными комментариями нашего литературного «всего» Льва Николаевича Толстого.

«Въ настоящую минуту на Кавказѣ происходитъ гоненіе на христіанъ Духоборовъ. И,

право, кажется, что мучители, хотя и въ другомъ родѣ, но не менѣ жестоки и глухи къ страданіямъ своихъ жертвъ и жертвы не менѣ тверды и мужественны, чѣмъ мучители и мученики времянь Діоклетіана. Нельзя оставаться спокойнымъ, зная объ этихъ совершающихся дѣлахъ, а я невольно близко знаю про нихъ и не могу не попытаться сдѣлать то, что могу для того, чтобы облегчить положеніе жертвъ и, главное, грѣхъ мучителей, всегда не знающихъ, что творять...»

Я про это документальный фильм видела — дичайшая история, когда общину миролюбивыхъ сектантовъ зачищали сначала казаки, а потомъ лезгинская туземная милиция, что в итоге дало сотни погибшихъ мужчинъ, раненыхъ, изнасилованныхъ женщинъ и пепелище на месте двухъ сел. Дату как-то не запомнила, а вот про участие Толстого в судьбе уцелевшихъ запомнила. Равно как и то, какой резонанс вызвала эта история и какимъ бокомъ она потомъ отозвалась. Думаю, что такое отношеніе ко всемъ инаковерующимъ точно не способствовало укреплению гражданского общества, но исправить это теперь уже нельзя и в этомъ мире.

* * *

В октябрѣ рабочие вплотную занялись внутренней отделкой и монтажомъ оборудования. Печи успели сделать еще по солнышку, так что теперь внутри было сухо и тепло. В мансарду Гроссе меня провелъ с закрытыми глазами и показал то, ради чего стоило городить весь этотъ проектъ.

— Это мой сюрпризъ для Вас, Ксения Александровна. — осторожно произнес онъ.

На одной изъ боковыхъ стенъ сдержанно сияетъ перламутромъ мозаичное панно в метр высоты и три шириной, изображающее прудъ с белыми кувшинками, на листьяхъ которыхъ и в водѣ расположились с полдюжины большеглазыхъ лягушекъ. А Моне-то еще своихъ не нарисовалъ.

— Вы — волшебникъ, Василий Иванович! — я обняла его и расцеловала в обе щеки. — Это же именно то, что я хотела. Такое нежное и зеленое...

— Я тут подсчиталъ общие расходы. — осторожно и несколько смущенно началъ архитекторъ. — Получилось 79 тысячъ 487 рублей и 11 копеекъ. Все-таки Ваши передовые инженерные решения пока еще очень дороги.

Зато теперь в домѣ 6 полноценныхъ ванныхъ комнатъ, 8 хорошихъ туалетовъ, проточная вода, дублирующая система отопления, электрическая разводка из медной трубы, полный пакетъ для врезки в городскую канализацию, несколько внеплановыхъ переходовъ между помещениями и кое-что еще на выростъ. Даже с учетомъ премій и предстоящей покупки мебели — у меня остается больше половины наследства. Плюс шикарный недвижимый активъ.

* * *

На радостяхъ я отправилась покупать кровать. Какъ оказалось, беда с мебелью — бич не только эпохи кризиса общества потребления. Деревянные монстры более всего напоминали заготовки гроба для слоновъ или чересчуръ вольные фантазии на темѣ Марии Антуанетты. Металлические с шипечками слишкомъ отдаютъ больницей. В концѣ концовъ я уломала

Мефодия вывезти меня в нецивилизованный мир рабочих окраин к кузнецу. Там я долго и вдумчиво объясняла дюжему дядьке весом в полтора центнера, из которых треть — кулаки, что я хочу получить в итоге. За щадящий полтинник через неделю на лужайке перед Усадьбой появилась кровать привычного мне вида с одной спинкой, похожей на стену камышей, диванчик и пара пуфиков аналогичного вида. Кузнец очень смутился своей телеги и кряжистой лошади, прислуга ошалела от моего приобретения, но зато я получила желаемое.

* * *

Как по волшебству (три бригады волшебников деликатно рассеялись по всем этажам) стены покрывались обоями, монтировались порталы каминов, покрывались изразцами печи. Всюду в лепнине потолков и резьбе перил встречались трилистники, а местами у них было четыре лепестка и находить такие бывало особенно приятно. Деревянные полы было жаль укрывать коврами, и вообще хотелось трогать каждый миллиметр пространства и гордиться тем, что ты хоть на капельку причастна к такому чуду. Высокие распашные двери с латунными ручками, мозаика с трилистниками и цветами клевера на полу прихожей, и спальня с кувшинками завораживали. Теперь я каждый день бесцельно бродила по дому, путаясь в ногах рабочих по часу-два, не в силах собраться и уйти.

Как бы ни раздражала я мажордома, но именно он первым напомнил мне о большущем упущении.

— Ваше Сиятельство, осмелюсь поинтересоваться, подобрали ли Вы прислугу? — почти без ехидства спросил он перед очередным моим отъездом к стройке.

— А... Нет. — И ведь знала, что упустила что-то за всей суетой. Я с нежностью посмотрела на повелителя большого дома. — Вы же мне поможете в этом? Кто еще компетентнее сможет разобраться в людях, как не управляющий таким большим и превосходно отлаженным хозяйством.

И мы оба понимали, что я могу попросить графа и тогда кто-то получит нагоняй. Или Алексей Трифонович сам может напакостить, подсунув откровенных пройдох, а тогда см. выше. Или мы оба можем сохранить лицо, а он окажет маленькое одолжение. Все-таки господин Лугов свою должность получил не за красивые глаза, так что он принял верное решение, и мы присели выбирать жертву.

— Вы уверены, что хотите этим заниматься сами? Можно подобрать экономку, которая не станет обременять Вас такими подробностями.

Но Наше Сиятельство захотели обремениться сами. Ведь мы росли в деревенском поместье, где на любую функцию находились подходящие крестьяне, но где то поместье и те крестьяне, набаловался народ.

Стартовый пакет прислуги для одинокой графини предполагал экономку, кухарку, пару горничных, посудомойку, работника, лакея, кучера (ну за отсутствием выезда его вычеркнули). Прачке вещи можно относить, садовник мне пока ни к чему, а ежели я и соберусь организовать клумбу — можно его приглашать по мере надобности. Дворник, скорее всего, будет местный, золотарь тоже.

— Восемь человек? И все будут постоянно там отсвечивать? — не сдержалась я.

— Ваше сиятельство, здесь работает больше четырех дюжин человек, — гордо выдал

мне военный секрет Лугов. — и ни один из них, как Вы изволили заметить, не «отсвечивает». Все при деле.

— Вы правы. Я массовый выход обслуги видела только при приезде графа. И подобрать сразу полный штат должного уровня нереально. — скорее утвердительно, чем вопросительно протянула я.

— Мы готовим людей годами. Младшие горничные служат по пять-шесть лет прежде чем будут допущены лично к господам. Из пяти мальчиков лакеем станет один, на кухне еще строже. — он явно гордится своей школой кадров.

Но раз уж у него такой отсев, можно выбрать не отличников, а крепких середнячков. И если бы моя убийственная слава не неслась впереди северным оленем, я бы выбрала прислугу за пару часов, но желающих помирать не нашлось, как ни бился Алексей Трифонович. В конце концов для начала мне выделили слегка беременную кухарку Евдокию, которая могла проработать до самых родов, а потом уже перебраться к своему скрываемому ото всех мужу-солдату. Ее ситуация была самой плачевной — за такое обычно увольняли без выходного пособия и скандал этот только раскручивался на кухне, когда Лугов собирал свою армию для отбора камикадзе. Горничных пообещали присылать на стажировку (и теперь я точно знаю, чем будут наказывать в Усадьбе за провинности), обе посудомойки пали на колени и заскулили, что совсем еще не повидали жизни, а работники отказались наотрез. Не больно то и хотелось. Но призрак запустения и разрухи восстал над моей новостройкой.

* * *

Великое переселение случилось в аккурат перед Рождественским Постом. Гроссе переживал, что мебелировка дома еще не завершена, кое где не доехали люстры, а печь в гостевых и детских немного чадит, но меня было не удержать.

Весь день из Большой Усадьбы везли мое добро. Были тут и мои так и не распакованные еще с Самары сундуки, купленные в столице вдовьи наряды (а их уже пора заменять на полутраур, но это отложим до Рождества), потихоньку покупаемая летом и складированная в просторные кладовые Усадьбы мебель. Удивительным образом я обросла вещами за эти несколько месяцев. Хотя где несколько месяцев — скоро моя четвертая Пасха здесь. А пока юбилейное, третье Рождество. Первые два приходились на траур, а в этом году я попробую отойти от трагедии.

На прощание я раздала слугам гостинцы (всем, даже особо трусоватым) и тепло с ними пообщалась. Доброе слово — оно и кошке приятно.

Сусанна и еще одна горничная — как самые смелые и отчаянные, отправились раскладывать мое добро по шкапам и отмывать жилые помещения. Пока к таковым можно отнести мою спальню, гардеробную, ванную, столовую, прихожую. Остальные помещения зияют пустотой и даже шторы висят пока не везде. На каминную полку в спальне я поставила портрет мужа, в угол — наши венчальные иконы.

Вечером, когда все разошлись, почти искренне желая мне добра в новом доме, я, накинув стеганую тальму и шаль вышла на противоположную сторону улицы. Смотрела на свои окна и не могла оторваться. Это мое гнездо. Мое собственное. Первое в жизни. С оплаченными на пятилетку налогами, с теплым желтым светом фонаря в нескольких шагах

от входа. Мос.

Приближался декабрь. Раз я проснулась в неопределяемое время и вдруг почувствовала себя на месте. Мне не снились кошмары, и даже женихи на новом месте, но состояние уюта и покоя пришло само собой. Желтый газовый свет фонаря было едва видно за вихрем мокрого снега. Когда в юности мечтала жить в Петербурге, про погоду говорили плохое только в плане дождей, но кто же знал, что зимы тут этакие... Хороший хозяин собаку не выгонит. Вот, кстати, мысль — во дворе бы неплохо собаку завести. С переизбытком мизантропии.

На углу, кутаясь в воротник шинели, стоял человек, и Богом клянусь, смотрел на мои окна. Сразу вспомнилось, что в доме три двери и пара проходов в подвалы, которые вроде бы закрыты, но... Собаку сегодня же начинать искать.

* * *

Вместо собаки к обеду явился горбатый кучер. Я уже было отвыкла от его раскачивающейся походки и скрипучего голоса, но встрече обрадовалась.

— Проходи, Мефодий.

Он смущенно озирался в передней, и я тактично провела его на кухню, где горбун долго мял шапку, а потом выдал удивительное.

— Ваше Сиятельство, возьмите меня к себе. Вам все равно рабочие руки нужны, а я стараться буду — не пожалеете. Не глядите на горб — я работать за двоих стану.

И слезу пустил. Нет, я сама тут становлюсь истеричкой, но чувствительность в мужиках иногда настораживает. Особенно в сочетании со звериной порой жестокостью.

— А что случилось? — я усадила его.

— Да Лазорку мою, помните ее? — я кивнула, ведь эту адскую скотину забыть невозможно — На мыло сдают. А я с ней столько лет, и с барином в Турецкую войну были... Супруг Ваш, Петр Николаевич, на ней учился... А тут — на мыло... Тошно мне, Ваше Сиятельство, мочи больше нет.

Нет, внешний вид и характер Лазорки наводят на воспоминания о Тортилле, но не настолько уж... Тем более, если Петр Николаевич на ней ездить учился...

— Ей годков-то сколько? — осторожно спросила я.

— Да почитай двадцать. В войну-то как раз двухлеткой была... А какая она статная тогда ходила...

Признаться, я не в курсе насчет продолжительности жизни лошадей. Ну всяко меньше черепахи, зато собака уже будет не обязательной — Лазорка сама кого хочешь загрызет. Я прошлась по кухне, заглянула в ящик с бутылками, выудила наливку и разлила по рюмкам.

— Убирать за ней будешь сам.

* * *

«Дорогой Николай Владиміровичъ!

Надѣюсь, что среди важныхъ государственныхъ заботъ не слишкомъ Васъ отвлекуаю. Шлю Вамъ и всѣмъ Вашимъ близкимъ наилучшія пожеланія. Какъ дѣтки Ваши? Довольна ли Ольга Александровна московскими развлеченіями?

Спѣшу сообщить Вамъ, что, узнавъ о рѣшеніи Вашего управляющаго отправить кобылу Лазорку, къ которой Петенька былъ столь сильно привязанъ, на скотобойню, я осмѣлилась забрать её себѣ, уплативъ Алексѣю Трифоновичу полтора рубля.

Заодно, для присмотра за животнымъ, взяла къ себѣ въ работники конюха Митрофана, изъязвившаго такое желаніе.

За симъ остаюсь всегда Ваша К.Т.»

На практике все получилось несколько более авантюрно — пока я расспрашивала мажордома о житье-бытье, Мефодий собирал пожитки и сводил со двора Лазорку, и лишь когда эта пара покинула конюшню, я передала деньги. Реакция Алексея Трифоновича оказалась неоднозначной, ну он на меня давно жабой смотрит, а вот прислуга провожала Митрофана как на погибель. Некоторые женщины утирали слезы.

Письмо второе.

«Василій Ивановичъ!

Каждый день я радуюсь дѣлу Вашихъ рукъ и не перестаю восхищаться талантомъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше радостныхъ открытій даетъ мнѣ этотъ домъ. (окна не промерзаютъ, между тѣмъ, поэтому можете смѣло рекомендовать ихъ своимъ многочисленнымъ кліентамъ, кои, я увѣрена, не замедлятъ появиться).

Случилось такъ, что мнѣ срочно нужна конюшня на 1 лошадь. Не посоветуете ли хорошаго плотника, который сможетъ выполнить этотъ заказъ въ ближайшіе дни. Можно хоть сегодня начинать.

Съ благодарностью графиня Ксенія Александровна Татищева».

Я задумчиво смотрела из окна зимнего сада на стремительно растущий снопик снега на спине лошади во дворе. Случайное животное, такое же лишнее, как и я зимой 1893-го. Ну не будет теперь у меня цветочков там, что же делать. В конце концов, можно сделать вертикальные клумбы по соседскому брандмауэру. Куда экономичнее в плане пространства выйдет, а эффект искажения пространства поразительный.

— Мефодий! Евдокия, иди ко мне, голубушка. С фонарем! — крикнула я в глубины дома.

* * *

Из подвала достали оставшиеся от строителей леса и из них, с помощью покрывал от мебели соорудили временный занавес для зверюшки, которую временно пристроили в арке. Еще раз порадовалась, как умно было отказаться от ажурных ворот в пользу глухих без щелей — обидно будет, если после всей этой суеты она даст дуба от пневмонии.

Митрофан был бесконечно счастлив. Хотя и выделили ему самую маленькую комнатку, в которой пока еще не было даже кровати, конюху нравилось все.

Утром, кутаясь в новенькое пальто с бобровым воротником — небось на мой гонорар купленное — появился Гроссе. С удовлетворением осмотрел дело рук своих, постучал в

дверь. Я канарейкой пела о достоинствах своего жилища, а он сдержанно кивал, пока мы следовали в салон.

— Ксения Александровна, я не очень хорошо понял Ваше послание. Где Вы хотите построить конюшню?

Я глазами указала на окно, за которым Мефодий с Лазоркой давали круги.

— То есть лошадь уже есть?

— Ага. И конюшню можем ставить прямо вокруг нее. — неудачно пошутила я.

— Но...

— Это очень важное животное. Память о моем покойном супруге. Не могу же я оставить ее на улице?! — я умоляюще сложила ладони. — Времячочку бы до весны. Хоть вагончик деревянный. С печечкой.

Полагаю, когда Гроссе закончил мой дом, он счел, что бардака в его жизни больше не будет. О, как он заблуждался... Зато не прошло и суток, как во дворе у меня застучали топоры, и за пару-тройку дней несколько архангельских мужичков сложили Лазорке симпатичное стойло. От печечки меня отговорили не только из соображений пожароопасности, но и потому, что, как оказалось, лошадь сама по себе хороший обогреватель, а проконопаченная бревенчатая конюшня, издавна похожая на баню или бытовку, честно говоря, оказалась довольно теплой. Во всяком случае когда я по утрам заносила злыдне яблочко — там ни разу не было холодно. Теперь, когда все внимание Мефодия шло ей одной, а корм поставлялся бесперебойно — выглядеть она стала намного лучше и перестала притворяться, что падет не позднее полдника.

— Ваше Сиятельство, может запрежем? — осторожно спросил Мефодий однажды утром, пока мы наблюдали за прогулкой зверюшки. Та определенно, не жаловалась на голод и начинала жиреть.

— Нам не во что. — машинально ответила я, вновь возвращаясь к этому вопросу. Содержание лошади меня пока что не разоряет, но какую-то смысловую нагрузку иметь все же должно. Пока я выяснила, что титулованные дворяне почти сплошь держат выезд — это шестерки, четверки, редко — пары лошадей, несколько карет, а я при всем желании их разместить не сумею. Да и смысла не вижу. По случаю можно арендовать любой экипаж, а содержать ораву животных — увольте. Тут одна-то жрет и гадит как не в себя.

— Так я седло припас. — он торжественно нырнул в свою каморку и вышел оттуда с черным предметом неясной конфигурации. — Простенькое, Вы уж не побрезгуйте...

Дамское седло. Вот ты какой, северный олень... В общем, понятно куда делось его жалованье и почему до сих пор из мебели одна табуретка. Стало совестно — я уже его в пьянстве подозревать начала.

Пора я занималась логическими умозаключениями, Мефодий споро закрепил седло и обернулся ко мне. Полагаю, что юбка моя не шибко была приспособлена для подобных опытов, равно как и обувь, но попытку мы сделали.

Я вот в юности далекой каталась на верблюде. Очень сильные впечатления. Так тот верблюд был вальсирующим ангелом на фоне этой сволочи, которая не захотела идти медленно и плавно, а выбрала именно этот момент, чтобы красиво погарцевать. Вот год помирала, а тут резко помолодела — и глаза вон горят, и шея изогнута красиво. И я на ней, как курица сижу в этом диком седле. Инстинкт подсказывает, что с мужским седлом не так страшно, но если выпрямить спину... Судя по взгляду конюха, учиться и учиться еще.

В общем, Мефодий меня осторожно снял, распряг Лазорку и мы отправились по

магазинам. Причем я по одежде, а Мефодий — по шорникам.

Как в наше время можно быть респектабельной в лохмотьях, но с дорогой сумочкой и хорошей обувью, так и раньше все решало качество сбруи. Я несколько раз пояснила, что хочу сбрую качественную, но без украшений. Но очень качественную.

Все же приближение XX века ощущается, и теперь готовая одежда уже почти полностью соответствует ожиданиям разных классов общества, так что мне подобрали и сапоги для верховой езды, и бриджи, и амазонку и даже шляпку с траурной вуалеткой. Это оказалось очень красивое хобби — верховая езда. Но во дворе своего-то дома я решила учиться без юбки, в бриджах и мужском вязаном свитере. Кухарка поджимала губы, видя этакий срам, Мефодий же быстро перестал смущаться и пару недель спустя мы предприняли первый выезд в парк. О чем я думала раньше? Зачем мне автомобиль, если есть лошадь?

Оно, конечно, в гости на ней не проедешь, да и вообще тут в основном в пролетках катаются, но эти ощущения стоят неприятного запаха и отбитых частей тела. Катались мы на рассвете, пока особого наплыва публики не было, помимо сосредоточенных комплектов мужчин, беседующих о серьезных вопросах. Лазорку они изредка окидывали критичным взором, но уже с большим уважением смотрели на нас после калькуляции затрат. На сбрую бедного животного я нацепила черные ленточки, так что меня не особо одолевали общением.

Дело шло к новому году. Моему четвертому году здесь. Не будь этой чехарды со временем — у меня случится юбилей. Тридцать лет. (И двадцать четыре по местным документам. Повезло, что разница такая незаметная, а генетика у меня хорошая). С точки зрения психологии пора бы подвести итоги. В родном времени к этому моменту у большинства людей есть карьера, ипотека, дети или их плотное проектирование. Здесь же я обошлась без ипотеки, неплохо проехала на единственном пока доступном женщине социальном лифте, а вот с детьми... Откровенно говоря пока у меня не возникло такого прямо страстного желания нянчиться с малышами, да и раньше-то тоже я к ним особенно не рвалась. А роды здесь вообще окажутся лотереей. Но если по ту сторону миллениума рожают первенцев и в сорок, то можно пока не пороть горячку в этом вопросе.

А пока я заказала себе новые платья — лиловое, сливовое, темно-синее, шоколадное и темно-зеленое. С черными кружевными чехлами, само собой, но после года в черном крепе — радуга цветов. Заодно прикупила рождественские подарки родственникам и близким. Решила, что хорошо бы навестить всех в Святки. Всех — это громко сказано — два дома в двух городах. Поэтому заранее купила билет в Москву и оповестила о своих планах свекра. Тот настоятельно приглашал погостить недельку-другую, но я всерьез намеревалась успеть все сразу. Оптимистка!

Курьерский поезд прибыл по расписанию, без пяти девять утра. Морозный воздух на несколько секунд прервал дыхание, но тут же обрушился гомоном встречающих, служащих Императорской железной дороги, рестораторов, прочей публики. Я как-то уверилась в том, что приглашение родственника предполагает встречу, поэтому долго прождала на пустеющем перроне, прежде чем согласилась на уже почти безнадежное приставание носильщика. Извозчик с сомнением оглядел меня после озвучивания адреса на Басманной улице, но отвез. Новое матине оказалось не таким уж и теплым, или просто морозы в Москве зарядили сильнее обычного, но я окоченела, пока добралась до дома губернатора столицы. Там меня встретили по одежке, настороженно, но после того, как я подала свою визитную карточку, челядь забегала сильнее прежнего — оказалось, что лакей, отправленный к поезду, перепутал вагоны и теперь гнев сурового губернатора каждый перекидывал на другого. Наконец мои пожитки уволокли в глубины дома, а саму проводили в зал ожидания, где толпилось множество чиновников самого разного ранга, сияющих наградами и лопающихся от собственного пафоса. Лишь один скромного вида клерк с большой коробкой в руках догадался уступить мне место на диванчике и помочь раздеться.

— Гершелев, Дмитрий Константинович, — поклонился он. — Помощник секретаря кадрового департамента.

— Татищева, Ксения Александровна. — чуть наклонила голову я.

Вокруг нас со смешками и едкими шутками обсуждали, как после подарочного рождественского гуся почти полностью слегла с вульгарным несварением желудка администрация кадрового департамента, и остался от них невредимым только один младший коллежский секретарь, который и был тем самым вежливым юношей. Юношей с тонким лицом, изящными ладонями, просветленным взглядом и румянцем на скулах. Праздничная открытка, а не российский чиновник, если бы не одно «но» — цепочка на часах с маленьким брелочком, который так хорошо мне запомнился еще с первого февраля.

Сразу стало как-то слишком жарко, слишком громко, а время потянулось слишком медленно. Судя по большим настенным часам, тикало именно там. А может и в этой здоровой коробке... И что теперь? Бежать? Кричать? И то и другое — крайне непродуктивно. Если все совсем плохо, то в нескольких сантиметрах от меня бомба, способная разнести на микрофрагменты всех посетителей и половину прислуги. Если совсем удачно рванет — то и верхние этажи рухнут. У меня даже сплотнуть не получилось. В этот раз я вряд ли смогу рассчитывать на спину Фохта и провал во времени. Не то расстояние, не та геометрия, не то везение.

— Жарко сегодня как... — просипела я. — Не сочтите за труд, пусть принесут воды.

Юноша все так же безмятежно улыбнулся, бережно поставил коробку на угол журнального столика и вышел. А может сейчас? Ведь каждый из этих павлинов поверит мне с полуслова, а поверив, без паники, осторожно и тихо пойдет к выходу. Без суеты, без криков, которые так «любит» нестабильная взрывчатка...

— Возьмите, Ваше Сиятельство. — он вернулся, держа стакан воды.

Мне пришлось кончиком языка его придержать, чтобы слишком громко не стучал о зубы.

— Благодарю Вас.

Медленно течет время. А граф Татищев Бог знает где — прием пока не начался и аудитория, все увеличиваясь в количестве, начинает переживать. Но есть и на нашей улице праздник — расслышав титул, близлежащие фанаты губернатора уже более плотно устремляются ко мне и начинают рассказывать, как хорошо они знали моего покойного супруга. Вот послушать — так он прожил лет пятьдесят крайне насыщенной общественной жизни, ведь успевал погостить одновременно в разных именьях, покачаться на стольких коленях, перецеловать столько дочурок... Я киваю, слушаю, улыбаюсь-улыбаюсь-улыбаюсь...

Наконец створки заветных дверей открываются и донельзя чопорный (куда до него Лугову) секретарь сообщает о начале аудиенции. Это последний шанс.

— Господа, — я умоляюще оглядываю эти лица — морщинистые и пока еще хранящие гладкость, тусклые и маслянистые глаза, жиденькие прядки и напомаженные кудри, ордена, погоны, усы, бороды. — позвольте, я только обниму рара.

И пока ни один не успел возразить, поднимаюсь и опираюсь на руку Гершелера. Почти естественно получилось чуть качнуться и ухватиться за надежное мужское предплечье — коробку он пока не взял.

— Что-то душно здесь. — и мягко потянула его в недра приемной.

Вот это кабинет. Всем кабинетам кабинет. С половину моего строительного участка.

— Папенька! — Возопила я почти от двери. Тот удивленно пошевелил бровями и начал подниматься на стол. Я же сложной дугой рванула к нему, продолжая держаться за локоть ошалевшего революционера. Мы чуть задели стол секретаря, за что я многословно извинилась, а после продолжила свой путь. И почти у самого стола изумленного родственника произошли два события — мне удалось опустить на затылок спутника пресс-папье, подобранное на секретарском столе, а а у него сорвался маневр извлечения чего-то из-за пазухи. Господин Гершелер на миг замер, повернул ко мне лицо и тут я ударила его еще раз в лоб. Точнее метила в лоб, попала в надбровную дугу, кровищи столько... И так медленно он падал...

— Что это значит, сударыня? — В тишине родственник выглядел не очень приветливым.

Ну я же могла ошибиться. И что тогда? Притворюсь истеричкой, здесь это помогает.

Секретарь у свекра оказался порасторопнее — он перевернул тело юноши, достал небольшой револьвер из внутреннего кармана и многозначительно уставился на шефа.

— Там, — сипло прошептала я, — на столике коробка. Этот принес. Тикает.

Все-таки скорость мышления у Татищева старшего куда выше, чем у моего покойного мужа, потому что решения он выдавал со скоростью звука.

— Это — унести, позвать Тюхтяева, пусть полюбуется. Остальных — всех сюда вместе, с коробки глаз не спускать и аккуратно унести на задний двор, в колодец.

Откуда-то появились два невзрачных молодца, которые тихо скользнули в эпицентр гомона, еще пара таких же небрежно поволокла тело моей жертвы.

Поцеловал меня в лоб, впервые обняв и подтолкнул к боковой двери.

— Графиню проводить в комнату, пусть отдохнет...

План был толковым, и наверняка бы сработал — взрыв в узком колодце можно было бы даже списать на аварию водопровода, как хотел губернатор, но все получилось иначе.

Я послушно следовала за слугой в парадной ливрее, когда в глубине дома раздался глухой хлопок, но за общей суетой это заметили не все и не сразу. Сюрреализм какой-то.

А граф-то силен — час невозмутимо улыбался, принимал поздравления, раздавал сувениры пришедшим гостям, пока наконец к полудню не спровадили последних гостей и не закрыли двери особняка.

Дом наводнился серыми мундирами, людьми с нехорошим взглядом, вспышками фотоаппаратов.

— Ксения Александровна, могу я войти? — он не дождался ответа и прошел в комнату, где я не отводила взгляд от люстры с дикими завитками ковки.

— Как ты? Держишься? — он помедлил и сел рядом на кушетку. — Там с тобой поговорить хотят. Не бойся, говори, как есть.

— Нет, Николай Владимирович, нельзя как есть. — прошептала я. — у него цепочка как у госпожи Чернышовой. Я по ней и догадалась. А если про цепочку расскажу, то и про Наталью Осиповну придется. У Вас проблемы начнутся.

— Ну раз не хочешь про госпожу Чернышову вспоминать, тогда про чутье скажи. Что интуиция у тебя хорошая. — вывернулся родственник.

— Хорошо. Только не уходите, ладно? — полагаю, что я впала в какой-то ступор, потому что чувств не было вовсе. Адреналиновый всплеск выжиг все. И даже тех теней было жаль, но как-то без эмоционально...

— Конечно, девочка.

— Я тут вам всем подарки привезла. — столь же тускло продолжала я. — а меня не встретили. Так и пришлось на извозчике. А потом не пускали...

— Ты уже все сегодня подарила. И не только мне. — он отошел к окну и долго смотрел на снег.

— А как иначе-то? — я помолчала. — А те господа... Они оба...?

— Один. Понял, что донести не успеют и в сейф закинул, а дверь спиной прижал. Сейф покорежило, и краем Желторотова. — он и впрямь расстроен. Раньше я бы сказала, что до посторонних ему дела вовсе нет.

— Герой. — вяло произношу я.

— Да ты и сама... — он хотел что-то еще сказать, но на пороге нарисовался невысокого роста круглолицый толстячок лет сорока пяти, с аккуратной в палец длиной темно рыжей курчавой бородой, глубоко посаженными глазами под прямыми в черточку бровями, носом картошкой и огромными чуть оттопыренными сверху ушами. Уютный, плюшевый, пока глаза на меня не поднял. А я еще Фохта за это упрекала. Этот промораживает еще три метра вглубь, хотя и цвет-то у них теплый, темно-янтарный.

— Познакомите, Николай Владимирович? — он устроился в кресле, словно это его собственный дом, достал бумаги, крикнул, чтобы подали чаю, бутербродов, пододвинул стул. — Присаживайтесь, барышня.

— Ее сиятельство графиня Ксения Александровна Татищева. — чуть более чопорно, чем надо, произнес губернатор Москвы. — имею честь представить Вам, моя дорогая, статского советника Михаила Борисовича Тюхтяева.

— Да, сударыня, задали Вы нам сегодня хлопот. — уставился на меня вышеозначенный господин. И тон этот показушно-шутливый, и взгляд придиричивый, и беспардонность — решительно все меня раздражало.

— Я ли? — это он вообще к чему?

— Ну не Вы... Если б не Ваша реакция — хлопот было бы куда больше. — рассмеялся гость, но присоединиться к нему не хотелось. — Рассказывайте.

— Что рассказывать? — по вступительному слову графа я не поняла, насколько он доверяет этому человеку. Так что будем как с чужим. — Я потеряла своего супруга позапрошлой осенью и Его Сиятельство был столь добр и милостив ко мне, что позволил уединиться в его петербургском доме. В этом году приличия уже позволяют отплатить за доброту, и я решила поздравить своих близких с праздниками. Вчера я выехала в Москву.

— Курьерским? — уточнил мой собеседник.

— Который приходит в 9 утра. — да не помню я, как он называется. — На перроне меня должны были встретить, но слуга что-то перепутал, так что пришлось взять извозчика и приехать самой. Прислуга здесь меня не знает, поэтому все засуетились, и почему-то привели в приемную господина губернатора. Там господин этот — забыла фамилию — уступил мне место. Все еще смеялись, что он один из всего департамента сумел из уборной выбраться. Простите, так и говорили, я еще удивилась, как это его угораздило. — Господи, что я несу! Но марку глупышки надо уметь держать. — Когда у нас дома горячка была, всех свалила без разбора. А потом коробка эта тикает. Часы же дарить — плохая примета. Мне и подумалось, что нечисто что-то с этим милым юношей.

— Графиня мудра не по годам — захихикал сыщик.

— У нас в семье дураков нет. — парировала я, а губернатор только переглянулся с гостем.

— И что дальше?

— В приемной было очень много людей. Если бы я оказалась права, то любая тревога могла привести к трагедии. Если бы я ошиблась — к неловкости.

— Ну да, дураков у вас в семье нет. — хихикнул Тюхтяев.

— Нет. — с металлом в голосе повторила я. — Поэтому я попросила этих милых господ пропустить меня к рара первой и предупредить его. Они все оказались так любезны, что пошли мне навстречу. А у меня от волнения закружилась голова и пришлось опереться на его руку. Он тоже был так любезен, что проводил меня к графу.

— И там?

— И там я случайно споткнулась о стол секретаря губернатора — не помню, как его зовут, а потом...

— Да-да, что потом? — с самым живейшим интересом спросил он.

— А потом господин младший коллежский секретарь поскользнулся и упал. — вот тут бы не очень конкретизировать.

— Прямо так сам и упал? — развеселился сыщик.

— Да. Меня немного покачивало от волнения, а он тоже раскачался и упал. — и ведь почти правда.

— На пресс-папье секретаря Закоржецкого?

— Да, так вот вышло. А пресс-папье упало со стола, когда я его задела. И этот господин неудачно упал.

— Оба раза? — прямо развлекается.

— У пресс-папье такая форма. Геометрически сложная. — с нажимом произнесла я. — При этом присутствовали губернатор и господин Закоржецкий, полагаю, они могут подтвердить мои слова.

— Ладно. Жаль, что раньше мы не были представлены — с Вами так интересно, графиня. — он отсмеялся и словно переключился в рабочий режим. — Встречались ли Вы раньше с господином Гершелевым?

— Полагаю, что нет.

— Станный ответ, Ксения Александровна.

— Я врать Вам я не хочу, но сегодня могла встретиться с несколькими сотнями человек

— в поезде, на вокзале, в приемной. Ни одного из них я не знаю, но точно так же мы могли пересекаться раньше. Так что я с этим господином впервые разговаривала именно здесь.

— Хм... — он что-то записал в блокноте. — О чем говорили?

— Он представился мне, когда освободил место. Я попросила принести воды. Потом я обратилась ко всем насчет разрешения пройти к господину губернатору. Все.

— Но Вы же много общались в приемной. — видимо меня опрашивают не первой.

— Да, когда всем стало известно, что я не случайная визитерша, а родственница Николая Владимировича, почти все гости вдруг вспомнили о долгой и яркой истории знакомства с моим покойным супругом. Каждому хотелось высказаться, а я, как положено, внимательно выслушивала.

— А что было потом?

— Николай Владимирович, видя мое расстройство падением гостя и волнение от этой коробки, отправил меня сюда. Отдыхать. А потом Вы пришли.

— Ну, Михаил Борисович, графиня и так натерпелась сегодня, хватит ее пытаться. — вмешался граф.

— Хорошо, Ваше Превосходительство. Так-то все уже ясно. — Он с сожалением посмотрел на недоеденные бутерброды, прихватил один. — Честь имею кланяться. А с семьей Вам определенно повезло.

— Да, Михаил Борисович. — синхронно огласились мы с графом.

За сыщиком закрылась дверь и в доме наступила тишина.

— Что теперь будет? — осторожно полюбопытствовала я у хозяина дома.

— С кем? — он думал о чем-то своем.

— С этим... человеком. — Я теперь наконец-то включила мозг и поняла, что стала ему личным врагом, которого он в живых не оставит. И зная имя, найдет даже в моем клеверном домике. Обидно-то как, ведь только-только обжилась.

— Не переживай. Его в тюрьме сгноят. Да и... — в дверь постучали и дождавшись разрешения войти, лакей что-то передал шефу. — Вот даже как...

Я вопросительно смотрела.

— Помер наш бомбист.

— Как?! — это я, что же, человека убила?

— Не твоя вина, разговорить его пытались. Перестарались чуток. — Без особого сожаления проговорил губернатор.

— А со мной что? — даже если не убила, то всяко напала... Со времен Катусова что-то мне не везет в этом отношении — всегда находятся свидетели и всегда доходит до полиции.

— Ордена — уж извини — дать не смогу. Скорее всего об этом происшествии вообще не узнают посторонние. И ты никому не рассказывай. А пока пойдем почаевничаем. Ее сиятельство с детьми уже ждут.

— Мне бы переодеться... — я только сейчас поняла, что на мне все то же дорожное платье из черного крепа с атласной оторочкой, да еще расцветенное бисеринками крови покойника.

Откуда-то появилась горничная, которая с трудом удерживалась от разговоров — прислуга всегда все видит и все знает, так что я вызывала у нее живейший интерес. Меня причесали — вот это удовольствие, когда дефекты в прическе исправляет кто-то другой, а ты только капризничаешь... Нарядили в ежевичного цвета платье с черными бархатными вставками и выпустили в народ.

Дети за год подросли и Наташенька уже пыталась выглядеть серьезной дамой. Правда чопорность снесло сразу, как только появилась коробка с зайчихой в вечернем платье. Алеша порадовался костюму русского витязя, а когда из коробки достали щит и меч, стал абсолютно счастлив и погнался за ордой куда-то вглубь дворца.

— Завтра вечером мы даем небольшой прием-маскарад. — полуофициально произнесла хозяйка дома. Мы переглянулись с графом: я взирала с ужасом, а он расслабленно. Действительно, в доме взрыв, два трупа, но праздник будет. — Было бы очень мило, если бы Вы присоединились к этому скромному развлечению.

Да, самое то.

— Но будет ли это приличным? — как еще спросить, много ли вы пили с утра, братцы.

— Даже траур по Императору уже завершился. Полагаю, никто не упрекнет тебя в легкомыслии, если более года твое вдовство могло быть примером для любой жены с куда большим семейным опытом. — рассудительно произнес свекор. — С лошадьёю вон даже меня удивила. Лазоркин нрав — не для каждого, а у тебя она, говорят, расцвела, помолодела.

— Да, очаровательная кобыла. Я даже иногда выезжаю на ней. — я разулыбалась без напряжения. Мы пока даже собаку заводить не стали.

— Лазорка? — переспросила Ольга Александровна. — Это та твоя старая кобылка? Она разве жива еще?

— Полагаю, Ольга Александровна, с ее характером она любого сама переживет. — рассмеялась я.

Разговор постепенно переставал быть натужным, и пусть не превращался в задушевную беседу, но вполне мог считаться непринужденной болтовней. Меня вежливо расспросили о доме и посетовали на скорый переезд. Согласились, что сложно подобрать хорошую прислугу. Ужаснулись, как я обхожусь одной Евдокией и Мефодием. Про суеверия усадебной прислуги я рассказывать не стала, так как сегодня сама увидела два лишних тому подтверждения. Может потому и романов у меня нет, что я смерть мужикам несую? И лишь Фрол, бедняжка, выдерживал все.

Перед завершением трапезы я передала подарки старшим родственникам. В этот раз я схитрила, и запаслась всяким еще в две тысячи пятнадцатом. Раз уж не обязательно стало беречь тонкую канву истории, то гульнула я хорошо.

Для подарков графу и Фролу, а еще себе для разных нужд, прикупила с десятков перьевых ручек. Красивых и простых. Самую пафосную, черную под мрамор, со шноркельным механизмом заправки и иридиевым пером вручила хозяину дома. Показала,

как ею пользоваться и отговорила, что приобрела по случаю на рынке у изобретателя, которого более не встречала. Глядишь, на год-другой точно хватит. А там пусть сам находит производителя, делает реплики и штампует. Мужик он не глупый, выгоду не упустит. Неожиданно он заинтересовался новой игрушкой, залил чернила и вертел всячески — руки оставались чистыми. Полюбил.

Графине подарок выбрать было куда сложнее. Все, чем можно порадовать мою современницу либо многократно (и здешние мастера умеют делать куда лучше), либо завязано на современные технологии. Поэтому пришлось напрячь воображение и в итоге я нашла комплект удивительных щеточек для ногтей, где одной стороной пилки сначала чуть стачиваются шероховатости ногтевой пластины, а второй стороной полируется до перламутрового масляного блеска. С десятков оставила дома, а парочку преподнесла родственнице и тут же продемонстрировала. Та лицо сдержала, но скорость эффекта ее явно потрясла. Мне вот тоже интересно, что за химикат туда добавлен, что все так бодро получается.

Посиделки быстро свернули, так как каждый ринулся в свои апартаменты играть новым приобретением. Мне же пришлось ломать голову над нарядом. Начнем с того, что любой бал — подлинная катастрофа для меня. Несколько лет бальных танцев в далеком отрочестве оставили смутные воспоминания о вальсе, па-де-грас, па-де-труа. Но все это были занятия в студии, без обкатки на живых кавалерах. А о фигурах танцев 1895 года я вообще представления не имею.

Хотя есть шанс, что меня не пригласит никто. И я просто посижу в уголке, посплю под елкой. Но даже под елку нужно заползть в костюме, и тут мой скромный дорожный гардероб отказывается от продолжения банкета. Насколько я помню прошлые годы, между Рождеством и Новым годом модные магазины особенно не работают. Только если нехристианские...

Для утренней поездки в город мне выделили гербовую карету и графиню в попутчики. Как и ожидалось, лавки с карнавальными костюмами не порадовали. Бал не был тематическим и я на всякий случай держала про запас костюм мумии.

— А есть и у Вас в доме, Ольга Александровна, швейная машина? — заинтересовалась вдруг я.

— У экономки точно есть, — подумав ответила графиня и заинтересовалась. — Вы хотите успеть сшить костюм самостоятельно?

— Или наряжусь египетской мумией, чем точно запомнюсь надолго.

В еврейской лавке купили ткань подходящего желто-оранжевого оттенка, даже вуаль в цвет нашлась — и двинулись домой. Когда я попросила небольшое количество сена, даже невозмутимость графини дала трещину и под дверью комнаты экономки начал собираться народ. Это облегчало мою задачу, потому что в одиночку такой проект нужно делать хотя бы вечер и ночь, а я была очень ограничена во времени. К работе пристраивали всех любопытствующих.

По большому счету в моем проекте слабым местом были приличия, перчатки и чулки. Но насчет приличий меня успокоил граф, а с текстилем пообещала помочь кухарка и вполне успешно справилась со своей задачей, окрасив мои шелковые чулки и приготовленные на выброс Ольгины театральные перчатки луковой шелухой.

Я не собиралась наряжаться курицей, а вот золотых рыбок на балах еще не было. Корсет мы задрапировали золотистой вуалью на живую нитку, добавив образу распутства.

Посмотрела я на получившийся результат и поняла, что для бурлеска граф еще не готов. Вернулась к юбке, которая очень узкой обтягивающей трубой, не предусматривающей особых нижних изысков кроме турнюра, шла до середины лодыжек, а после обрывалась, уходя в сказочный хвост сзади. Хвост мы набили соломой, а чешую настрочили из лоскутков вуали. На корсет надставили вуаль до шеи, и так же настрочили чешую. Маску долепливали из папье маше и досушивали на печи уже когда гости начали стягиваться. В волосы прикрепили мелкие жемчужные бусы, выданные хозяйкой и морские раковины из сувениров хозяина.

Сама хозяйка нарядилась Зимой и выглядела блистательно — лед, белизна, парча, стеклярус... Оказалось, что платью шили четыре месяца. Пятичасовая рыбина-переросток рядом не стояла. Но поскольку мне пришлось усовершенствовать костюм добавив разрезы по бокам для свободы передвижения, то блистание рыжими коленками таки тоже произвело фурор.

Ко мне потянулись охотники за исполнением желаний. И если часть из них я еще могла исполнить, заворачивая гостей к волшебнице-Зиме, способной на любое чудо, то некоторые, озвученные шепотом в танце, заставляли с тоской вспоминать о безвременно почившем пресс-папье. А танцы были, и было их много. Я сначала пыталась отбрыкаться от них наличием хвоста, но мне тут же принесли щипцы-паж, которыми я и таскала этот нарост. Возможно с мумией идея была не так плоха. Из угла ехидно улыбался господин Тюхтяев, который участия в общем веселье не принимал, но за обстановкой приглядывал в костюме средневекового палача. Если б не язвительное «Жаль, что сегодня без удочки зашел» и не узнала бы.

— Вес не возьмете, Михаил Борисович. — огрызнулась в ответ.

* * *

Через пару часов я уже выдохлась, а коллектив, напротив, только раздухарился. Вдруг Зима исчезла с горизонта. Я пожалала плечами и решила навестить удобства, где и обнаружила донельзя расстроенную хозяйку дома.

— Что-то случилось? — не то чтобы она мне нравилась, но такое огорчение вряд ли связано с тем, что кто-то на балу мог ее затмить.

— Ах, Ксения Александровна, мне придется покинуть бал. Внезапно началось то состояние... Ну Вы же понимаете...

Я-то понимала, а проблема в чем?

— Мне всегда так нехорошо в начале, а от опия становится еще хуже. — на нее прям больно смотреть.

Я проводила несчастную до будуара — там тоже, кстати, балы можно закатывать, подумала малость и пошла к себе. Достала из закровов именно на такой случай припасенную модель прокладки и несколько таблеток анальгина, которые растолкла и завернула в листок бумаги, чтобы уж совсем не дезавуировать их происхождение. Остается пара лет, пока их не изобрели, а Рябинкин не мычит и не телится. Петербургские врачи и аптекари оказались еще большими снобами. Мои главные денежные коровы обещали бесславно пасть до первого удоя.

Несчастливая Зима валялась на полу, а ее рыдающая хозяйка в расстройстве лежала на

кровати, положив под себя подушку. Одно время у меня тоже были проблемы с критическими днями, так что я ее понимала. И пусть она зацикленная на себе, поверхностная красotka, но по-женски ее очень жаль.

— Ольга Александровна! — я тронула ее за плечо. В покрывале всхлипнули. — Попробуйте, хуже уже не будет.

Минут через пятнадцать ее отпустило, а когда я уговорила ее одеть мой гениальный проект, то настроение стремительно улучшилось.

— И где Вы достали эту удивительную вещь? — она даже попрыгала, не нанеся ущерба своей одежде, что особенно радовало.

— О, это мой давний знакомец, купец Калачев будет производить по медицинскому патенту. Необычайно удобная вещь, не находите?

— Непременно закажу, как только начнется торговля. — Она несколько раз присела на белые простыни, вставала, снова садилась и вдохновлялась все больше и больше.

— Но раз в несколько часов все же стоит менять, — предупредила я ее и отдала несколько сменных вкладышей.

Это услышала уже её спина, потому что провальный бал обещал стать весьма таки успешным...

И я снова щебетала с гостями, несла им восторженную чушь про сбывающиеся желания... В очередном вальсе я прошептала на ухо пирату с выдающимися усами и окладистой черной бородой.

— Спасибо, Николай Владимирович. Мне за весь день ни разу не было страшно.

Тем временем подвыпившие гости добыли у прислуги плетеный гамак и этой сетью начали ловить меня. Пришлось махнуть хвостом и исчезнуть в пучине темных коридоров.

* * *

Наутро я получила в подарок флакон духов от хозяйки дома и ротонду из золотистой норки с высоким воротником от хозяина. Такая красота, где же успел достать? Хотя кто рискнет отказать губернатору... Риторический вопрос.

Вскоре у дверей появилась горничная с запиской от графини. Я отсыпала горсть таблеток и задумалась. А что, если не стоит убеждать фармацевтов самой?

За завтраком хозяйка пребывала в прекрасном настроении и восхищенно щебетала о прошедшем бале. Кстати, небольшой прием — это чуть более четырех дюжин гостей. Я специально посчитала.

— Я еще раз хочу поблагодарить Вас за приглашение. Столько счастья и радости. — повторяла я слова признательности и за подарки, и за праздник.

— Да и ты всем праздник устроила. — улыбнулся граф. — Ольга сказала, ты сама сделала наряд за день?

— Ну у меня же не было с собой ничего подходящего. Пришлось импровизировать.

— Милая, а почему у тебя импровизировали портнихи по цене хорошей лошади? — нежно поинтересовался граф у жены, а та скорчила грустную гримасу.

— Зато наряд Ольги Александровны можно выставлять в музее, а мой — только на один раз показывать в легких сумерках. — примиряюще высказалась я.

— Для Вас — просто Ольга, моя милая. — прошептала хозяйка, и мне вдруг стало

сомнительно относительно наименования таблеток. Дома я пересыпала их из блистеров в бутылочки, но вдруг где случайно попался транквилизатор? Сколько всего говорят о фальсификации медпрепаратов.

Короче говоря, и сегодня я опять не уехала. Начинало складываться ощущение, что я застряну тут навечно. Об этом я решила расспросить хозяина дома и города, в котором он стоит.

— Николай Владимирович, я, конечно, очень признательна за все, что Вы для меня сделали, но не пора ли мне домой? — задалась я вопросом, поймав его в библиотеке.

— А разве тебе тут плохо? — он чуть приподнял глаза от очередной стопки бумаг.

— Очень хорошо, но и обременять Вас как-то не хочется...

— Вот и живи пока...

«Дорогой мой Фроль Матвѣевич!

Съ наилучшими пожеланіями и поздравленіями съ Новымъ Годомъ и Рождествомъ! Отъ всей души поздравляю и желаю всяческихъ благодѣяній Вамъ, Антону Семеновичу, Ѳеклѣ, Агаѣ Никитишне, Данилке и Авдею. Я всё еще не теряю надежды добраться до Саратова въ эту зиму, но врядъ ли раньше окончанія Святокъ смогу покинуть домъ губернатора Татищева. Очень настоятельно прошу запускать шитье тѣхъ самыхъ салфетокъ хотя бы въ расчетъ нѣсколькихъ сотенъ дюжинъ. Думаю, пора.»

* * *

Конечно, в этот раз в доме Татищевых меня принимали намного теплее чем, когда либо, и, скорее всего, это предельный возможный уровень близости для нас, но я уже начинала тяготиться своим пребыванием. Мои полутраурные туалеты выглядели явно бедненько на фоне московской неумемной роскоши, разговаривать было не с кем, а газеты в праздники были на редкость скучны. К графине приходили гости и меня пару раз усаживали на диванчик в углу, вынуждая слушать сплетни о людях, которые мне не знакомы. Чтобы уж совсем не заснуть от тоски, я начала вышивать салфетки для собственного дома — потому что трилистник-то был мне еще по силам. То, что выходило, можно было с гордостью выдавать слепым гостям. Мое поведение называли коротким словом «Дичилась», и то, только из уважения к должности свекра. Внедрение в великосветскую тусовку шло плохо.

Ко вторнику, когда приближалась уже неделя моего вселения в дом родственников, а дата отъезда все больше покрывалась туманом, состоялось второе пришествие Тюхтяева.

— Ваше Сиятельство, какая радость встретить Вас в столь прекрасном расположении духа! — умилялся он, как дурак фантику.

— И Вам, Михаил Борисович, тоже доброго утра! Чем могу быть полезна? — уходил, милый, уходи и не возвращайся.

— Да вот, пообщаться хотел. Укрепить, так сказать, знакомство... — он извлек из недр сюртука свой потрепанный блокнот, карандаш и похлопал рядом с собой на диване. — Устраивайтесь поудобнее, Ксения Александровна.

— Да лучше я постою. — я подошла к окну и оперлась на подоконник. Когда-то на тренинге по управлению персоналом, нас учили, что дискомфорт для противника стоит малых потерь для себя. Но казалось, что сыщик вообще не замечал ни света, бьющего в глаза, ни подчеркнутой холодности. Хотя, скорее всего, его обычные собеседники были еще менее

приветливы, чем я.

— Как Вам угодно, сударыня. — он покопался в записях и продолжил. — Я тут уточнить кое-что хочу. Касательно коробки.

— Что именно?

— Почему Вы решили, что она представляет опасность? — и смотрит так невинно.

— Любезный Михаил Борисович! Все гости, пришедшие к Его Превосходительству, оказались без особой поклажи. И только он — с огромным коробом. Вел себя очень странно, был полностью погружен в себя. А я читала про всяких таких...

— То есть Вас озаботило поведение человека настолько, чтобы лишить его сознания? — невозмутимо продолжил он.

— Господин упал на пресс-папье. — отчеканила я и замкнулась.

— Сударыня, не обижайтесь, все Вы правильно сделали. — Он постучал карандашом о блокнот. — А чем Вы сейчас занимаетесь? — внезапно сменил тему.

— Вышивкой. — я извлекла из сумочки несчастную салфетку, которую гость долго изучал.

— Сударыня любит современную живопись? Эти новомодные художники... — протянул он после некоторого раздумья.

— Это — клевер. — обиделась я и спрятала лоскуток обратно.

— Ну да, конечно. — он чуть покраснел. — Я слышал, Вы дом достроили в Санкт-Петербурге.

— Да, у меня осталось небольшое наследство от моего бедного супруга. — к чему эта проверка счетов?

— Необычное занятие для графини. Стройка, торговля... — он хитро улыбнулся.

— Я не скрываю свою историю. Глупо отрицать прошлое.

Еще раньше, когда принимала решение о вхождении в аристократию, догадалась, что у хомячка просто хороший PR, в отличие от крысы, поэтому скрывать то, что может потом выйти боком не стала. Да, история Золушки, вынужденной работать, пока еще не самый писк моды, но и позор в этом меньший, чем мутное пятно на биографии. Тем более, что замужество благополучно отмывает почти любое прошлое, особенно если свекор — губернатор второго города Империи. То, что некоторые двери для меня будут закрыты — не так тяжело, как если сначала пустят, а потом выгонят.

— Вы вряд ли захотите скучать в салонах. — полуутвердительно продолжал гость.

— Современная женщина всегда сможет найти интересы по вкусу.

— В молебнах-то? — скептически приподнял бровь он.

— Есть в жизни место и Богу, и суете. — перекрестилась я. Вот попробуй, прижми теперь.

— Но чем Вы займетесь теперь? Новое замужество, семья...

— Или путешествия, наука, искусство... Михаил Борисович, на все воля Божья. Будь посланник графа в пятницу порасторопнее, я бы спокойно сидела в своей спальне пока этот человек заходил к графу. Будь граф торопливее или я сообразительнее — нейтрализовала бы его раньше, и тогда глядишь — Ваш сотрудник мог выжить. Мы с Вами тут можем загадывать много разного, но жизнь — цепочка случайностей.

— Верно рассуждаете, графиня. Рад, очень рад, что не ошибся в Ваших умственных способностях. — потер он руки. — А как Вы смотрите на возможность служить Отечеству?

— Мне? Это в качестве кого? — признаться, я ожидала допроса, всяких нездоровых

измышлений о прошлых делах...

— Как Вы понимаете, я состою на службе в Особом департаменте. И нам не помешала бы помощь особы с такой интуицией.

Ищейка-чудотворец что ли? Ты на мне еще мишень нарисуй и в горнило революции пятого года выпусти. Отличная мысль!

— Я как-то плохо представляю себя на канцелярской работе, Михаил Борисович. А другое женщине Вы вряд ли предложите.

— Ну отчего же? — он готов был выложить множество льстящих моему самолюбию вариантов, вроде внедрения под прикрытием. — Можете просто наблюдать и делиться своими наблюдениями.

— То есть стать шпионкой? — про Мату Хари пока еще не знают, а мысли уже есть. — Достаточно, Михаил Борисович. Я не обладаю столь кротким характером, чтобы работать в государственной бюрократической системе. И держать меня с расчетом, что я еще кого угляжу — непродуктивно. Да что говорить, я только что новоселье справила, переезжать в Москву не намерена.

Чуть было не палилась, назвав Москву столицей. Но это ж надо, как у него фантазия работает!

— Так что пока наша беседа не имеет практической ценности. Но раз уж Вы столь трогательно заботитесь о моем времяпрепровождении, отвечу Вам любезностью — Вашим сотрудникам полезно изучать труды ученых-психологов. Есть такое направление — профайлинг. Это определение типа поведения любого человека и прогнозирование поступков. Обычно каждый из нас оценивает и анализирует поступки других исходя из того, как поступил бы сам. А это в корне неверно...

На меня уставились с недоверием и иронией.

— Взять к примеру Вас. Мы не знакомы, общаемся второй раз, а другой информацией, помимо собственных наблюдений я пользоваться не хочу, так что эксперимент будет чистым. Судя по всему, служба для известного нам обоим статского советника — фундамент всех прочих ценностей. Она заменяет многие социальные роли, отчасти замещает семью и дает возможность реализовать все потребности: и в обеспечении нужд жалованием, и в общении, и в уважении — Вас ценят сотрудники и другие люди, например, Его Высокопревосходительство. Вы самореализуетесь, совершенствуя собственные навыки. И неосознанно предполагаете, что и другие люди ориентируются на такую же схему, *modus operandi*. Но у кого-то базисом будут только собственные желания — и тогда ему потребуются совсем другие аргументы. Кто-то превыше всего ценит борьбу ради борьбы — и с ним не сработает все вышеперечисленное. Так вот, профайлинг — это исследование самих моделей поведения, а после уже — поиск тех, кто в нее вписывается. Куда эффективнее, чем простое просеивание всех свидетелей. Этот метод не заменит, а дополнит то, что Вы используете.

— Так-так-так. Давайте-ка еще раз. — он пару раз моргнул, словно отгоняя наваждение, и начал делать какие-то пометки.

— Теперь вернемся к нашему случаю. После Рождества все ходят с визитами. Младшие — к старшим, подчиненные — к начальствующим. Поведение каждого при этих визитах в общем-то традиционно — засвидетельствовать почтение, закрепить связи и обменяться сплетнями. Порой можно решить какие-то дела, но в целом это когда взрослые мужчины меряются... статусами. Такова традиция.

— А Вы, сударыня, жестоки и циничны не по годам.

— С удовольствием разочаруюсь в себе. — парировала я. — Господин Гершелев оказался в необычной среде: его окружали высокопоставленные чиновники, чье внимание было бы полезно привлечь к своей исполнительности. Но он вообще не реагировал ни на насмешки над своими коллегами, ни на другие события — сидел, погруженный в свои мысли, просветленный, улыбался, даже не рассматривая публику. Хотя там было на что посмотреть и кого послушать. Он не отреагировал на женщину рядом до тех пор, пока я сама не приблизилась к нему. Тогда сработала вбитая с детства вежливость, но и после этого он не пытался поддержать разговор. Более того, в его отношении ко мне появилась нотка презрения после того, как он услышал мой титул. Ну пусть он застенчив от природы — тогда что он делает в кадровом департаменте и как застенчивость и презрение к титулу могут сочетаться? Он не попробовал наладить даже зрительный контакт с более близкими ему по статусу сотрудниками. Когда мы вошли к Его Превосходительству, понял, что не все идет по плану и попытался использовать запасной вариант, выхватывая пистолет — вот тогда у него появились эмоции — и раздражение мной, и ненависть к Николаю Владимировичу. Все тревожные признаки по отдельности ничего не значат и могут быть объяснены иначе, безобиднее. Но все вместе вызывает обеспокоенность. Попробуйте использовать эту идею в работе — лишней точно не будет.

— Интересные теории Вы излагаете, Ксения Александровна. Где же такому учат? — заинтересовался гость.

— Я много читала в деревне, а потом долго молча наблюдала за людьми в лавке. — я уселась-таки на стул. — Хотя сколь-нибудь системного образования не имею. Посему в практической работе бесполезна.

И улыбнулась. Приятно иногда блеснуть интеллектом, хотя получилось, что высунулась еще больше. И вряд ли сценаристы «Criminal Minds» опирались на работы ученых столетия глубокого прошлого. Но с Тюхтяевым не сдержалась — наверняка есть у него талант разговаривать даже дерево.

Распрощались мы с ним без явственных обид, но с заметным его недоумением. И вот что мне не молчалось? Этот, если захочет, раскопает все, что не надо — вон как глазами зыркает.

* * *

Перед завтраком лакей на серебряном подносе подал мне коробку конфет и пресс-папье с фигуркой совы.

На мой немой вопрос веселящийся граф ответил.

— Чем-то ты Михаила Борисовича поразила. До того он женщинам подарки не делал. Даже... Никому, в общем, не делал.

Ольга Александровна повертела сову в руках.

— Странные подарки. И сам он тоже. — обратившись ко мне с жаром продолжила. — Не думаю, что Вам, Ксения, стоит поощрять его знаки внимания. После маскарада я получила столько писем с восторгами относительно загадочной рыбки, что мы сможем устроить Вашу судьбу куда лучше.

Я проглотила даже не комок, а целую жабу в горле.

— Да я как-то не готова к... устройству судьбы. — как же можно было упустить подобную угрозу.

— Мы все очень любили Петеньку и будем его помнить, но Вы так молоды и еще сможете завести семью, деток и.... - она щебетала, щебетала, а я тоскливо смотрела поверх ее головы на графа. Тот безмолвствовал.

— Вы очень добры ко мне, графиня, но вряд ли я встречу кого-то лучше. А с худшим связываться незачем. — я всхлипнула и пошла к себе, по пути прибрав подарки.

Как я пропустила момент, когда Ольга решила выдать меня замуж? В общем-то решение вполне понятно — чем ожидать от меня всяких непредсказуемых поступков, способных навредить фамилии Татищевых, проще передать меня с рукой, сердцем и ответственностью кому-то еще. А уж если эта передача принесет определенные дивиденды ей и мужу — вообще замечательно. Так я стала активом, инструментом для построения связей и себе не принадлежащим приложением к имени. Жаль, ведь почти поверила, что могу стать частью семьи. Тошно как-то. Сразу вспомнился Фрол, принимавший меня вслепую, независимо от обстоятельств. Хотя и для него я старалась приносить пользу, но он больше уважал мою свободу. И понятнее стало, от чего сбежал Мефодий.

Кстати, надо сообщить прислуге, что я задерживаюсь. Хотя там и писать-то некому — и Евдокия, и Мефодий оба не шибко грамотны, и понимают только примитивный счет в деньгах, так что придется просить Лугова оповестить их о моем пребывании.

Я уже начала собирать вещи от расстройства, когда разразился апокалипсис местного масштаба. Над домом раздавались крики графини и даже что-то разбивалось. Неоднократно разбивалось.

Я высунулась в коридор, где как раз пробежала очередная горничная.

— Что случилось, голубушка?

Та помялась и шепотом на ухо:

— Графиня гневаются. Очень. Письмо получили и гневаются.

Судя по всему, у графа обнаружился выводок в полдюжины внебрачных детей, как минимум. Я немного помедлила, но решила пойти узнать, стоит ли готовить траурный наряд или погодить пока. Граф встретился в коридоре обеспокоенным и несколько смущенным.

— Кто-то расстроил Ольгу Александровну? — уточнила я и без того явный факт.

— Понятия не имею. Может ты, как женщина с женщиной с ней поговоришь? — все-таки недолюбливает женские истерики. А мои слезы в свое время его не трогали. Хотя я тогда думала только о себе, а кто знает, что он переживал с утратой первенца, с неразрешенными конфликтами, с появлением проходимки в семье?

Я осторожно приоткрыла дверь и застала графиню в окружении черепков и стекла.

— Можно?

— Ненавижу ее! Ужасная, страшная женщина! — какая-то безделушка отправилась в угол.

Я осторожно — тканевые домашние туфельки на раз режутся любым стеклом — подошла к графине и попыталась ее обнять.

— Все будет хорошо. Мы со всем справимся... — что там еще в таких случаях говорят?

— Нет, не справимся. Она так специально сделала. У нас нет времени...

Растоптанный лист бумаги с поплывшими уже чернилами извещал, что в программе бала, даваемого княгиней Юсуповой в доме Великого Князя Сергея Александровича произошли изменения... У Господа есть чувство юмора и за мой рыбий хвост Ольге

отомстили — до начала бала остается девять часов, а она только узнала о необходимости карнавального костюма.

— Я готовила это платье несколько месяцев. — рыдала жена второго человека в городе. — И все это знаааают.

Шедевр стоял в гардеробной и сиял всеми цветами летнего заката. Яркое, изумительно сшитое платье с множеством мелких украшений — его можно было рассматривать часами.

— А разве прилично сообщать о таком в день торжества? — уточнила я.

— Она захотела унижить меня. Извиняется, что курьер потерял первое приглашение. А ведь не было его... — и снова в рев.

Конечно, бал у Великого Князя — мероприятие статусное, посерьезнее домашней вечеринки и сюда с рыбой не заглянешь.

— А Ваше прекрасное зимнее? — и тут же пожалела о своих словах.

— Но его же ВСЕ видели. Это катастрофа!.. — она рухнула в подушки и продолжила оплакивать свою судьбу.

Графиня — слабенький игрок в этой лиге. Там, где повелевают родственники Императора, она только может играть по чужим правилам, но подобное унижение выходило за рамки дозволенного и задевало, кроме всего прочего, еще и Его Сиятельство. Шуточки о том, как судорожно второе лицо в городе искал наряд, вряд ли укрепят его репутацию. Да и как выбрать то, что не вызовет нездоровых ассоциаций?

— Мы что-нибудь обязательно придумаем.

Я вышла и обнаружила графа с бокалом вина.

— Что с ней? Я за все годы подобного не видел.

— Княгиня Зинаида Николаевна Юсупова известила, что на бал к Великому Князю следует явиться в костюмах. — скривилась я. — А вы оба к этому не готовы. Ольга Александровна очень расстроена.

На мой взгляд повод пустяшный, но губернаторше нужно сохранить лицо, а как это сделать? Я, конечно, могу предложить один вариант... И мы даже успеем, но есть нюансы.

— То есть и я должен буду наряжаться? — уточнил граф с легким отвращением.

Странно, пиратом он вполне таки нравился себе. Но что я знаю о подковерных интригах?

— Было бы очень красиво, если бы вы оба пришли в похожих нарядах.

Мне и в самом деле нравится их пара — сильный и видный он, хрупкая она.

— Каких же? — язвительно уточнил граф, чей ход мыслей не сильно отличался от моего.

— Насколько я понимаю, здесь есть много подводных камней, которые желательно обойти. — я дождалась кивка и продолжила. — Нельзя опередить Великих Князей, не стоит давать повод для насмешек исподтишка и при этом стоит сохранить достоинство. Поэтому сейчас метаться по магазинам не стоит.

— Да. — он отставил выпивку и выпрямился.

Устал. Это я дурака валяю, а он каждый день по три-четыре часа проводит с секретарем, принимает посетителей, читает огромный массив бумаг — и это в праздники. А тут мы со своими прожеками.

— Можно одеться фараоном и его женой. Сейчас в Европе эта мания спала давно, так что риск повторить чью-то идею невелик. Что-то мне подсказывает, что образ Зимы уже занят кем-то... А такие наряды мы успеем подготовить.

— Фараоном?

— Чтобы не было дурных ассоциаций — Египетским царем.

— Это как?

В моей бурной корпоративной молодости костюмы четы фараонов шли по цензу 18+. Но если сусх удлинить до пола, то мои родственники будут выглядеть свежо и эффектно. Насчет материалов я была уверена — белых простыней в доме хватает, золотистые лоскуты остались у меня, с камнями вот посложнее, но тут пусть он сам решит вопрос.

До открытия гробницы Тутанхамона еще жить и жить, так что мы сварганим вольную версию.

В помощь мне отдали восьмерых горничных, экономку, трех лакеев и гувернантку детей. Этим дружным коллективом за три часа мы создали и отгладили костюм графа, причем большую часть времени потратили на головной убор.

Примерка стоила мне полкило нервных клеток. Сначала убеждали камердинера графа, что это можно одеть в люди. Потом вышел сам граф в нашем творении и метал громы и молнии. Белоснежный сусх оказался слегка просвечивающим, так что пришлось оставить ему нижнее белье для поддержки уверенности в себе. Тут как раз я вспомнила о жезле. Его оклеили фольгой и получилось вполне таки прилично.

Успокоившаяся и проспавшая полдня графиня отлеживалась с ледяными компрессами на лице, пока мастерили ее наряд. Тут все оказалось проще, и мы лишь разорили ее шкатулку в византийском стиле, с которой содрали все украшения. Тоненькая, в одном лишь корсете и комбинации она стояла и мужественно терпела нанесение макияжа.

Царственная чета, на мой скромный взгляд, удалась. Выглядели они по одному очень просто, но вместе — элегантно и законченно.

На все про все ушло меньше пяти часов, и вот когда они уже покрутились перед зеркалами и под всеобщее восхищение смирились со своими образами, Ольга меня убила.

— Пусть Ксения едет с нами.

И напрасно мы с графом наперебой отговаривали ее от подобного выверта — она оказалась непреклонной. До бала два часа, а идей больше нет. Ну то есть не совсем нет...

Главное во всем этом — не пить. Мой наряд был совершенно непристойен, но зато гармонировал с хозяевами. Я наконец нарядилась мумией, замотавшись лентами из старых, слегка пожелтевших простыней прислуги поверх корсета и коротенькой, выше колен юбочки. После едкой, но конструктивной критики графа добавили бахрому из лент, спускающихся от талии до икр. На шею повесили амулет, гармонировавший с нарядом графини, набросили на всех плащи и отправились в карете на Тверскую, 13.

Лучше бы я умерла рыбой.

Поскольку Ольга Александровна еще до окончательной примерки собственного наряда уже оповестила принимающую сторону об увеличении числа гостей, мне пришлось судорожно искать кавалера. И им оказался... Ну вы же поняли, да? Костюм нашего спутника состоял из легкого летнего сюртука, трости, лупы и пробкового шлема — сделан на коленке, зато тянет на археолога, а уж энтузиазма у господина Тюхтяева было на троих.

Наше появление не произвело фурор, но и не оказалось провалом. Семья Татищевых выдержала удар и даже набрала очки в какой-то своей великосветской игре. Слава Богу мой костюм практически не предполагал возможности поболтать, и я лишь кивками могла высказать свое мнение о происходящем. Как оказалось, не одни мы оказались в таком цейтноте и многие шептались о чудовищной бестактности. Не одна и не две модницы вынуждены были сказаться больными, дабы не опозориться в повторе. А я смогла

рассмотреть вблизи тех, по чьим портретам изучала искусство рубежа веков и историю. Например, вот Великий Князь, потрясающей красоты мужчина, высоченный, с тонкими чертами лица, высоким лбом, изящными руками и убийственного обаяния глазами. И шансов нет, особенно с моими вторичными половыми признаками. Но на него можно обожающе смотреть и это как любоваться Ниагарским водопадом, цветением сакуры или извержением вулкана — красиво, но в дом не надо.

Конечно, понятно, почему Зинаида Николаевна вызывала столь сильные эмоции — она обладает особой, царственной красотой, непередаваемой глубиной серых глаз, фарфоровой кожей и тонкими запястьями. На ее фоне любая женщина сразу выглядит коровой и мне лишь повезло, что костюм мумии и не претендует на грацию. Её Снежная Королева убивала наповал любые спецэффекты Голливуда 2010-х, а фамильная жемчужина с хорошую виноградину лишь подчеркивала величие. Как бы ни носились в мое время с Елизаветой Федоровной, она не дотягивала до этой планки. Насколько я помню, личная жизнь Великой Княгини от моей далеко не ушла, но внешне это не проявляется — она еще светится счастьем и радостью.

Графиня Ольга пользовалась бешеным успехом в своем легком, почти провокационном наряде. Я же предпочитала прятаться за колоннами и провожать голодными глазами вереницы лакеев с напитками и вкусной едой — со всей этой костюмерной чехардой ни завтрака, ни обеда у меня не состоялось. Оказалось, что у Тюхтяева мозги сочетались с совестью и после очередного танца мне поднесли фужер шампанского с соломинкой. Первый раз я почувствовала признательность к этому человеку.

— Спасибо, Михаил Борисович. — промычала я.

— Осмелюсь заметить, Вы выбрали крайне эксцентричный наряд, Ксения Александровна. — лукаво улыбнулся мой спутник.

— За два часа до нашей встречи я была уверена, что отправлю Николая Владимировича и Ольгу Александровну на праздник и отправлюсь спать. Мало того, что их костюмы за день слепили из всего, что было, так еще и мне пришлось. — вот как получилось, что я ему жалуюсь?

— То есть это Ваша идея? — изумился он, глазами указывая на египетскую чету, кружащуюся в вальсе.

— Восемь часов на идеи и воплощения. Даже Вас вот удалось вписать в общий замысел. — я с удовлетворением оглядела дело рук своих.

— Восхищен Вашими талантами. — он манерно поклонился и поцеловал правую забинтованную конечность.

Как выяснилось, его присутствие здесь было неизбежно именно в целях безопасности, а то, что хочешь спрятать, нужно выкладывать на самом виду. Мы даже потанцевали с ним. И еще непонятно с кем, потому что пока искусство запоминания множества лиц и их титулов от меня ускользало, а пара бокалов шампанского на пустой желудок вообще не сочетались с хорошей памятью.

Ярче остальных, во всех смыслах этого слова оказалась скандальная жена Саввы Морозова Зиновия, которая преуспела в деле скрещивания человека и павлина. Ее платье с множеством перьев, блесок и с хохолком бриллиантов на голове произвело фурор.

Но вот мы без происшествий дожили до полуночи, прозвонили часы, все поздравили друг друга с наступлением Нового Года, и я попросилась у графа домой. Поскольку формально он был самым статусным гостем после Сергея Александровича, растворившегося

с последним боем часов, то мог бы и отпустить меня, но не судьба. Графиня была в ударе, и мы отработали практически полную смену, попрощавшись с гостями около семи утра.

Как я уже говорила, лучше бы сдохла рыбкой.

Завтрак в доме Татищевых не состоялся, равно как и обед тоже. Оголодавшая, я бродила по тихим коридорам в поисках ну хоть кого-нибудь, потому что вчерашние конфеты были уже съедены и забыты.

По запаху, каким-то чудом, удалось разыскать ход на кухню, где сразу забегали, засуетились — и выдали мне от большой щедрости бисквиты с бульоном. Пора и честь знать, решила я.

Хозяева дома пробудились в прекрасном настроении, благостные, счастливые, особенно графиня, которая не только сохранила самообладание, но и еще чудесно провела вечер, и теперь лишь ворчала на мужа за приглашение «этого ужасного Тюхтяева». Можно подумать, вчера меня удалось бы сбить с рук удачнее.

Наконец мне удалось отпроситься поехать в дальнейшее свое путешествие. Напоследок граф пригласил меня в библиотеку.

— Сударыня, эти твои поездки в Саратов...

— Владимир Николаевич, они носят совершенно невинный и отчасти деловой характер.

Он ехидно посмотрел на меня, а я, аккуратно подбирая слова, дабы не нарушить принципы цензуры и хорошего тона, попробовала донести простую истину.

— Равно как добродетель любой женщины вчера могла быть в безопасности с одним древнегреческим богом, так и я имею с Фролом Матвеевичем только дружеские отношения.

Смутился. А я-то помнила, как Его Светлость Дионис пялился на тыльную часть фараона.

* * *

Поездка на родину прошла крайне сумбурно — город весь увлекся праздником — все же это было первое Рождество после государственного траура. Рябинкин стремился успеть все и немного больше, так что нам досталась лишь ночь.

Уезжала я, имея за спиной маркетинговый план, подкрепленный восьмью бездетными вдовами, которые в съемном доме дни напролет шили прокладки. Получалось около десятка в час у каждой. Медленно, но лучше, чем ничего. И этот съемный дом находился над подвалом, чью безопасность мне было столь важно сохранить.

* * *

Все десять дней моих походов погода не донимала. То есть в Москве я быстро перешла на ротонду и морозы вообще не задевали. Фрол подарил шикарную пуховую шаль, благодаря которой можно было путешествовать сколь угодно долго, но в целом зима была безболезненной. А вот на пути в Петербург нас накрыло метелью. Сначала поезд сбросил скорость, а потом и вовсе встал в поле. Несколько часов пурги — и намело почти до окон. В ночь пассажиры ушли в легком беспокойстве. Точнее это другие ушли в беспокойстве — мой опыт путешествий научил доверять железной дороге.

А утро встретило прохладой. Я не учла, что поездки на электровозе и на древнем паровозе имеют существенные различия — у нас банально закончились дрова. В вагоне-ресторане нас угостили холодными бутербродами, и я была не единственной, кто прихватил бутылочку чего покрепче. К обеду кочегар и его помощники сбегали к ближайшей рощице, где нарубили дров для первого класса, так что шубу уже можно было снять, но в остальном поезде творился кошмар. Из вагона третьего класса пассажиры выходили прямо на снег лишь бы подвигаться. От скуки или избытка горячительного меня потянуло спасти людей. Экскурсия в дальние вагоны напомнила фильмы про блокаду Ленинграда. К счастью, детей было мало, и их уже приютили на кухне, но один крестьянин уже точно не проснется — зайдя по нужде в тамбур, он там так и задремал навсегда. Мое же внимание привлекла одна пара — непривычно одетые парень и девушка лет семнадцати. На ней особым образом завязанный платок, а он угрюмо смотрит в пол. Она сложила руки в замок и бормотала молитву.

Вокруг этой пары образовалось пустое место, хотя остальные сбились в кучку, пытаюсь хоть так сохранить живое тепло.

— Что с ними? — спросила я у проводника.

— Да сектанты это, кулугуры-беспоповцы. Тьфу.

— Замерзнут же так. — не сразу дошло до меня.

— А и невелика потеря. — его явно раздражала необходимость находиться тут из-за каприза знатной пассажирки. Теперь я при каждом удобном случае сообщала свой титул, а если бывала в особом задоре, то и родственные связи.

Нетвердой походкой я подошла к отверженным.

— Пойдешь ко мне в прислуги?

Девушка подняла глаза, оказавшиеся вовсе не кроткими, а жесткими, как у много повидавшей старухи. На ресницах уже начинал белеть иней.

— Пойду. — с каким-то отчаянием прошептала она.

— А мужа с собой возьмешь? — я кивнула на не реагиовавшего на нас парня.

— Это брат. Не говорит он. Со мной везде.

— Ну пошли. — я развернулась и пошла к себе, считая свой долг по благотворительности на сегодня исполненным.

Проводник еще что-то верещал, но после трехрублевой купюры быстро вспомнил о других делах. Кулугуры сели в уголке моего купе, взяв один маленький узелок на двоих, а я легла спать прямо в одежде.

Проснулась я от стука проводника. Оказалось, что поезд пока дальше не пойдет, а пассажирам первого и второго класса можно уехать на санях, которые прислал местный староста. Эта идея меня не особо впечатлила, так что я пока отказалась, попросив лишь подать мне пару бутылок коньяка. Оказалось, что есть только одна, последняя, зато литровая. И пусть по цене ящика, но меня она очень даже воодушевила.

Тут я рассмотрела других пассажиров.

— А вы кто? — ну то есть я весьма смутно помнила свой выход в люди, и не была уверена в его итогах.

— Красноперовы мы. Устинья и Демьян. — настороженно сообщила девушка.

— Хорошо, Устинья. Меня зовут Ксения Александровна Татищева. Я графиня, так что зови меня «Ваше Сиятельство». Дом у меня в Петербурге. Вы сами-то куда ехали?

— В Москву. — глядя в пол сообщила Устинья.

— Семья там?

— Нет у нас никого. Одни мы.

Что-то я раньше о старообрядческих семьях другое слышала.

— А откуда вы?

— Из Пензы. Там у нас село. Было.

Понятно, большая тема.

— И чем же вы в Москве заниматься собирались?

Она помолчала и, видимо решившись на что-то свое, выдала:

— Там у людей старой веры работа для своих всегда найдётся. Даже для таких, как мы.

— А что же с такими, как вы не так?

— Мы с горнего согласия. Староста наш, Ефим Титыч, с другими рассорился и один спастись решил. Скит наказал выкопать. Мы туда всем селом пошли и сидели. Месяц без малого. А там солдаты пришли, и тогда мужики наши матицу подрубили. Мало кого откопали. Нас вот с Демьянушкой, у Сычевых бабку одну — она все равно потом померла. Бекешины все полегли. А у Гусевых малой остался. Крыдина молодуха... — она спокойно перечисляла фамилии, а у меня выбивался весь алкоголь из головы.

Двадцать шесть дворов. Более двух сотен человек. И чуть больше дюжины выживших. И тишина в информационном пространстве. Кто ж тех кулугуров считать будет.

— Нас потом в монастырь свезли. — так же невозмутимо продолжала девица. — а Демьян без меня никак не мог, его били, а он сильный — вырывался. Так и заперли в умалишенном доме. Я, когда сбежала, к ним прокралась ночью и позвала его — он в окно вылез. Мы у старьевщика на мое колечко тулуп с валенками сменяли. Потом на ярмарке Демьян с мужиками на спор дрался — так денег на билет набрали. Вот и поехали.

Фильм ужасов из обычной сельской жизни.

— Документов у вас, как я понимаю, нет? — надо же, а голос совсем не дрожит. Почти.

— Нет, Ваше Сиятельство. — согласилась Устинья.

Ну сама я с таким же стартом начинала. Только закалка послабее была.

— Прежде чем двигаться дальше, я бы хотела узнать, во что вы сейчас верите. То есть какие у вашей веры запреты, что вам можно.

— В Бога веруем. — она истово перекрестилась двумя перстами, как мои предки прямо. — В церкву вашу не ходим. Врать нельзя, красть, жизни лишать. Водки и табака нельзя. Молиться только на свои иконы можно.

— А как же вы теперь?

Она опасливо оглянулась, распустила косу и достала из волос мешочек, где на дне позвякивали две крошечные иконки. Услышав шорох за дверью змеей свернула все обратно и снова уставилась в пол.

— Ты грамоте обучена?

— Читать умею по нашему и по вашему немного научилась в монастыре. Писать немножко и счет понимаю.

— А сколько ты в монастыре-то просидела?

— Недолго, года два.

Черт возьми, а я на свои горести жаловалась.

— Вам лет-то сколько?

— Мне пятнадцать. А он на четыре старше.

Здоровый лоб после двух лет в психушке. Мое самое блестящее приобретение, покруче

Лазорки будет. Зато хоть девка не потеряется в любой ситуации.

— А с ним что? — я кивнула на меланхоличный тюк овчины.

— Он не говорит.

— Немой что ли?

— Нет. Но не говорит. — она погладила его по плечу. — Иногда что и скажет, но больше молчит.

— Устя, а он нас слышит? — осторожно кивнула я в его сторону.

— Конечно, — улыбнулась она. — Познакомься с барыней.

Он посмотрел на меня, и я пропала. Нет, не влюбилась. Просто такие глаза на иконах пишут — бесконечно добрые, наивные, чуть удивленные. Как у верной собаки, которую без вины пнули, но она все хозяину простит.

— Договоримся так. Полгода работаете за комнату, стол и одежду. Потом справим вам бумаги и положим жалование как всем. Жить сможете в одной комнате. Кому вы в ней молитесь — дело ваше. В доме с другими вопросы религии не трогать, и я им тоже накажу. Одеваться придется в городское, но это для работы. В комнате, опять же — ваше дело. — По трудовому кодексу это рабство, а по местным меркам — роскошное предложение. — Что бы в доме не узнала — посторонним не рассказываешь. Захочется обсудить — выскажись брату. Возникнут вопросы или претензии — мне. Устраивает?

— Да, барыня, век за Вас молиться буду. — Устинья крепко сжала руку брату, а тот встал передо мной на колени и поклонился. Он оказался еще и очень высоким, статным. Смерть девкам, если заговорит.

Это был лучший момент, чтобы вспомнить, что Фекла оставила мне два пирога.

Нас откопали к исходу четвертого дня, когда я проголодалась как волк и прикончила все запасы алкоголя, гостинцы Феклы, и чуть-чуть отморозила кончики пальцев. Самый старый, переживший со мной свадьбу и все похороны зарядник после этого так и не ожил, а телефон, спрятанный под корсетом — вполне. Мои слуги (звучит-то как) спали, прижавшись ко мне и завернувшись во все одеяла что нам удалось найти. В третьем классе выживших не нашлось.

Встречали нас в Москве и журналисты, и полиция, но мне удалось, накинув вуаль на лицо и переодев Устю в свою старую мантилью, проскочить мимо этих стервятников. Кто рискнет трогать двух скорбящих вдов? В здании вокзала я вызверилась на железнодорожного чиновника уже представившись ему по полной, и вдоволь насладившись переходами цвета лица из серого в зеленовато-бурый и обратно, позволила бесплатно отправить нас курьерским в Петербург. Первым классом, само собой.

Дома меня ждала пара телеграмм от родственника (тут же ответила, отправив Мефодия на телеграф). Трогательно это все-таки. Написала ему письмо, где без цензуры высказалась относительно организации железнодорожных перевозок.

Кроме того, наблюдалась глубокая драма на лице кухарки, которую я на время своего путешествия отпустила к родственникам. Драма уже поджила и сияла всеми оттенками зеленого. Ее муж исхитрился заделать ребенка еще и жене брата, так что обстановка в деревне царила так себе. Почему свекровь и деверь решили сорвать злость на беременной женщине — я не пойму никогда. Чудо, что обошлось без выкидыша. Опять же, прелести дореволюционной деревенской морали и доброты.

Я вздохнула и предложила поработать после родов до тех пор, пока ребенок не начнет ходить. В конце концов, к нам санитарная служба не придет, а малыш в люльке или в манеже на качестве еды вряд ли скажется. Евдокия ползала на коленях невзирая на растущий живот и все норовила целовать руки. Еще раз стоит поблагодарить Господа, что уберег меня от роли крестьянки.

Красноперовых мы разместили, как я и обещала, в одной комнатке, хотя Евдокия и сокрушалась, что не прилично это. Акцентировав внимание на их сиротстве, я запретила расспрашивать о прошлом и послала Мефодия в лавку за платьем для Устиньи. Все они теперь носили темно-шоколадного цвета платья с атласными оборками кофейного оттенка. Мужчинам пришлось заказать форму — брюки, рубахи и сюртуки того же цвета, а жилеты — кофейные.

— Как баре, — смеялась кухарка.

* * *

Устя вообще оказалась на диво обучаема и быстро привыкла к новым условиям. По-видимому, именно такая адаптивность не позволила ей сломаться после всего произошедшего. Что происходило в голове у Демьяна — мне не ведомо, но по дому он носился как робот-пылесос, оттирая все невидимые глазу пятнышки на стеклах, перилах и полах, расставляя мебель по линейке, возясь со шторами и вообще выполняя все поручения.

К следующей неделе сразу несколько газет опубликовали рекламу женских салфеток для свежести и чистоты. Торговля почтой, все, как мы с Фролом и планировали. Одно из объявлений я вырезала и отправила Ольге Александровне.

Через месяц Фрол удвоил штат сотрудниц, потом посадил их работать в три смены, а я, наконец, получила свой первый доход. И пусть эти пятьсот рублей — смета легкого шоппинга, но это первый мой организованный пассивный заработок.

Деньги Фрол привез сам, несказанно меня порадовав. Тем более, что накануне я ознакомилась с налоговыми претензиями к бедной маленькой графине. Оказалось, что паразитизм мытарей — не изобретение нашего века, а посему пришлось наряжаться и ехать в Усадьбу, выпрашивать у Лугина разрешение на пользование библиотекой, потом разумно оценивать свои возможности в скорочтении, ехать в книжный магазин и искать хоть какое-нибудь издание Свода Законов Российской Империи. Оказалось, что издают его редко и малыми тиражами. Вообще пора начать посещать распродажи имущества — очень хочется набить книжные шкафы, а то там до сих пор три еще саратовские книжки стоят — «О хорошем тоне», «Азбука Цветов» и Священное Писание. Яркая характеристика моего богатого интеллекта и широкого кругозора.

Короче говоря, так и пришлось обращаться к стряпчему графа Татищева. Тот бодренько рассчитал все мои долги государству, с учетом подключения к городской канализации, содержания Лазорки, сборов на прислугу — за них тоже, оказывается, должна была платить я. Это ж получается, сколько мороки из-за меня было у Фрола? Я в лавке считала простые вещи — приход, расход, порчи, излишки, а налоги и подати он уже сам высчитывал. Оказалось, что моя помощь не так уж была и велика. Хорошо, хоть за недвижимость все уже оплачено на пятилетку вперед.

Поэтому к моменту приезда Фрола я была преисполнена самых благостных чувств.

— Проходите, Фрол Матвеевич! — я сама встретила его на пороге.

Он со смесью смущения и восхищения рассматривал мое жилище, трогал изразцы на печи, восхищался котлом (пока еще не эксплуатируемым по причине тотального страха Мефодия перед адской машиной), недоумевал по поводу зимнего сада с одним лишь фикусом — подарком Гроссе. В общем-то стали куда более заметны мои навыки хорошей хозяйки, а вернее их полное отсутствие.

Ну хоть кухарка не дала упасть в грязь лицом, приготовив достойный обед.

— Как Вам дом, Фрол Матвеевич? — с надеждой спросила я.

— Ну этакий дворец нашему не чета. — степенно отвечал он, осторожно пробуя консомэ на овощном бульоне — приближался Великий Пост и Евдокия начала экспериментировать с рецептами.

— Зато жизни в Вашем доме куда поболее будет. — отмахнулась я. Действительно, построив дом и наполнив его прислугой, я все равно ощущала какую-то пустоту, заполнить которую не получалось. Не было пустоты в суете калачевской лавки, в тесноте самарской квартирки Петра, но как только я осталась одна — появилась эта яма.

— И то верно, холодно тут... — согласился Фрол, переходя к мясным закускам. — Я вот о чем поговорить хотел...

— Да?

— То письмо Ваше об увеличении капитала... Когда Петр Николаевич только представился... Еще в силе? — осторожно начал он.

— Конечно, Фрол Матвеевич.

— Да я тут... Мы... В общем, Антон Семенович хочет дело свое в Саратове закрывать, и в столицы перебираться. Тут и общество культурнее и вообще...

Антошина попа ищет приключений, понятно.

— Да и я подумал, что можно и мне тут торговлю открыть. Опять же, салфетки эти Ваши как хорошо пошли...

— Прекрасная мысль! Я могу тысяч пятьдесят вложить. — Все равно я их на постройке

дома сэкономила, только как бы мне не начать спонсировать этого мелкого паразита. — Как же в Саратове дело?

— Да я уже все обдумал, вот. — он протянул бумаги. — Бабы пока пусть шьют. Я над ними Данилку оставлю — смышленный малый получился. Лавку у меня Фома Петрович Печатников покупать хотел.

— Конечно, мы ж ему конкуренцию тогда составляли с нашими рекламными акциями.

— Да, до сих пор переживает. — посмеялся мой гость.

— А прислугу куда?

— Фёклу-то с собой возьму. Куда нам одним. — ах, уже нам. — А Никитишна прихворнула как Вы уехали, да и преставилась волей Божьей.

— Жалость-то какая... — я уже думала ее себе взять по такому случаю в пару к Евдокии. — Ну Царствие Небесное, добрая была женщина.

Перекрестились, помолчали.

— Фрол Матвеевич, я только хочу, чтобы Вы правильно все поняли. Все имущество мы оформим на Вас под Ваше же гарантийное письмо. Так у меня будет доля в доходах, а у Вас — чистый собственный капитал. Решения будем принимать совместно. И вот еще что... Деньги мы вложим в Ваше дело, а аптека Антона Семеновича, ежели он такую открывать планирует, будет отдельным предприятием. И я смогу в ней поучаствовать, но уже как самостоятельный инвестор.

Фрол немного потух глазами, но предложение все равно было весьма и весьма неплохим.

Пока же мои приятели сняли квартиру на Большой Подъяческой, всего две комнатки и кухню, на пятом, самом дешевом, этаже доходного дома, и Рябинкин упивался столичной жизнью. Интересно, на сколько хватит Фрола?

Гуляли мои друзья не так уж и долго — до начала Поста. То есть Фрол уехал раньше, а Антон Семенович, периодически наведываясь ко мне пообедать, иногда даже в компании очередного воодушевленного творца, дотянул до масленой недели.

Вместо билета на поезд он обзавелся очередным узорчатым галстуком и пришел ко мне в печали. Так и пришлось ехать вместе с ним на вокзал, покупать билет и следить за отправлением поезда.

Вроде бы во времена моего детства Масленица была символом окончания зимы. Но не здесь и не сейчас. После начала Великого Поста зарядили сырые метели и промозглость проникала даже сквозь стекла с этим тусклым светом, с непонятым переходом от ночи к вечерним сумеркам и странным пограничным состоянием между депрессией и жаждой свершений. Начинало казаться, что вот-вот и я пойму, в чем же смысл этой невозможной истории.

Лазорка цвела и пахла, а еще рвалась на волю похлеще меня. В гололед я за нее побаивалась и дальних походов мы не совершали, зато если выпадал снежок, то с удовольствием и уже безо всякого смущения изучали окрестности. Да, в сумерках, покуда еще не было большой толчеи, но восемь-девять кварталов в одну сторону уже не казалось невероятной далью. Наибольшую нежность наша злыдень стала испытывать к Демьяну, а тот все чаще старался взять свой обед и покушать рядом с ее стойлом, отдавая ей весь хлеб. Мефодий немного ревновал, но поскольку я повисила его до дворецкого, уже больше времени проводил в доме, важно листая газету. Не то чтобы его переполняли успехи в чтении, но страницу в день он мог одолеть.

Поток наказанных из Усадьбы стал лавинообразен — то ли Лугов вдруг озверел, то ли редкие визитерши нашептали о красавчике-работнике, но теперь в горничных недостатка не было. Я договорилась с Устей и Мефодием, и ради даже случайной встречи с Демьяном барышням приходилось выскребать по пол-дома. Зато они успели обучить Устю модным прическам, что опять же приносило мне одни дивиденды.

В один особо промозглый денек наш дом пережил большую инспекцию — в столицу с отчетом приехал московский губернатор. По пути из Зимнего дворца Его Превосходительство изволили навестить мою скромную обитель и быть бы скандалу, не проспи накануне Сусанна утреннее построение и не окажись в наказанных. С удовольствием гоняясь за Демьяном по этажам — я полагаю, именно он больше всех благодарен Василию Ивановичу за непредсказуемые лестницы — она успела сообщить, что граф приехал утренним поездом и почти сразу же отбыл к Высочайшему столу.

Что тут началось!!! В столовой расстелили шикарную скатерть с тонкой вышивкой рябиновыми листьями — я даже не помнила откуда у меня такое сокровище. Небось еще приданного. На кухне Евдокия в полуобмороке готовила обед из семи блюд — я сроду такой расточительности в пище не поощряла, но та ссылалась на собственный опыт. Лишь бы не родила от волнения. По нашим с ней подсчетам выходило, что разрешаться от бремени ей в конце марта, но это дело такое... Мефодий натер все латунные ручки внизу до блеска. Лазорке насыпали свежей соломы под копыта и дали тройную норму овса.

Потом горячка спала, прислуга засела на кухне, а я у окна. Снова вьюжило. Я всегда очень любила зиму с метелями, снегом, терпким морозцем, но вот после январской поездки энтузиазм подостыл.

Роскошный экипаж с гербом на дверце замер возле моих дверей и я коlobком покатила с третьего этажа как раз чтобы успеть чинно спуститься последний пролет лестницы прямо в объятия родственника.

— Ну здравствуй, Ксения Александровна. — он небрежно скинул шубу, трость и шляпу на руки Мефодию, а я отправилась демонстрировать свои достижения.

* * *

За пару месяцев нам удалось более или менее обжить большую часть пространства. Музыкальная комната все еще пустовала, хотя там поставили несколько кресел и диванчиков. В прочих комнатах особой загроможденности не было, хотя по стенам я развесила Петины акварели и теперь они хотя бы не зияли пустотой. В зимнем саду определялись с планами на будущее кадки с пальмой, плеть хойи и еще пара зеленых питомцев неназванного вида — их приобрела на гаражной долговой распродаже имущества обанкротившегося адвоката.

Тот был явным показушником, на что намекали пафосные картины и бюсты мыслителей, но мне же не его услуги покупать. Изначально я отправилась было за книгами, но все так удачно сложилось — мороз с утра ударил за тридцатку и наплыва посетителей не было, поначалу я вообще оказалась одна и лишь Мефодий грустно переминался у входа. Хотя официальный аукцион должен был начаться позже, за пять рублей пристав устроил мне право первой ночи. Оптом за сто рублей я выкупила книжный шкаф со всем содержимым и глобус, а в нагрузку юной вдове подарили цветочки. Их обернули газетами и для верности

накрыли ковром за двадцать рублей. Я прямо перед приходом нескольких профессиональных торговцев успела урвать за следующую сотню роскошный огромный стол — да-да, с зеленым сукном и массивными резными тумбами, огромную карту Российской Империи и чуть потертое кожаное кресло. Уезжала почти по-пиратски. Зато теперь моя библиотека похожа на таковую, а на стол первым делом я выставила пресс-папье от Тюхтяева. Миленько получилось. На стене висел портрет Александра Третьего, который меня всегда восхищал юмором и упертостью. Оба эти качества теперь мне не мешают.

В следующую мародерскую вылазку стало понятно, что некоторые вещи можно покупать еще дешевле, и пришлось останавливать себя, чтобы дом не стал похож на секонд-хэнд. Зато теперь появились разномастные кресла, ширмы, подсвечники, кушетка в зимнем саду, вазы всяческих окрасок и стилей, шкура загадочного, явно краснокнижного животного на полу в спальне, сундуки, шкатулки, морской бинокль, а уж часов-то — в каждую комнату есть что поставить. Последние, напольные шли парой, но я разделила их между прихожей и кабинетом. В одной шкатулке, со стойким запахом табака, кстати, обнаружилось потайное отделение с дерринджером внутри. Интересно тут люди живут, что такие вещи забывают.

Я не гналась за древностями — по мне антиквариат все, что здесь встречается, так что просто отбирала вещи на свой вкус. Потом приглашала обойщика — и вся разномастность приобретала стиль и единообразие. Раза в три дешевле выходит, чем новое покупать.

Граф прогуливался по моему гнезду — а я демонстрировала только парадные помещения, и долго формулировал мысли.

— И тебе самой нравится?

— Более чем. Места много, все мои капризы при строительстве учли, даже вот канализацией не пахнет. Прислуга хорошая, порядок поддерживать легко. Райская жизнь. Жаль, Петя не дожил.

— Да, жаль... — постучал пальцами по перилам граф.

— Пообедаете со мной чем Бог послал? — с надеждой спросила я.

— Да, что-то я подзадержался в Зимнем.

Евдокия превзошла себя, исхитрившись в пост приготовить почти полноценную еду — борщ с фасолью, грибную лазанью, несколько овощных салатов, тушеного кальмара. На морепродукты посадила ее я, не в силах переживать холод и безысходность этой зимы.

Граф откусал, а потом пристально посмотрел на меня.

— И вот ты прямо так постишься?

— Не всегда. С сырьем у меня плохо складывается, так что каюсь. Кашки ем. — честно ответила я.

— Удивляюсь я тебе.

— Зато со мной не соскучишься. — улыбнулась ему в ответ.

— Ольга тебе жениха нашла. — начал родственник.

— Нет!!! — я уже думала, ее отпустило.

— Сама понимаешь, не она, так кто другой начнет. Дмитрий Васильевич Хрущёв. Из побочной ветви, но семья хорошая. Генерал гвардии. Недавно в отставку вышел. Именье свое есть, неподалеку от Москвы. Вдовец. Дети уже взрослые.

Какая чудесная партия. Я, конечно, не так юна, но престарелый генерал после моей вольницы-то...

— Николай Владимирович, давайте серьезно. У меня только два вопроса: обязательно ли это с Вашей точки зрения, и что с ним не так?

— А почему что-то должно быть не так? — удивился он.

— Потому что с каждым человеком есть что-то «не так». Просто оно или безобидное, или нет. Одному будет приемлемо, а другому невыносимо. Например, со мной «не так» очень много — я свободолюбивая, дерзкая, салонные развлечения не люблю. У всего этого есть и светлые стороны — на бальных вопросах можно экономить время, деньги и нервы, а в случае сложной ситуации — не пропаду. Но мужчине, желающему тотального контроля, со мной будет плохо. И мне тоже с ним — не мед.

— Разумные вещи говоришь, но жена мужу должна подчиняться.

— Я любила и уважала Петю. Поэтому у нас с ним конфликтов было — пальцев одной руки хватит пересчитать. И все из-за вольнодумных приятелей или дуэлей. Хотя и денег у нас было мало, и я была большим сорванцом — сами видели. Вам этот генерал Хрущёв в друзьях или врагах полезнее?

Свекор пошевелил усами.

— В друзьях, конечно... У него сейчас в делах упадок и невеста с приданным бы очень помогла. — ну вот с этого и надо было начинать.

— А дела в упадок пришли почему? — если бизнес какой, то интерес еще может быть.

— Ну там долг чести... — начал было родственник.

— Нет-нет-нет. Игрока прибью подсвечником и в обществе выйдет огромный скандал. Рука у меня тяжелая, сами видели. — так, вдохнули-выдохнули. — Николай Владимирович! Выпить хотите?

— Так пост же. — улыбнулся он.

— А Вы в дороге, как лекарство. — я плеснула грамм сто пятьдесят высокоградусного антидепрессанта. — Если очень нужно, я могу встретиться с генералом и тогда он сам разочаруется лично.

— Пожалуй, без этого можно обойтись. — согласился граф и откинулся в кресле.

— А Вас приглашали по поводу коронации? — я давно планировала поднять эту тему, и делать это надо так, с глазу на глаз.

— Откуда знаешь? — изумился родственник.

— Это логично. Траур прошел, время пока есть. По всему выходит, что коронацию в мае устраивать станут, после поста.

— Верно. Жаль, ты парнем не уродилась — я б к себе в службу взял. Мозги-то светлые, не бабы.

— Благодарю. — я продолжала потягивать клюквенный морс и то ли ягода плоха, то ли нервы ни к черту, а горечь на языке смертная. — Я бы хотела привлечь Ваше внимание к двум вопросам. Во-первых, Ваша безопасность. Те, кто Гершелева присылали, вряд ли упустят такую возможность...

— Упустят. — с гордостью произнес граф. — Ты Тюхтяеву что-то такое насоветовала, что он до сих пор о тебе дифирамбы поет, чем очень огорчает Ольгу Александровну, кстати. Так вот, его люди умудрились всю ячейку взять. И такие там разные люди нашлись, что только диву даемся...

Ну хоть одной головной болью меньше.

— И еще один момент. Если празднование будет на Ходынском поле, то за тринадцать лет население Москвы выросло наполовину, а пространство для празднования осталось прежним. И меня одолевают плохие предчувствия...

— Да пустяки все это. Не бери в голову. — отмахнулся граф и вскоре уехал.

И тут я тоже исправить что-то не смогу.

Не спалось. Переодевшись из парадного в домашнее шерстяное платье, я бесцельно бродила по своим апартаментам. Не каждый день тебя принудительно выдают замуж, и ведь сегодня только почву прощупывал, старый лис. По-моему, в этом году с постом не получилось. Я нырнула в сейф, где помимо Петинной шкатулки, деловых бумаг и лекарств XXI века держала стратегические запасы шоколада. После поезда вообще к шоколаду пристрастилась. Внутри глобуса у прежнего хозяина был мини бар, а я блюду традиции. Выбрала вискарь — сейчас самое то.

Метель, уже почти без снега, завьюжила с новой силой, когда я вновь увидела человека за фонарем. Ну с пистолетом-то я стала смелая, и ерунда, что патроны к нему не родные, а кучность стрельбы оставляет желать много лучшего. Поэтому легко сбежала по всем пролетам — теперь у меня ноги накачены как у любой фитнес-леди с таким-то количеством ступенек, накинула подаренную Фролом шаль и открыв ночной запор выглянула наружу. Не столько человек, но мрачная тень стояла за фонарем.

Матеря и наблюдателя, и собственное любопытство, я выскользнула на совершенно пустынную улицу. Во дворе заржала Лазорка, но за воем метели ее возмущение было лишь чуть слышно.

— Вы, сударь, раз пришли, то стучать надобно. — хрипло проговорила я.

— Не хотел беспокоить. — с улыбкой в голосе произнесли из темноты.

Наверное, в глубине души, я об этом и мечтала. Весь год. Протянула руку, которую, чуть помедлив, прижали к заледеневшим губам. Я бы тоже помедлила, если бы мне руку с пистолетом протягивали. Отступила и позволила отвести себя в дом. Закрыла дверь. Молча поднялась по ступеням к себе и лишь наверху, в кабинете, поставив шоколад и коньяк к каминному пламени, позволила себе рассмотреть это чудо вблизи.

— У Вас не было этого шрама. — тонкая розовая полоска пересекла бровь, добавив лицу более ироничное выражение.

— Ерунда.

— Как голова? — этот вопрос меня раньше тревожил сильнее всего — ведь я отправила инвалида в путешествие между мирами.

— Врач оказался прав, и даже головной боли больше нет... А Вы похорошили. — Он вытянул ноги в тонких туфлях ближе к огню.

— Но как?...

— Это я у Вас хотел спросить. — он строго смотрел поверх бокала.

— Не поверите, заскучала по этим нарядам.

— Не поверю.

— А зря...

Я прошлась по комнате, задержалась у окна чтобы увидеть это — Федор Андреевич Фохт собственной персоной в моем доме. Снова. Как будто и не уезжали.

— Знаете, Федор Андреевич, я здесь прижилась. Лучше даже, чем там.

Конечно лучше — там вокруг меня рутина мелкого креакла, а тут торговля, слухи, опять же некоторая предсказуемость. В две тысячи пятнадцатом можно чуть ли не каждый вторник и четверг перед завтраком ждать начала третьей мировой войны с большими и красочными спецэффектами без иллюзий для выживания человечества, а здесь я наперед

знаю все угрозы.

— Где бы я еще себе такой дом построила?

Фохт задумчиво изучал интерьер.

— Да, очень необычный и сказочный домик получился.

— Вы могли бы зайти в декабре.

— Не мог. Тогда я случайно был здесь рядом... по делу... и не ожидал Вас встретить.

Если бы не трилистник на доме — не поверил бы.

* * *

Он снова вспомнил ту слезку, когда два месяца через пол-Европы вел господина Тулина и почти уже вошел в его кружок... Возвращался с собрания в доходном доме Северова и тут увидел новенький дом — узкий, с необычными плавными линиями крыши, огромными окнами и непривычной отделкой трилистниками. Подумал еще, что ей бы такой очень понравился, а ведь уже почти не вспоминал. И остолбенел, рассмотрев силуэт в желтой раковине мансарды. Она никогда не зашторивала окон.

Потом Тулина арестовали, хоть и другой группой, неважно. Зато есть время раскрыть его сеть, и понять, что с этим всем делать.

В окнах мансарды перестал зажигаться свет. Он уже приготовился зайти на Рождество — узнал, что она прожила полгода в усадьбе свекра, со смехом выслушал дикие измышления о ее смертоносном очаровании, придумал речь, обличающую глупейший поступок — возвращение... Цветы заказал... А графиня Татищева пропала.

Потом в газетах прочитал о маскараде в доме генерал-губернатора с описанием всех участников, пожелал Тютчеву множественных переломов главных карьерных костей, выбросил из записной книжки адрес цветочника и жил дальше. И почти не заглядывал в этот переулок. Почти.

* * *

— Я узнавала о Вас еще весной. Мне сказали, что Вы больше не служите... — осторожно начала восстанавливать события я.

— Все равно же узнаете. — он сменил позу, открыв каминному теплу другое колено. — Когда Вы исчезли, началось служебное расследование. Я же вернулся, как Вы и предупреждали, в тот же самый день. Дыра все-таки этот Ваш городок. Письмо купцу прямо в лавку сунул. Пока доехал, здесь уже шум — два дня пропадал непонятно где. А потом граф Татищев наведалься с претензиями. До него письмо не сразу дошло, это потом он все быстро замял, а поначалу додумался меня в убийстве обвинять. Но, как у Вас говорят, ложечки нашлись, а осадок остался. Меня перевели в другой департамент. Мы этого вашего Ульянова-Тулина наблюдали. Интересный человек, скажу я вам.

— Вы дедушку Ленина живого видели?!!! — восторженно изумилась я. Невозможно к такому привыкнуть.

— Только издали. Он сейчас занят малость будет. Лет на пять-семь.

— Ничего, я потом послушаю. Обязательно нужно побывать. А то я его только мельком

в мавзолее видела. — решила я, начав расхаживать по комнате. Совсем же забыла о культурной стороне жизни. — Вообще нужно список составить и начать знакомиться с живыми классиками.

И я перечисляла тех, кого возненавидела на уроках литературы. Сейчас же есть уникальная возможность высказать претензии в лицо. Эх, жаль Достоевский успел уйти.

— Вы — невозможная женщина. — рассмеялся он и поймал мою руку во время очередной дуги.

Я смотрела на него сверху и коснулась шрама кончиками пальцев. Отвратительный жандарм, обманом проникший в наш самарский дом и столько нервных клеток убивший в Суздале. Уставший до смерти, обозленный следак, телом закрывший меня от взрыва в Петербурге. Потерянный ребенок в такси. Умиравший от приступа мужчина в реанимации. Сильный хищник в своей стихии сегодня. Совершенно неоднозначный человек.

И непредсказуемый.

Он, не отрывая от меня взгляда, коснулся ладони губами, сухими и горячими, продолжил целовать руку все выше и выше. Ткань его явно не смущала. Дойдя до ключицы, он оторвался, чтобы хрипло спросить.

— Вы уверены?

Нет, давай письменные переговоры начнем. Я погрузила пальцы в короткие жесткие волосы и почувствовала, что отрываюсь от пола, меня подхватывают и несут наверх. Надо бы спросить, как он научился столь хорошо ориентироваться в моем доме. Хотя здорово, что не нужно отвлекаться от такого важного и приятного дела, поясняя маршрут.

Оказалась, что он очень хорошо целуется, мягко, но неумолимо подчиняя своей воле партнершу. И мне все равно где и на ком он практиковался. Да и раздевать здешних женщин он тоже умеет неплохо.

У домашнего платья есть свои преимущества — лиф и юбка не предполагают дюжины нижних нарядов, так что с моим разоблачением Фохт закончил до рассвета. А сам он за год похудел, стал более жилистым. Брутальный тип, и такой изумительный.

Я провела ладонью по его груди, стягивая нижнюю рубашку, коснулась плеч, поцеловала ту впадинку над ключицей, которую запомнила еще с аквапарка. Хлопнула ресницами и посмотрела на него снизу вверх. Не отводя взгляда кончиком яхьув провела от правой ключицы к левой, и тут ад развезся. Он подхватил меня и с легким полурычком-полуурчанием опрокинул на кровать.

Читала я о позднем появлении культуры женского оргазма, но и в девятнадцатом веке удалось найти мужчину, способного доставить удовольствие партнерше. Или все же господин Фохт посвятил изучению сайтов для взрослых больше времени, чем мне показалось год назад.

Когда я уже процарапала на его спине всю карту мира, он вернулся к моему лицу, впился в губы, ладонями прижал плечи к постели, вошел в меня и... Это не так больно, как я ожидала, вообще оказалось вполне естественно и даже Фохт не сразу понял, что произошло. Лишь через пару минут я поняла, что партнер замер и смотрит мне в глаза. Нехорошо так смотрит.

— Вы ничего не хотите мне сказать, сударыня?

— Нет. — я воспользовалась замешательством и опрокинула его на спину, оказавшись сверху. Так даже ещё лучше...

Спустя несколько десятков минут я лежала в ванне, выстраивая из пены фигурки на его

голове.

— И все-таки мне хочется понять. — ну до чего же он упрямый.

— Что? — если быть вежливой занудой, то ему надоест расспрашивать.

— Вы были замужем. — он аккуратно подбирал выражения. — И я сам свидетель того, что ваш с графом брак не был формальностью.

— Не был. Мы любили друг друга. Просто так получилось... И вообще, это слишком личное, а мой покойный муж точно бы не захотел о подобном распространяться. — нырнула под воду, обняв его ногами.

— Вы — моя первая... Я никогда ранее... — ошеломленно повторял он.

— Вот не поверю, что я Ваша первая женщина. — протиснулась к нему за спину и теперь расположила его голову на своей груди, продолжая архитектурные изыскания.

— Нет. То есть да... Вы сводите меня с ума!

И мы переместились на шкуру того самого загадочного зверя, несомненно наполнив ее жизнью. Это прекрасно, что можно полностью раскрыться перед партнером, не тая желаний, эмоций, фантазий. Испробовав самые разные позы из мирового порнонаследия, мы валялись на этом клочке меха совершенно вымотанные.

— Вы моя сказочная фея. — прошептал мой партнер. Не станем шутить насчет волшебной палочки, а то уж совсем пошло выходит, но пару заклинаний я могу еще применить.

Я не буду сегодня считать сколько лет у меня не было секса, но он стоил ожиданий. Стоил каждой минуты.

Светало. Полусонную, он уложил меня в постель и поцеловал.

— Мне нужно идти. Я обязательно вернусь, моё сокровище.

И так хотелось сказать, что дверь заперта, что Мефодий скоро встанет, но было до того сонно и тепло... Волосы и постель пропахли им и не хотелось возвращаться в мир реальности. Реальность сама постучалась в дверь.

— Ксения Александровна! Утро уже. Завтрак готов.

— Устя, у меня болит голова, скажи всем, что я умерла в прошлом месяце и до обеда не выйду. — сообщила я из-под одеяла.

— Хорошо, Ваше Сиятельство. — она научилась улыбаться шуткам. — там записка пришла от Их Сиятельства.

— Позже, все позже.

Вот как у людей хватает совести портить такое волшебное утро?! Мне хотелось понежиться в постели денька три-четыре. И чтобы диета из миндальных пирожных и травяного чая. И никаких известий из внешнего мира. Но раз графу нейдет...

Я скатилась с кровати на пол и изумленно уставилась на комнату. Следы вчерашнего погрома практически уничтожены. Моя одежда аккуратно сложена на пуфик, только пуговицы к корсажу надо будет пришить. Бутылка стыдливо притулилась на каминной полке — это я спрячу в сундук. В ванной непросохший пол — но я добавлю душем, а вот простынь из-под кровати следует достать и куда-то перепрятать. Не то чтобы я стесняюсь прислуги... Я очень стесняюсь. Да и моя девственность — это был мой второй по значимости секрет в этой Вселенной. Теперь хоть об этом переживать не нужно.

Хотя нет, нужно, да еще как! Это я из дома привезла целый арсенал медикаментов, что сейчас в сейфе лежит. А вчера ни одним мозговым щупальцем не вспомнила, что их бы применить неплохо... Так, мирамистин и фарматекс — по основному своему направлению

уже как мертвому припарки, ну вдруг хоть от каких болячек может помочь. А остальное теперь в руках более могущественны и ироничны. Я начала заправлять постель с криво натянутой простыней, когда заметила чуть потертый на краях черный бархатный футляр. С бешено бьющимся сердцем открыла его и заскулила от умиления — полтора десятка покрытых изумрудной эмалью серебряных с позолотой трилистников скреплялись замочком — божьей коровкой с клеймом «К. Фаберже». Он помнил. Он все запомнил.

* * *

Его Сиятельство изволил сообщить о необходимости («желательности») присутствия на ужине сегодня в Усадьбе. Даже экипаж прислал, и один из кучеров с завистью изучал новое обиталище Мефодия. Пришлось наряжаться, на этот раз в темно-зеленое платье с оборками сзади и изящной драпировкой на бедрах. Я долго спорила с портнихой о рукавах, и отстояла что-то адекватное. А в остальном строга, элегантна. Хорошо, что мелкие царапки от щетины на шее прикрыты воротником. Я слегка улыбнулась своему отражению. По сути, беспокоиться буду через пару недель, если что. А до того изменить все равно нечего. Добавила новые гагатовые бусы, стала еще больше напоминать чопорную англичанку. Накинула шляпку, ротонду и отправилась на Моховую.

* * *

— Добрый день, Ксения Александровна! — почуввав изменения в отношениях с четой Татищевых, их прислуга стала проявлять доселе невиданную приветливость. — Их Сиятельство ожидает в библиотеке.

— Хороша, очень хороша. — оглядел меня родственник. Наверняка, я на Лазорку так же смотрела попервоначально.

— Благодарю. — потупилась я.

— У меня сегодня гости соберутся. Побудешь за хозяйку. — оповестил о немислимом счастье родственник и вернулся к своим бумагам.

Ну конечно, я же отличная хозяйка, такую тут точно не забудут.

— Николай Владимирович... Я не могу гарантировать успех Вашего предприятия...

— А ты постарайся. — сухо ответил губернатор. Вот что с ним сегодня?

— Много ли гостей и чем они предпочитают развлекаться?

— Да совсем немного, не бойся. Граф Николай Валерианович Канкрин, камергер, монсеньор Луи-Огюст Ланн, маркиз де Монтебелло, ну еще человек пять-шесть. Все будет запросто, без особых церемоний, развлечь я их и сам смогу, а ты побудь рядом, поулыбайся. Сыграй при случае. Говорят, ты петь горазда?

— После... смерти Петеньки я не пою.

— Тогда порепетируй пока.

На этом мою аудиенцию завершили. Родственник был сердит, озадачен и явно не собирался это обсуждать со мной. Да и глупо было бы ожидать... Радует, что хоть что-то иногда доверяет... Правда, не получалось избавиться от ощущения пешки в чужой игре, но у любого выигрыша в социальных состязаниях — своя цена. И раз мне приспичило

проникнуть в светскую семью — придется соответствовать. Уроки что ли начать брать...

Первым приехал отрекламированный граф Канкрин — сурового вида мужчина с пышными темно-каштановыми усами. Он привез с собой Карло Альберто Фердинандо Маффеи ди Больо — млажавого брjонета с орлиным носом, жгучими глазами и фантастическим обаянием. Несмотря на свои шестьдесят с хвостиком, он создавал ощущение, что заполняет все пространство сразу. Чуть позже подтянулся двадцатидвухлетний француз в необычайной пестроты жилете и последним прибыли граф Трубецкой в сопровождении бородатого американца. Ну хоть где-то попрактикуюсь в английском.

* * *

Компания у нас подобралась — обнять и плакать. Юный француз — Луи Огюст Ланн — представитель классической золотой молодежи. Его отец женился на богатой наследнице, которая не стеснялась этого демонстрировать, чем и заразила сына. Тот долго расписывал мне роскошь балов, которые закатывает французское посольство при его папеньке. О как, граф пригрел мажорика. Густав Луи обучал сына так же как обучали его самого — начиная с малых постов в дипломатическом представительстве Третьей республики. Наследник откровенно страдал, стремясь найти любые способы для веселья. Сегодня этим способом оказалась я.

Мало того, что он с наигранным ужасом час переспрашивал, как можно выжить без знаний его чудесного языка, так еще и глумился над моими попытками свернуть тему разговора. Я честно отработала самые ходовые темы — природу, погоду, замки Луары, Лувр — мои воспоминания об этом, конечно, так себе, и я едва одернула себя от высказывания мнения о стеклянной пирамиде — ее же точно возвели совсем недавно. Зато отдала должное Эйфелевой башне — она-то точно уже построена. Юный лягушатник так кичился этими объектами, что можно было заподозрить его самого в проектировании. Особенно Лувра.

Играть роль дурочки-милашки было неприятно, но это было бы полбеда. Совсем еще не старый американский посол брюзжал об архаичности обычаев коронации, которые требуют определенного дресс-кода. Только с четвертой попытки удалось понять, что чудовищное унижение, непосредственно угрожающее ему — это необходимость нарядиться в короткие брюки с панталонами. «Мои избиратели никогда этого не поймут», восклицал он. Очень хотелось предложить ему сфотографироваться еще и с ручным медведем, чтобы уж избиратели точно не обращали внимания на мелочи типа одежды, но под строгим взглядом родственника язык пришлось прикусить. Поскольку отец посла в свое время дошел до должности вице-президента при Джеймсе Бьюкенене, то сын мечтал его превзойти. Что-то не припоминаю я хвалебных од данному президентству, да и насчет сына тоже терзают смутные сомнения, но я утешила его мыслью, что пусть лучше странный наряд будет единственной его проблемой, а все остальные разрешаться. Уж подобную мелочь можно подать в нужном свете. Меня смерили тяжелым взглядом, и не сочли необходимым комментировать.

И только итальянец пытался быть галантным, явно подчеркивая превосходство над северным соседом. С ним мы обсуждали нюансы вкуса лазаньи и пасты, сыры и вина, Рим и Венецию. Про Венецию и ее бурную и трагическую историю он вообще разливался

соловьем, отчего проиграл четыре партии подряд. Но не унывая ни на секунду, продолжал дифирамбы историческому значению Вечного Города. Я смогла блеснуть эрудицией — еще бы, неделя экскурсий нон-стоп — по поводу революционной методики Фиорелли, позволившей вернуть лики жертв Помпеи. В конце концов итальянец оставил игру и полностью погрузился в разговор со мной.

Игра шла на средние ставки — количество золотых монет на столе не поражало воображения, когда в холле послышался шум.

— Иван Алексеевич, здравствуй, дорогой, — распахнул объятия граф и вышел встречать двух пожилых мужчин — Хуго Фюрста фон Радолина и Ивана Алексеевича Репина, также принадлежавшего к великосветской тусовке.

Гости не представлялись друг другу — только мне, из чего я сделала вывод, что все друг друга знают, и возникал вопрос — это как же компания, столь разношерстная, могла свести знакомство.

— Ксения Александровна, ангел мой, спой нам что-нибудь. — как никогда приторно обратился граф. Я с тоской посмотрела на пианино, к клавишам которого до сего дня не прикасалась уже лет пятнадцать — со знаменательного побега из музыкальной школы и попыталась. Честно попыталась.

Вообще, выбор песен был несколько затруднен политической и исторической подоплекой. Пока я репетировала, лучше всего вспомнила романс «Генералам двенадцатого года» и «Ты меня на рассвете разбудишь». Первое — плевок в сторону Франции, второе — дурное воспоминание американцу. Ассортимент песен моего недолгого замужества вызывал недопустимую сейчас ностальгию.

День и ночь роняет сердце ласку,
День и ночь кружится голова,
День и ночь взволнованною сказкой
Мне звучат твои слова:
Только раз бывают в жизни встречи,
Только раз судьбою рвется нить,
Только раз в холодный зимний вечер
Мне так хочется любить

Гости были столь хорошо воспитаны, что даже похлопали. По знаку графа продолжила, вспомнив буквально на ходу.

Et si tu n'existais pas...^[3]

Ну здесь даже француз ожил, внимательно вслушиваясь в самые, на мой взгляд, прекрасные строки о любви.

— Madame, vous déformé la vérité, quand déclaré l'ignorance de la langue française^[4].

Вот бы еще помнить, что он говорит. Поэтому просто улыбнись.

* * *

Новоприбывшие сыграли партию в вист, после чего все участники начали разъезжаться. И со всеми мы прощались, долго и церемонно. Особенно долго с сеньором Маффеи ди Больс (Для Вас, сеньора — Карло, просто Карло). Тот уже успел позвать меня в оперу на гастроли итальянской примы, пригласить на коронационные торжества в посольстве, и вообще

поражал гостеприимством, хотя вроде бы особенно не пил. Брюзжащий американец и Луи Огюст оказались куда более сдержаны в эмоциях, а русская половина игроков вообще смотрела сквозь мои прелести.

— J'espère vous voir à nouveau^[5]. - прошептал француз.

— Je ne peux pas promettre^[6]. - эту фразу я всегда произносила при выдаче домашних заданий на курсе, поэтому и запомнила хорошо.

Вопреки ожиданиям, граф не отправил меня домой сразу, а взялся проводить.

— Только ты, милая, поиграй пока тут, а мы пока поговорим в кабинете.

Получалось, что на сторожевом псе сэкономил: покуда в салоне я истязала клавиши, ни одна живая душа не могла бы подслушать разговор, который велся за дверями кабинета. И сама я тоже эти пять саженей бы не преодолела. Великий он стратег — отец моего мужа.

То, что гости иногда прислушивались к моим завываниям, стало понятно, когда Иван Алексеевич наклонился ко мне.

— Дитя мое, а что это за романс о кавалергардах?

Я повторила, чем почему-то растрогала старика.

— Это что-то новое? — спросил он.

Упс.

— Я еще у папеньки в архивах находила стихи, ноты... До меня еще написанные. Мы в деревне жили, мало ли кто мог бывать... Теперь уже не узнать — все сгорело. — скорбно прошептала в ответ.

Меня погладили по голове, посочувствовали череде потерь и похвалили за музыкальную смелость.

* * *

Граф всю дорогу был молчалив, а уже у крыльца дал указания.

— Если итальянец объявится — сходи с ним куда-нибудь.

— Куда? — я вообще обалдеваю от этого человека. То замуж выдает, на следующий день вообще готов подложить под кого ни попадя.

— Репутацию соблюдать не забывай, это верно. Ну от приема в посольстве по официальному приглашению отказываться не смей.

Поцеловал в темечко и отпустил.

Ночной дом встретил меня тьмой и безмолвием. И хотя дверь мне открыли почти сразу — Демьян устроился на стуле возле вешалки и с явным беспокойством ждал, я не могла отделаться от ощущения тоски и неуверенности.

Эта бестолковая вечеринка явно кому-то требовалась, но зачем? Нельзя сказать, что за игрой вообще велись какие-то серьезные разговоры. Я даже не понимаю, кто все эти люди. Жаль гугла пока нет, а то уже бы выяснила их предпочтения в напитках и полные донжуанские списки. А пока приходится напрягать извилины. И все мои усилия, оплаченные мигренью и покрасневшими с утра глазами, привели к тому, что иных причин, кроме демонстрации гостей друг другу, у этого экспромта не было. Была еще одна конспирологическая версия, что в монетах была своя тайная символика и кто-то что-то кому-то передавал. Но уж очень притянута все за уши.

Вот так, день псу под хвост, а еще неприятное ощущение использованности втемную.

— Демьян, ко мне приходил кто вчера? — обратилась я к работнику, аккуратно очищавшему камин в библиотеке от золы. Тот обратил ко мне свои невероятные глаза (не в последнюю очередь ради этого я и подавала голос) и отрицательно покачал головой. Потом вскинулся и бросился в салон, откуда принес маленький круглый букетик красных роз. Что-то у меня в голове не укладывается, как Федор Андреевич собирает икебану, поминутно сверяясь со справочником значений цветов, так что трактовка большой любви не так уж и обязательна. Тем более, что я пока не препарировала свои эмоции.

Ну что сказать? Он прикольный, как сказала бы Люська. С ним можно не притворяться и теперь уже ничего не скрывать. Не нужно юлить в разговорах, просчитывать действия наперед, заботиться о приличиях. В конце концов, однажды он спас мне жизнь. Я-то расплатилась за это и в прямом и переносном смысле, но тогда он действовал бескорыстно. Он хороший партнер для походов «на дело». Как выяснилось, и другие вещи у нас с ним тоже очень здорово получаются. Да и если быть честной с собой — победило любопытство и желание. Я отношение к нему не то что влюбленностью — увлечением назвать не могу. Он свой и с ним просто. В сложном, переполненном условностями мире — более чем значимый аргумент. Как-то звучит все это более чем цинично и взвешенно, но я и не хочу для себя этакую роковую страсть, чтобы гром, молнии и разрыв сердца. Плавали, знаем, хватит, а спецэффектам место в кинематографе.

Насчет дальше я пока не хочу думать. Пока нужда не заставит, о замужестве я думать не хочу. Вряд ли мне вообще попадется такой же покладистый муж, как Фрол или Петя, а терпеть самодура при таких-то ограничениях, как здесь — увольте. При разводе детей забирает муж, имущество чаще тоже, без разрешения супруга даже покупки делать не рекомендуется. И это мне еще невероятно повезло с Петенькой — без завещания мне бы причиталась 1/7 имущества мужа. Комфортно жить только вдове. Обеспеченной вдове, само собой.

В общем, со мной все понятно — от скуки и неких смутных порывов совратила мужика. А вот он-то что? Вообще, зачем круги вокруг дома нарезал, простывая на ветру? Наличие браслета предполагает, что не один день планировал встречу. Благодарность? Возможно. А остальное — удачное стечение обстоятельств, тем более, романы с веселыми вдовушками здесь повсеместны. И что эта вдовушка его так удивит — этого он точно не ожидал. Интересно, теперь как честный человек захочет жениться или что? Сама бы я что предпочла? Если в отрыве от сплетен и дурной репутации, вполне бы... Не важно, это меня скомпрометирует. Тут разве что залет от Императора считается знаком качества, остальное обсуждается множеством непричастных, но избыточно любознательных.

Хотя я не в курсе его актуальной личной жизни — полтора года назад у него семьи вроде бы не было, но этот аспект мы ни разу не обсуждали, за эти месяцы многое могло измениться. И была эта оговорка про первую девственницу... Вот и говори о высокой морали в Прекрасную эпоху — мужик тридцать семь лет прожил, а с таким не сталкивался.

Я в задумчивости ощипывала букет, пока не превратила его в бутоны на палочках. Засушить что ли? В комплект к Петиним пойдут.

Тем временем моя прислуга принимала гонцов.

Сначала пачку нот прислал родственник. Алябьев, Титов, Дельвиг... Тоска. Не понимаю, это намек на неудачный репертуар или поощрение? Да и пианино у меня нет.

Итальянец, как человек слова, прислал все сразу — и приглашение на посольский прием, и корзину с сырами, пастой и вином, и письмо с приглашением в оперу. Приятно

иметь дело с таким человеком. А за полтора-то месяца я точно успею с платьем. Двумя платьями, поправила сама себя — бальное и театральное — это два разных туалета. Сразу написала письмо с благодарностями за подарки и обещанием обязательно присутствовать везде. Если б еще не пост, вообще бы жизнь забила ключом.

Француз прислал вычурный букет цветов, с толкованием которого я совсем сбилась. Некоторые жутковатого вида листья я не опознала, но оставшегося хватило, чтобы ум за разум зашел. Ирисы (эмблема Франции, символизирует надежду, обещание на будущее), рыжие лилии («Твое сердце свободно?»), туберозы («Опасные удовольствия»), магнолии («Хочу Вас любить»), жасмин и бордовые розы (эти без комментариев). И вот этот гербарий нужно тоже как-то пристроить. А так — даже шоколадку не приложил. Не зря говорят об их прижимистости. Ему писем не писала — куда мне этот золотой мальчик, отделалась запиской с благодарностью.

Ночь прошла спокойно, хоть я и засиделась на подоконнике, выглядывая в снежном ветре высокий худощавый силуэт. Бестолку. Вторая ночь. Я ворочаюсь в постели, мне то жарко, то зябко, и вновь несколько случайных прохожих идут мимо моих дверей.

На третий день я уже перестала ждать моего героя-любовника, и продолжила жить своей прежней жизнью. В конце концов, он там что-то такое обещал, так что пусть возвращается. Однажды утром во время верховой прогулки Лазорка почему-то двинулась в сторону Усадьбы. Доселе я за ней ностальгию не замечала, но все случается впервые. На Моховую она шла своей дорогой, так что вырулили мы к задам усадьбы, где и увидели за сугробом много кучу окурков и другие следы жизнедеятельности. Один след жизнедеятельности немного заиндевел и был чуток припорошен снежком, но крови из-под живота натекло знатно, и именно эта алая масса и была заметна в сумерках. По своему опыту проживания там я была в курсе, что Лугов пресек все курилки по углам, так что явно человек был не наш. Пришлось подходить к парадному входу, стучаться, одергивать лакея, держать лицо перед Луговым, недовольно косящимся одновременно на мою не первой чистоты юбку и презрительно кривящую губу Лазорку. Очень было бы кстати, если б кто-то его в эту секунду напугал. Но не свезло, пришлось идти так как есть — в жокейских сапогах, всклоченной юбке — зеркало не стеснялось ни следов навоза на подоле, ни подсохшей лошадиной слюны на рукаве. Барин еще изволил почивать перед грядущим отъездом, так что принимал меня в халате поверх исподнего и — теперь я буду помнить это всегда — ночном колпаке.

— Что-то ты раненько сегодня, госпожа графиня. — сухо приветствовал меня родственник.

— Мы с Лазоркой всегда гуляем в эту пору. — туманно объяснила я свой визит. Вдохнула, выдохнула, успокоилась. — За Вашей усадьбой кто-то приглядывает, вон даже труп оставили на память — кивнула на предполагаемое место находки (в этом крыле усадьбы я плохо ориентируюсь).

— Ты о чем? — раздраженно переспросил Татищев.

— Примерно шагах в двадцати-тридцати от каретной, где жасмин еще растет, за оградой лежит мертвец. Свеженький, наверняка. Здесь же городовые по ночам гуляют, я помню — вряд ли бы такое упустили. Следы еще там, не один час кто-то курил. Вы уж, Николай Владимирович, сами с этим разберитесь. И подумайте заодно, кто ж такой любознательный за Вами приглядывает.

По побелевшим губам московского градоначальника я поняла, что у нас всех наметились проблемы. Даже без Ходынки.

— Вот не понимаю я, как ты исхитряешься столько проблем собрать на пустом месте. — раздраженно бросил он и пошел одеваться.

А я пожалала плечами и присела. Может лучше уйти?

— Запомни, — приказал необычайно быстро вернувшийся граф, так и не выпустивший из рук подозрную трубу. — Ты заехала попрощаться и передать Ольге записку. Напиши для порядка хоть что-то.

Я послушно начеркала что-то благожелательное и несколько вопросов о новых фасонах шляпок. Тупо, но ей как раз.

— Умница. И давай домой. — Он чуть помялся. — Если что у себя подозрительное углядишь — напиши мне... о птицах что ли.

— Счастливого пути, рарá.

* * *

Вот как после этого восстановить свою репутацию в глазах всей челяди? Теперь даже на Демьяна ходить перестанут. Печально, Усте одной тяжело будет.

Но помимо таких мелочей стоит обдумать связь между графом, этими его гостями, мной и трупом у ограды. С покойником вариантов два — это или случайный свидетель, или конкурент. Насчет причин для наблюдения — графу виднее. Но разбег побольше — это могут быть и революционеры-бомбисты, и просто желающие прославиться идиоты, и еще (а думать это совсем неприятно) это вполне могут оказаться люди, заинтересованные удивительными гостями.

Лазорка послушно добрела до дома — она как-то особо чутко улавливает настроение людей и не встречается, когда на душе совсем раздрай, а там мне стало сразу не до переживаний. Пока мы шатались по покойникам, Евдокия надумала рожать.

И вот тут-то я испугалась по-настоящему. Когда на твоих глазах человек орет так, что выворачивает наизнанку, это совсем не то, что лежащий тихий покойничек. Устя уже сбегала за повитухой, которая оказалась пьяненькой после успешных родов накануне и даже руки вымыть не соизволила, устроившись рядом с Евдокией на кровати и напевая что-то задумчивое. Я наслышана, что роды — процесс естественный, даже изучала эту механику, пока Люська сдавала акушерство — мы всей семьей тогда много лишнего узнавали, но подобная помощь не обнадеживала.

Я поймала зеленоватого лицом Митрофана и снабдив денежкой отправила к врачу. Жил неподалеку в доходном доме человек, изредка возвращавшийся затемно в белом халате. Вскоре он появился у нас на пороге, несколько ошарашенный подобной демократичностью графини, лично наблюдающей роды кухарки. Доктор выгнал нас всех и лично занялся роженицей.

Солнце поднялось к зениту, мы так и не позавтракали, так что пришлось брать Устю с корзинкой и ехать в ближайший приличный ресторан, где нас с трепетом и нежностью снабдили провизией на весь день и пообещали повторить уже с доставкой на дом.

Дома первым делом мы слышали мяуканье. Странно, вроде бы кошек мы не заводили, но оказалось, что эти странные звуки издает младенец. Евдокия родила девочку, живую, крупную. Страшненькую, конечно, как и все младенцы, но живую. Доктор, однако, радости не проявлял и что-то озабоченно пояснял Мефодию.

— Доктор, извините, мы не успели познакомиться. — вклинилась я в серьезный мужской разговор. — Графиня Татищева, Ксения Александровна.

Протянула ему ладонь и с удовольствием увидела тщательно обстриженные чистые ногти на его руке.

— Полозов, Семен Агеевич, врач. — машинально ответил он.

— Что с моей Евдокией?

— Да я вот как раз объяснял мужу...

— Это не муж, муж ее в солдатах, так что можете объяснить мне. — не терпящим

возражений тоном я оборвала его.

— Гмм... Как изволите. Роженица неплохо перенесла роды, жить будет. Плод жизнеспособный, но вот ноги...

— Что с ногами?

— Я не знаю причин, но нижние конечности плода сильно деформированы и не реагируют на раздражение.

Черт бы побрал все!

— Ее избила свекровь несколько месяцев назад. — вспомнила я.

— Что ж, это многое объясняет. — доктор Полозов собирал инструменты в чемоданчик. — Ребенок в остальном крепкий, жаль, что так получилось. Слабого бы можно было не выхаживать... Ну да она баба молодая, крепкая, еще нарожает...

И покинул наш притихший дом. Обедала я, как-то не особо ощущая вкуса еды, а челядь затаилась на кухне. Как будто покойник в доме. Всесторонне обдумав ситуацию, отправила Мефодия в казарму к молодому отцу. Его конюх доставил почему-то немного потрепанным, наверняка раза три или четыре наш везунчик спотыкался о стены домов со всего роста. Пока мужчины проходили через заднюю дверь на половину прислуги, я поглаживала круп Лазорки, невидимая для окружающих. Свистом подозвала Мефодия, похлопала по плечу. Молодец, ситуацию понимает правильно.

О чем там говорили новоиспеченные родители мне неизвестно, но беседа прошла быстро, закончилась рыданиями Евдокии, которые тут же подхватил младенец. Уже во дворе этот щуплый рыжеусый мужичок потрясал кулаком и требовал избавиться от уroda. Как-то сама собой открылась дверь, и отвязанная Лазорка совершенно случайно наподдала незнакомцу обоими копытами.

— С лошастью поосторожнее, милейший, денег стоит. — обронила я, шествуя в дом.

Молодую мать навестила спустя пару часов. Евдокия сидела на кровати, плотно обвязав голову черным платком, и я даже помертвела в первую минуту. Но из-за подушек раздалось ворчание, и можно было выдохнуть.

— Ну что ты, милая? — осторожно погладила ее по плечу.

— Да что ж тут скажешь, Ваше Сиятельство... — расплакалась опять она. — Куда ее, такую?!

Вот выше промежности новорожденная выглядела совершенно нормально: упитанный щекастый маленький человек с багровым червячком пупка, плотно сжатыми кулачками и насупленным взглядом из-под опухших век. А ниже... свернутые рогаликом ножки оказались тоньше запястий и явно короче рук. Я подошла и погладила девочку по телу. Так одернулась от прикосновения к ручке, жадно обхватила губами палец, но даже не пошевелилась от щекотки ступни. Подобное и в моем времени — приговор.

— Дуня, она есть хочет. — прошептала я.

Кухарка чуть помедлила и поднесла уродца к груди. В пеленке девочка вообще не отличалась от других детей.

— На все воля Божья. — больше на ум аргументов не пришло. — Как назовем-то?

Евдокия подняла на меня тяжелый взгляд. Об этом она еще не подумала.

— Я думала мальчика Платошей назвать. А девочку — Марфушей, как матушку мою звали. — отстраненно проговорила она.

— Вот и славно. Сейчас батюшку кликнем и нынче же окрестим. — успокаивающе бормотала я, пугаясь этой черноты в лице всегда благостной Евдокии. Послеродовые

депрессии накрывают и благополучных мамаш, что уж говорить про такое. Не ровен час, сама удавится или дочку сгубит.

Бедняга Мефодий уже заметно хромал, отправляясь в следующий поход. Он отчего-то заартачился и отказался становится крестным отцом Марфуши, не помогло даже то, что в матери вписалась я сама. Начал что-то говорить о недостаточном собственном благочестии, в общем зачудил. Вот только этого мне не хватало к концу дня. Красноперовы смотрели исподлобья — от них в этом деле толку было чуть.

Был у меня один вариант, конечно... Пришлось идти наверх, взяв обещание с Усти, что она ни на минуту не спустит глаз с молодой матери, писать на дорогой лощеной бумаге с фамильным татищевским гербом (заказала целую пачку и использовала только на благодарственные письма) приглашение для господина Лугова. Официальное. Срочное.

Тот, к моему изумлению, добрался раньше священника.

— Чем могу помочь, Ксения Александровна? — чист, ухожен, элегантен, только вот глаза больные.

Я усадила его в своем кабинете, велел Демьяну сменить Устю, которая почти прилично справилась с подачей чая.

— Новая девочка? — обратил на нее внимание посетитель.

— Да, взяла вот сиротку в дом. Старательная. Конечно, учится пока, но Ваши девушки ей в пример. — я пододвинула тарелочку с сушеными ананасами и орешками, которыми Лугов чинно лакомился.

Про его слабости Сусанна мне рассказала все и немного больше. Я знала о его привычке копировать манеры графа и потом тайком принимать те же позы на диване, о вкусовых (ананасы) и алкогольных (черничная настойка) пристрастиях, об одержимости собственным телом и безразличии к обоим полам. И сама догадалась, для чего он хранит в шкафу шелковые чулки — если горничные копнут глубже, они и платья найдут, уверена.

— Я хочу предложить Вам, Алексей Трифионович, стать моим... — драматическая пауза, как раз чтобы поперхнулся. — кумом.

Когда он откашлялся, выпил воды и слезящимися глазками уставился на меня, продолжила.

— Евдокия, помните же ее, разрешилась от бремени, родила девочку. И мы ее окрестим сегодня же — Мефодий как раз за батюшкой отправился. А то дитя так слабо...

И вот попробуй теперь вывернись.

Он даже не стал пытаться. Все же даже дефективная графиня в кумах — это не у каждого мажордома случается.

Прибывший священник оказался на диво обаятельным и каким-то светлым человеком. Он мигом оценил ситуацию, ласково поговорил с Евдокией, торжественно провел ритуал крещения — мне пришлось ущипнуть Лугова, чтобы тот лицо сделал попроще, когда увидел особенности ребенка.

— Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденнаго прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес, и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася. Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писанием. И возшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца. И паки

грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца. И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном споклоняема и сславима, глаголавшаго пророки. Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых, и жизни будущаго века. Аминь. — рокочущий голос священника наполняет нашу комнату неопределенного назначения.

— Аминь. — повторяем мы.

Где-то в своей каморке молятся Красноперовы. И их молитва так же доходит до Господа, а свет ее делает жизнь малышки хоть чуть-чуть, но радостнее.

Я не знаю, почем тут нынче крещения, но вряд ли вкладего, утешившего мать, меньше, чем у врача, принявшего Марфу.

По случаю такой радости мы накрываем большой стол, лакомимся ресторанными припасами, немного грешим и распечатываем черничную наливку, которую как раз для взятки Лугову и берегли.

— А что девица Ваша на крестинах не была? — в какой-то момент спрашивает разомлевший мажордом.

Девица замерла.

— Смущается посторонних. Вы для нее — как генерал для солдата.

Умиротворенный Лугов покинул наш дом в самом благостном настроении, успев насплетничать о чудовищном злодеянии в аристократическом квартале.

— Вот представьте только, Ксения Александровна, только Вы уехали, а за усадьбой труп нашли. Полиция приезжала, да. Поговорили с Их Сиятельством, опросили всю прислугу и уехали восвояси... нет, незнакомый труп. Никто его не опознал, чужой какой-то.

— Неужели разбойники? — ужаснулась я. — Сохрани Господь! В таком приличном месте и средь бела дня жизни лишают. А я ведь там сколько жила — двери-то не всегда закрывали....

— И не говорите, Ксения Александровна! — он весь ушел в мысли об опасности проникновения врага на вверенную территорию.

— Теперь и окна, и двери надо будет укрепить от греха. — посоветовала я. — У меня как раз мастер такой имеется. — и спланировала кума восвояси.

— Что сидим, как на поминках? — спросила я у прислуги, в молчании нависших над тарелками. — Человек родился, между прочим, душа Божья. Устя, неси завтрашнюю еду, отмечать будем.

Устя тоже не особо видела повод для радости, но к моим сумасбродствам уже привыкла и воспринимала их стоически. За почти два месяца брат и сестра отъелись, отоспались и выглядели как раскрашенные картинки, по сравнению со своими бледными первоначальными образами. В стабильной и размеренной жизни Демьян начал чаще смотреть на окружающих, меньше сугулился. О чем думала Устинья, мне неизвестно, но точно не страдала, а порой я заставляла улыбку на ее лице — истинную, а не дежурную.

Евдокия пока не могла сидеть, но я уговорила ее постоять с новорожденной рядом. Мы чокались морсом, произносили тосты и старательно делали вид, что все, как на обычных крестинах. К второму кругу поздравлений я созрела до очевидного, но ранее незаметного из-за суеты решения.

— Евдокия, я не думаю, что тебе стоит ехать в деревню. Оставайся тут вместе с Марфой. Комнаты вам обеим хватит, зарплату я повышу. Марфа подрастет, Бог даст

смышлёная будет, выучим ее ремеслу какому-нибудь сидячему — кружева плести или вышивать бисером. Так и она сама, если что, не пропадет. А отдавать ее куда — это же, сама понимаешь, погубишь.

Воцарилась тишина, и я поняла, что все смотрят на нас обеих. Ну на меня — будто я отрастила вторую голову, а на Евдокию — как на участницу чего-то изумительного, что больше ни с кем уже не произойдет.

Евдокия подняла глаза от пестрого кулька — она скопила несколько дюжин лоскутов, из которых нашла очень креативных пеленок.

— О-оставить ее тут? — заикаясь переспросила и начала оседать.

Демьян успел подхватить ребенка, Мефодий — мать, перенесли их в каморку, мы с Устей осмотрели роженицу — кровотечения нет.

— Сомлела. — уверенно заявила горничная. — Вы, барыня, когда нас с Дёмушкой к себе позвали, я тоже чуть не сомлела. Молила тогда Господа о чуде, а тут Вы... Вот и Дуня... Смотрите, околёмывается...

Евдокия осмотрелась и не найдя Марфы испуганно посмотрела на меня.

— Сейчас Демьян принесет. — улыбнулась я. Раз ищет, значит приняла.

Но Устю на ночь оставила с семьей.

* * *

Наверх доползла за полночь и рухнула в постель. Когда только Устя успела ее расстелить, подумала я, проваливаясь в глубокий сон.

Утром нашла себя уставшей как ломовая лошадь после двойной смены, зато хоть платье в ночи расстегнула. Только вот сложено оно как-то... Видела я на днях такую укладку...

— Федор Андреевич? — тихо окликнула я.

Нет ответа и было бы странно, что он сидит рядом, но это так удивительно... Устя неотлучно была при мне с самых крестин. Лунатизмом я точно не страдаю, значит платье само собой не снялось. А эта странная манера аккуратно сворачивать корсаж присуща только одному моему знакомцу.

Бардак в доме творится, если посторонний человек шастает тут, как у себя в комод. И ладно, если это Фохт, а мало ли кому еще придет в голову меня навестить. Может и вправду собаку завести?

* * *

Новый день принес новый букет — на этот раз с преобладанием жасмина и камелий. Жаль, мужчинам цветы не дарят, а то кактус был бы в самый раз. И желательно с доставкой ночью в постель.

Евдокия рвалась к плите, но ее осаживали четыре человека, а пятый требовательно напоминал о других обязанностях. Вот тут-то Евдокия по-настоящему оценила водопровод и душ, который вначале считала баловством. Я несколько раз настрого велела ей купать дочку при каждой смене пеленок и теперь она сама удивлялась тому, что нет опрелостей, привычных ее деревенским братьям и сестрам.

Три дня длился наш разлад в хозяйстве. Устя умела готовить, но вот ассортимент откровенно печалил. Теперь мы все постились самым экстремальным образом. Я снова пережевывала кашку по утрам — в обед и вечером нас подкармливали рестораторы.

Евдокия переживала, но все проходит, и это прошло. Я записала ее на прием к ортопеду, без особой, правда, надежды. На очередной долговой распродаже купила старенькую колыбельку и жизнь потекла почти обычно. Ночной гость больше не заглядывал, а вот дневные...

«Дорогой Николай Владимирович!

Пишу Вамъ съ наилучшими пожеланіями и надеждой на благополучіе Ваше и Вашихъ близкихъ!

Пишу Вамъ съ просьбаю. Мнѣ на распродажѣ попался томъ нѣмецкаго изданія А. Брэмъ «Жизнь животныхъ». Судя по всему, тамъ насчитывается десять томовъ и это былъ бы чудесный подарокъ для моей библіотеки. Въ идеалѣ на англійскомъ языкѣ, если русскаго перевода нѣтъ.

Книги меня озаботили потому, что стала я наблюдать двухъ удивительныхъ птицъ на карнизѣ дома напротивъ. Помните, доходный домъ Северова? Прилетаютъ, какъ по звонку, щебечуть-щебечуть. Очень бы хотѣлось узнать породу, а, говорятъ, у господина Брэма на этотъ случай картинки имѣются. Не хотѣлось бы, чтобы это оказались хищники.

И еще одинъ вопросъ остался — я передавала письмо для супруги Вашей. Очень бы хотѣлось получить совѣтъ отъ нея, какъ особы, превосходно разбирающейся въ вопросахъ моды и красоты.

Всегда Ваша К.Т.»

На досуге, наблюдая из окна двумя мужичками невнятной наружности, я почитывала всяческую литературу. Особенно меня впечатлило «Уложение о наказанияхъ уголовныхъ и исправительныхъ». Для поднятия духа интересная книжка.

Например, статья 294 — о подлогахъ в официальныхъ бумагахъ — лишение всехъ правъ состоянія плюс поселение в Сибири. Это и использование чужихъ документовъ при бракосочетаніи, и выправленные по случаю два странненькихъ паспорта на подлинныя имена моихъ слугъ — тоже в эту кассу. Хотя голодъ пятилетней давности выкосилъ много деревень и кое-где концовъ не доищешься... Статья 780 о нарушенияхъ правилъ врачеванія — самая щадящая — о воспреещеніи практики. Но можно квалифицировать некоторые манипуляціи какъ подлогъ — и тогда, здравствуй, Сибирь бескрайняя. Статья 951 о бродяжничестве — здесь за амнезию даютъ 4 года арестантскихъ ротъ мужчинамъ, и столько же работныхъ домовъ женщинамъ с дальнѣйшимъ переселеніемъ — угадай куда... Статья 975 — о составленіи ложнаго документа на себя — полтора года арестантскихъ ротъ в Тобольской или Томской губерніяхъ. Статья 994 — о незаконномъ сожителствѣ неженатаго с незамужней — мелочевка, церковное покаяніе. А вот 995, за мужеложство предлагаетъ лишение всехъ правъ состоянія и турпоходъ на Колыму, где мы и встретимся с Фролушкой. Странно, распространеніе этого дела не хуже, чемъ в мое время, о Пажескомъ корпусѣ только ленивый не шутитъ, но скандаловъ немного. Или все откупаются, или строгость закона нивелируется необязательностью его исполненія. Статья 1690 о подлогахъ. Тамъ за одно использование подложныхъ бумагъ при торговыхъ сделкахъ — лишение всехъ правъ и высылка в Сибирь (передача тебе, Ксюша, подвала).

Утешаетъ одно — глубина и масштабы позора отъ этого факта будутъ слишкомъ затрагивать дорогаго родственника, такъ что врядъ ли мне стоитъ крепко печалиться. А вотъ идея с

путешествиями в монашеской рясе точно бы себя не оправдала. Вопреки художественным произведениям, даже им предписывалось иметь документы.

Но бывали времена, когда я задумывалась о будущем не только себя лично, но и других особ. В основном такое происходило, когда я, бывая в ванной или уборной (а тут этим словом зовут комнату для переодевания), наблюдала из окон, выходящих во двор, прогулки Марфы. Удалось убедить Евдокию в необходимости свежего воздуха для новорожденных и теперь дворня по очереди выгуливала малышку. Оказывается, Тихон Архипович Байков, наш счастливый отец, имеет более чем широкие полномочия. Когда придет время менять Дуне паспорт, он может не дать на это разрешения, и тогда она отправится к себе в деревню, где так рады двум лишним ртам. Насчет Тихона Архиповича у меня имелись некоторые мыслишки, каждая из которых также была прописана в соответствующей статье Уложения, но я-то попадаться не намерена. И начну с самой простой.

— Устя, позови мне Евдокию. — проговорила я в завершение обеда.

Встревоженная роженица появилась так быстро, что я подозреваю уже сидение под дверью.

— Голубушка, как себя чувствуешь?

— Хорошо, Ваше Сиятельство, грех жаловаться. — конечно, тени под глазами — они от курортного материнства.

— Марфуша здорова ли?

Тут ее прорвало и мне рассказали о множестве достижений моей крестницы, хорошем аппетите, улыбчивости и других милых материнскому сердцу мелочах.

— Дуня, я вот насчет мужа хочу спросить. — кухарка напряглась и поникла. — Вы с ним венчаны? Ты не думай, я не стану о тебе хуже думать, если нет.

— Венчаны, Ваше Сиятельство, а как же. В церкви были...

Печалька, а то такой хороший вариант наклевывался... Но есть еще идеи.

— А ты с ним дальше-то жить хочешь?

— А куда ж я денусь-то. Скажет — и пойду. — Евдокия вздохнула.

Да, вдовство обретает все больше и больше преимуществ.

— Насчет развода не думала? — все же попыталась продвигать идеи феминизма я.

— Куда мне, такой-то грех. — перекрестилась женщина.

— Дуня, он твоему ребенку смерти хочет! Может, подумаешь еще?

— У нас в деревне все так живут. На роду бабе писано битой быть и горести претерпевать. Пойду я, Ваше Сиятельство.

Ну вот как это все? Отголоски подобной коровьей логики встречаются и в две тысячи пятнадцатом. Только среди моих знакомых вполне-таки социализированных женщин с образованием, маломальской карьерой, а порой и собственной недвижимостью, десятка полтора терпят унижения и побои мужей ради эфемерного социального статуса или более материальных бонусов. Да и мужчины с замашками тиранов тоже не редкость. Хотя в двадцать первом веке законы все-таки очень сильно облегчили женскую долю. В случае развода Тихон имел право забрать дочь себе и манипулировать бывшей женой. Есть, правда, одна лазейка... Неэтичная, подлая, но я в святые и не рвусь.

В ближайший воскресный день из окон салона я углядела вертевшегося на углу солдата. Ближе к дому он не подходил, но и глаз с калитки не спускал. Через полчаса такого моциона из ворот ужом выскользнула Евдокия — что за бардак, даже не закрыли вход. Она мелкой трусой подбежала к мужу и понурился голову выслушивала сначала придирки, а

потом весомый аргумент в виде затрещины.

Я остановила себя от вмешательства — раз хочет себя гробить, кто я чтобы мешать. Вечером допросила Устю.

— Ну и что там рассказал счастливый отец?

— Что коли Вы зарплату повысите, то пусть пока девчонка живет. А как в деревню поедут — в монастырь подкинут. — сухо изложила девочка.

— И Евдокия довольна?

— Что ж довольна то? Деваться некуда — муж...

Не понравился мне и такой расклад, и покорность Дуси, и вообще нетуманная перспектива визитов этого паразита сюда.

Для начала я на хорошей бумаге набросала письмо. Мефодий у нас провалами в памяти не страдает, так что сообщил мне и имена основных командиров Тихона, и еще кое-какую информацию.

Милостивый государь!

Имѣю сообщить Вамъ, что рядовой второй роты Тихонъ Байковъ уклоняется отъ содержанія и заботы надъ новорожденной дочерью своей. Отягощается это еще и врожденнымъ увѣчьемъ ребенка, посему бѣдная мать, не оправившись отъ болѣзни, вынуждена голодать и работать отъ зари до зари. Волею случая познакомившись съ несчастными, я не могу молчать о столь вопіющемъ попраніи законовъ Божескихъ и людскихъ.

Графиня Ксенія Александровна Татищева, вдова поручика Петра Николаевича Татищева.

Два экземпляра в разные канцелярии и через четыре дня разъяренный служивый уже колотился в двери. Мефодий, следуя моим указаниям, его долго не впускал, и лишь мольбы Евдокии заставили дать возможность супругам поговорить. После кухарка долго плакала и даже пересолила ужин. Так, цирк пора завязывать. Клиент почти созрел. К следующему выходному солдат явился сосредоточенный, целеустремленный, в начищенных сапогах и без сомнений. На этот раз Мефодий препятствий не чинил и наш герой под чутким надзором нескольких пар глаз вошел в Дусину каморку. Дикий визг потряс окрестности и дальше все пошло как по нотам. Мефодий как кутенка выкинул отца из комнаты, и вытащил оттуда же кухарку и кулек с малышкой. Из окон и по коридору повалил едкий белый дым. Этот козел меня сжечь решил, что ли?

Первоначально я хотела укрыть Красноперовых от полицейского надзора, но пришлось переигрывать на ходу. Демьян бросился в комнату и одеялом накрыл банку, продолжавшую источать дым и смрад. Внизу все кашляли. Устя с моей запиской уже бежала в полицейский участок.

Сучонок, притащил дымовую шашку от крыс. Полдома бы отравил и не пожалел.

Потом прибыл городской, полиция — тех я быстро уговорила не поднимать особого шума: графиня слегла с мигренью от ядовитой шашки. И все начало стремительно налаживаться. Полицмейстер в кратчайшие сроки опросил свидетелей, забрал несостоявшегося душегуба, мы проветрили окна и выдохнули.

Ст. 1453...Когда убийство учинено... через такие действия, от коих подвергались опасности... несколько человек... подлежит лишению всех прав состояния и ссылкой на рудники от пятнадцати до двадцати лет.

Ст. 1457. За всякие принимаемые для совершения убийства меры, каковы суть:

приобретение, приготовление нужных для того оружия или иных орудий и снарядов, или яда и т. п., когда сии приготовления были сделаны с намерением совершить убийство.... Когдажъ, напротив, он вполне изобличен в том, что лишь обстоятельства воспрепятствовали ему приступить к совершению преднамеренного им преступления или к настоящему на оное покушению, то он приговаривается к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на поселение.

Как оказалось, даже в суд с разводом обращаться не пришлось — в следственном отделении другие заключенные не очень хорошо отнеслись к попытке убийства малолетней дочери. Евдокия надела черное платье, а я добрым словом вспомнила того, кто был столь разговорчив.

Здоровенный ящик мне доставили фельдъегерской службой. Вот где пир женских глаз! Ни разу их не видела раньше живьем, но хороши... Рослые, статные мужчины в темно-зеленых мундирах, как с картинки просто. Я пожирала их глазами и понимала, что это неприлично, но какие они, однако... Вот откуда нужно стриптизеров набирать.

«Моя дорогая Ксенія!

Пришлось побѣгать въ поискахъ этихъ книжекъ, но радъ преподнести полное изданіе. Надѣюсь, твой интересъ къ живой природѣ ты сможешь полностью удовлетворить лѣтомъ въ Вичуге, куда мы съ Ольгой Александровной тебя приглашаемъ.

Касаемо донимающихъ тебя птицъ — не шугай ихъ пока. Мнѣ мои знакомые любители орнитологіи пока мало о подобномъ рассказали. Но подожди, глядишь — и улетятъ сами. Говорятъ, такіе быстро скучать начинаютъ.

Н.В.Т.»

И ведь достал все 10 томов с удивительными рисунками. Я же год не оторвусь от такого. Ну не оторвалась бы, если б не получила приглашение на прогулку. Это точно не совсем прилично, так что поступим так, как тут обычно и делают.

Дорогой сеньоръ ди Больо!

Какъ добропорядочная вдова я обязана блюсти приличія — всё же мой трауръ еще не оконченъ. Я рѣдко выѣзжаю изъ дома, только къ отцу моего покойнаго супруга, или въ церковь. Но каждое утро совершаю конную прогулку по окрестностямъ.

К.Т.

Бог мой, он не сидел в седле, должно быть, с далекой юности. Страдал, но старался не показывать этого. Зато прощупал все сферы моих познаний. Мы оба восхищались опередившим свое время Леонардо, прошились по поэзии, литературе, скульптуре, винам.

Я постоянно одергивала себя, чтобы не сказать о том, что именно я пробовала и в каком ресторанчике, а также с какого ракурса лучше рассматривать Колизей, но смогла. Мой же спутник на крайне самодовольном и пафосном жеребце распинался, что так мало красивых женщин интересуется чем-то кроме нарядов.

Поведал мне об аудиенции у Папы, Льва XIII, о необычайной святости этого человека (кто он? Я последних троих помню, и все...) За час я узнала и о его детстве, и о маме, и о тетушках-дядюшках...

В общем, я больше слушала, чем говорила, поэтому оказалась замечательным собеседником и мой спутник выразил надежду на другие встречи.

«Дорогой графъ!

Я крайне плохо разбираюсь въ вопросахъ коневодства, и даже книги господина Брэма здѣсь не помогаютъ. Моя кобыла (помните Лазорку?) стала предметомъ интереса породистого итальянскаго жеребца. Полагаю, со дня на день получу предложеніе о дальнѣйшемъ сближеніи животныхъ, но очень опасаясь за ея здоровье, преклонный возрастъ, а болѣе всего — за крайне сварливый характеръ. Да и владѣлецъ жеребца — особа, требующая деликатнаго отказа. Прошу совѣта въ такой сложной ситуациі.

К.Т.»

Да, практически в лоб, но интересно же, что мне теперь делать с этими ухаживаниями? Радовало только одно — я обнаружила, что не беременна, и на всякий случай начала пить

таблетки. Оно, конечно, может и не понадобится, но раз запас был сделан, а жизнь бьет таким ключом, лучше подстраховаться.

Господин Фохт также не проявлял признаков жизни. Ну вот куда можно было снова запропасть? Учитывая стремление жизни выравнивать искаженные линии, очень беспокоюсь за его здоровье.

«Дорогая моя Ксения Александровна!

Что касается вопросов коневодства, то не считаю это разумным. Сия кобыла дорога мне как память о сыне и не хотелось бы рисковать ее благополучием. А хозяину жеребца, буде начнет назойливо предлагать свои проекты, откажите с Вашей милой дѣтской непосредственностью. Я помню, как хорошо это у Вас получалось с господином Т.

Съ наилучшими пожеланиями Н.В.Т.»

Наша с итальянцем прогулка не прошла незамеченной и в разделе светской хроники уже поместили заметку о незнакомке, ставшей объектом ухаживаний посла Итальянской республики. Кого???? Сын посла Франции, посол Италии, посол США. Похоже последним приезжал немец. Во что ты влез, мой дорогой названный батюшка?

Я отправила Мефодия купить второй экземпляр газеты, вырезала заметку и отправила дорогому родственничку. Потом подумала-подумала, велела плотно зашторить окна на всех этажах и активно распространять слух, что графиня сильно простудилась. Опять же, наступала страстная неделя, особого смысла в прогулках не было, а мне нужно подумать.

* * *

Утро вторника получилось сумбурным, потому как к нам без предварительного объявления войны приехал ревизор. Я слонялась по дому полночи, строя в голове разнообразные политические конструкции, и ни одна не выигрывала. А уж семейка Татищевых проигрывала со всех сторон. Когда в голове такой сумбур надо заняться или физическим трудом, или спортом, или любовью. У меня не получилось ни одно. Поэтому я проворочалась до первых петухов чтобы провалиться в тяжелый вязкий сон.

— Ваше Сиятельство, Ксения Александровна! — сначала постучала, а потом вошла и начала меня тормозить Устинья. — Просыпайтесь, Ваше Сиятельство!!!!

Я ответила грубо и по существу.

— Там граф приехал. — кратко ответила на мои претензии служанка и меня как-то резко пробудило.

Очень быстро я приняла душ, оделась и спустилась в салон, где уже начинал скучать родственник.

— Как я счастлива Вас видеть, Николай Владимирович! — фальшиво улыбнулась я. По утрам я редко себе-то рада.

— Спишь что ли? — изумился родственник.

— Зачиталась ночью. Спасибо за книги.

— То есть ты про них всерьез что ли написала? — опешил он.

— Они к слову пришлись. Я давно о таком собрании мечтала. — До сих пор отдельные тома лежали в библиотеке и в салоне на столах и диванчиках, чтобы удобнее было уйти в мир далеких тропических стран и дремучих лесов — а птички-то вон. — чуть раздвинула край шторы и указала на окно, за которым не прекращалась жизнь.

— И что они? — заинтересовался граф, подходя ближе. Из-за плотных штор наши маневры не бросались в глаза.

— Смотрят. Я живу очень скучненько. Только вот букеты иногда приносят, да письма Ваши. С послем мы встречались в парке. Там меня могли и не узнать, а больше я в ту сторону и не ездила.

— Молодец. — он потрепал меня по волосам, и этот жест уже не казался мне приятным. — На коронационных торжествах постарайся с ним пообщаться побольше. Мне бы хотелось знать о его настроениях поподробнее.

Вспомнился фильм о расстреле в Венсене. Ей же был только 41. Моя ровесница почти по документам-то. Маргарет танцевала, я пою. Неудачная версия шпионки-куртизанки.

— Не могу сказать, что я в восторге от этой миссии, но раз Вы просите... А как я окажусь на коронационных торжествах? — этот момент тоже следует прояснить.

— Разве я не говорил? Нужно в первых числах мая, не позднее пятого, прибыть в Москву. Там будут проходить все основные события. Я полагал, ты уже подготовилась... — недовольно произнес он.

— И сколько мне нужно пошить туалетов? — не то чтобы у меня заболел кошелек. Он ушел в глубокую кому.

— Ольга что-то тут такое передавала. — он порылся в карманах и достал аккуратно сложенный лист с ароматом розовой воды. Она безупречна в мелочах.

— Граф. — я пробежалась по строчкам. — Одиннадцать бальных платьев, полдюжины вечерних, столько же визитных, прогулочных и утренних? Тридцать пять нарядов за месяц? Во-первых, сейчас все активно шьются, а во-вторых, это же стоит дороже парохода! Нет, я не смогу приехать, после стройки надо экономить, я посижу дома, в тишине и покое. Вон, наблюдателей моих порадую.

— Ты серьезно? — озадаченно посмотрел родственник.

— Да. Я только что узнала о необходимости сделать то, что уже невозможно. Как честный человек, ставлю Вас в известность сразу.

— А если эту проблему можно будет решить?

— Николай Владимирович, мы карнавальные костюмы лепили из того, что было, и то на грани получилось, а бальные платья для Вашей снохи — это не рыбий хвост.

— Не беспокойся о деньгах, у меня открыты счета в стольких магазинах и ателье здесь... — ой, какой ты оптимист.

— Если успеем с нарядами, то я приеду. Но эта история с сеньором Карло... Что обо мне люди говорить станут?

— А ты честь блюди и не слушай сплетни. — смущенно ответил он. — Это дело государственное, а так поболтают и забудут за лето.

— Николай Владимирович, у меня плохое предчувствие насчет народных праздников. — снова начала я прежнюю вольтанку.

— Там и без нас с тобой люди работают, и все уладится. — успокоил он и при мне написал несколько записок в самые фешенебельные модные салоны.

Как я и полагала, они рады не были, но за особую наценку и под угрозой расторжения отношений мне набрали девять разных точек, где согласились на экстренное чудо. И понеслось. Туфельки под каждое платье (шелковые бальные), перчатки, шляпки, чулки, белье. Сами платья — всех оттенков сиреневого — я же вдова, как никак. Удалось осторожной контрабандой протащить темно-синее и темно-зеленое — оба сильно

декольтированные, но в наследственном сундучке найдется, чем прикрыть наготу. Шлейфы, кружева, бисер. Накидки, сумочки, бальные книжки, новые носовые платки в цвет нарядов. Наряды для визитов — в сиренево-черную полоску, бежевый с аппликацией черным бархатом, королевский синий с бархатом цвета ночного неба... И множество другой совершенно бестолковой, но крайне важной ерунды. И шляпки, шляпки, шляпки. Конечно, хорошо, что меня так удачно упакуют с ног до головы... Но как отделаться от ощущения, что это все похоже на украшение поросенка перед подачей на стол?

Счета за наряды несколько превышали всю смету мебелировки моего дома, но граф оплатил их недрогнувшей рукой.

— Дорого. — тихо ныла я. — Не стоит оно того.

— Стоит! — отрезал родственник и более к теме не возвращался.

Может и зря я его из потенциальных любовников вычеркнула? Щедрый же.

* * *

В поезде я займу целое купе. Хоть раз проедусь как девочка-девочка.

Между визитами всех этих портных, белошвеек, галантерейщиков, едва не упустила из виду Пасху. Вот каждый раз у меня на Страстной неделе какая-то суматоха. Исповедалась я тому же священнику, который крестил Марфу. Мефодий отвел меня в невзрачную тесную церквушку в нескольких кварталах от дома. Приход там был попроще, но отзывчивее.

Со священником я в этот раз делилась в основном ростом суетности в поступках и мыслях. Не стоит каяться в том, о чем не сожалеешь, так что совращение жандарма отложим до следующего раза.

Всенощную мы с Мефодием и Евдокией провели в том же храме. За Марфой приглядывали Красноперовы, и все делали вид, что не замечаем их изолированной молитвенной практики. В тесной церкви народа набилось очень много и Мефодий с трудом пристроил меня в боковом приделе, а сам с Дусей встал в толпе. До жирафа по имени Ксения начало доходить, почему он отказывался крестить Марфушу.

Я молилась обо всех своих. О своей челяди, о несмышленном младенце, о семье Татищевых, блудном жандарме, о маме, сестре и папе Сереже (как они там? Стыдно, но после переезда я редко вспоминаю прежнюю жизнь), обо всех людях на Земле. Во всех измерениях.

И вот уже передают по толпе огонек пасхальной благодати. Чья-то рука сама поджигает мою свечу. Я узнаю пальцы, да что там, я на вкус их все помню, по телу прокатывается теплая волна, но лица уже не разглядеть за толпой. Вот что это за детский сад?

* * *

Домой иду сердитая. Праздник такой, а ни благодати, ни покоя. Двигаюсь словно вслепую. Фохт этот непонятный, мужики явно более высокого полета, чем я могу дотянуться... Прожуют и не заметят. И не особо радуют вкусности, загодя приготовленные Евдокией, даже нехитрые сувениры от слуг — вышитое полотенце от Усти и расписное деревянное яйцо от Мефодия раньше бы вдохновили больше. Я подарила женской половине

по отрезу ткани, мужчинам — денежку и мы расстались в целом довольные друг другом.

Оставалось время немного поспать, а потом начинать работать светской дамой.

Сеньор Карло Альберто Маффеи ди Больо появился сам крепко после полудня и был уже изрядно навеселе — в этом году Католическая и Православная Пасхи совпали, что позволило стереть межконфессиональные различия и радоваться Воскресению вместе. Мне в подарок преподнесли альбом с видами Венеции, коему я искреннее порадовалась, а он умилился тому, что есть женщины, которых радуют книги. (Еще не началось активное использование чековых книжек — вот им радуется любая женщина). Мы старались как могли — подали самые русские блюда, к которым за полгода он еще не очень привык, напоили медовухой. Тут я сплутовала и загрузилась таблеточками, а наш гость после второй бутылки утратил связность речи и контроль за вестибулярным аппаратом. Я еще дальше шагнула в деле развлечений, уговорив прислугу пройтись с торжественными песнями хороводом по дому и назвав это обязательной народной традицией. На кабинете наш герой срезался. Надеюсь, наутро отживет, думала я, глядя вслед роскошному лакированному экипажу. Мазератти от каретного дела, даже завидно стало. Вообще-то удалось выяснить, что посол некоторым образом женат, но супруга его слишком слаба здоровьем чтобы выдержать переезд в Россию, и вообще со дня на день... Полагаю, это ее «со дня на день» тянется уже лет двадцать и обещает повторить еще столько же.

Граф — скотина, что обо мне подумают после флирта с женатым мужиком? Я не Анна Каренина, под поезд по такому случаю не лягу, но мне ж с осени возвращаться в большой свет, вернее дебютировать, будучи вдовой. Всегда у меня телега впереди лошади. И что обо мне будут рассказывать? С другой стороны, не пойман — не вор, а слухи — только реклама.

С утра вторника объявился Луи Огюст в новеньком экипаже (это они друг перед другом выделываются что ли?) и пригласил на увеселительную прогулку. Поскольку отловил он меня врасплох — я только оделась для похода по французским швейным магазинчикам — пришлось сдаваться. Эти не особо религиозные люди с удовольствием зарабатывали деньги в Светлую Седьмицу, а мне нужно было еще столько всего к коронации.

Француз сам вызвался сопровождать меня в этом предприятии, и мы отправились в вояж. Заодно удалось посетить несколько магазинчиков мужской моды, где я и узнала о последних тенденциях в окраске жилетов, мой спутник прикупил новый цилиндр, трость, заказал несколько пар перчаток и в целом, получил куда больше удовольствия от шоппинга.

— Мадам готовится к сезону Коронационных балов? — вежливо осведомился он между дежурным флиртом с продавщицами.

— *Oui, monsieur Louie*^[7], это все так утомительно... — я пыталась выбрать одну из четырех совершенно неразличимых парасолей.

— *Il est impossible*^[8], женщины всегда любят это. — он взмахнул руками наподобие птичьих крыльев.

— *Monsieur Louie*, если бы это не было *parce que les droits*^[9]... - я вздохнула. — Теперь мне еще долго носить лишь лиловый цвет, который я недолюбиваю... Да и жить придется не в своем доме...

— *Oui, cela peut décevoir*^[10]. - согласился он с такими удручающими неудобствами.

Вопреки первому впечатлению он оказался вполне нормальным юношей, не без тараканов в голове, но в личном общении — адекватным. Полагаю, что нахождение в компании куда более взрослых и влиятельных мужчин его сильно напрягало, а сейчас он

просто расслабился. Или же это все просто профессиональная изворотливость, которую на мне-то как раз и отрабатывают. Вообще, по всем меркам мальчишка, а все туда же.

Я, конечно, не параноик, но есть моменты, которые меня сильно напрягают во всей этой истории. Моя внешность ни в двадцать первом веке, ни в девятнадцатом не является эталоном красоты. Положа руку на сердце, с обаянием местных кокеток тоже конкуренцию не выдержу: состояние имею не так чтобы сверхпривлекательное, в светских компаниях не представлена, вообще не бываю нигде за исключением семейной недвижимости, манеры продолжают оставлять желать очень много лучшего. На что позарились оба этих поклонника? На родство с графом? А кто граф в высоких дипломатических играх? Я уверена, что и его используют приятели втемную.

Но мысли мыслями, а надо улыбаться, радостно взирать на окружающий мир и не опростоволоситься.

Луи-Огюст встречал по пути множество знакомых, представлял меня им, так что теперь при случае я смогу без оскорблений чужой нравственности общаться с каждым — на улице или на приемах. Правда знакомцы посольского сына были преимущественно французами или совсем юными отпрысками богатейших семей, так что мало где мы можем пересечься, но лучше так, чем вообще стоять столбом в толпе на балу, как было в Москве.

* * *

Весь апрель прошел в круговерти примерок, перешивов и доставок моего добра. Уборная потихоньку начала заполняться платьями и коробками, я задумалась о покупке новых чемоданов, а мир вокруг жужжал и ускорялся в преддверии новой эпохи. Последней, если не вмешиваться. А единственный, кто может помочь вмешаться, пропал без следа.

В один из вояжей по портным мне пришла в голову одна идея... осуществлять ее пришлось у мужского мастера, потому что женские работали по 27 часов в сутки. Понадобился мне мужской костюм. Целиком мужской, для верховой езды, болотно-черный. Чем-то похож на наряды доктора Ватсона. «Для маскарада, любезный». Портной не очень долго возмущался, мое объяснение его вполне удовлетворило, а то я давно уже хочу иметь вариант для прогулок инкогнито. Прикупила еще котелок и тросточку.

* * *

Огюст-Луи еще пару раз приглашал меня на прогулки, и я исхитрилась укатать его пешими походами по берегам Невы «Месье Луи, а что, если нам за один раз обойти все мосты Петербурга и загадать желание?». Странно, что в тот день я не провалилась в Преисподнюю со своими инициативами — взгляд у мальчика был очень характерный. Второй его визит был организован хитрее, в дождливый день — и мы отправились в Эрмитаж, о котором я столько слышала, но так и не повидала.

И пусть мальчик бросал томные взгляды, порой дольше положенного задерживал губы на моей ладони, но границ не переходил. А я с ними обоими расслабиться не могла достаточно, чтобы позволить себе что-то хулиганское. Правда, очень хотелось, но не выходило.

Сеньор Карло заглядывал, и был вынужден подробно исследовать Кунсткамеру. Дважды, потому что за один день мы не успели изучить все. В качестве ответной любезности я побывала на камерном выступлении итальянской оперетты в посольстве с чудесной солисткой — шведкой Сигрид Арнольдсон. Эту труппу выписали к коронационным торжествам, а здесь обкатывали программу для своих. Раньше читала о хрустальных голосах, но теперь я его слышала. В подарок приготовила букет из конфет — сама его дома творила полдня, зато хотя бы выделилась. Всех это заинтересовало даже больше, чем мое декольте и парюра из розового жемчуга. Было очень интересно, но поскольку все говорили на итальянском, который я не знаю от слова «совсем», то вскоре разболелась голова и я почла за лучшее отбыть домой. Хотя итальянцы оказались обаятельнейшими людьми, и, невзирая на явный интерес Карло, наперебой рассказывали мне всякие истории на смеси итальянского, французского и русского.

Господин Фохт вообще исчез из моей жизни, что несколько задевало. Вроде бы все у нас с ним прошло с обоюдным удовлетворением. Еще каким — потом полдня ноги подкашивались. Расстались вполне так нежно. Тот ночной визит свидетельствует о некоторой теплоте и заботе. Эпизод в церкви тоже не предполагает страшных обид, но подобная скрытность уже выходит за рамки разумного. Мне, между прочим, обидно. Будь все на самом деле, я бы получила сильнейшую травму в эмоционально-сексуальном плане. И ладно. Вон, два мужика есть, можно выбрать. В Москве тоже не итальянцем единым мир сойдется. Не пропаду.

3 мая неожиданно выпал снег, покрывший нетолстым, но уверенным слоем крыши, подоконники, деревья. Я готовилась к отъезду, на этот раз погребенная горой чемоданов. Взяла с собой Устинью — теперь Демьян освоился настолько, что согласился на небольшую разлуку с сестрой. Та тоже неуверенно относилась к поездкам, но 10 часов можно было потерпеть.

В вагоне-ресторане было немногочисленно, но оживленно дискуссировавшие на итальянском мужчины бросались в глаза. Я уже приготовила наиласковейшее выражение лица, но...

— Чегой-то они, Тимофей Иванович? — спросил один из официантов у повара.

— ...La nostra capra sfacciato^[11]? — повторил тот. — Это странно... Наша дерзкая козочка. — прислушался и рассмеялся. — На бабу поспорили. Кто первый ее..., тот и победит. А она ерепенится и ни одному не дает.

Я покрылась пятнами и пошла обратно в купе.

Вот, значит, как. «Дерзкая козочка»... Спор, значит... Жаль, Карло мне уже начинал нравится. Опять же, еду хорошую приносил. Но capra sfacciato. Будет вам, мои дорогие мужчины, козочка, да такая, что вовек не отмоешься.

Встречал нас на этот раз один из самых расторопных лакеев графа.

— Любезный, — обратилась я к встречающему. — Тебя же зовут...

— Афанасием, Ваше Сиятельство, — улыбнулся юркий, огненно-рыжий парень лет двадцати. Мне бы такого в прислугу, так не пойдет же.

— Мне бы письмецо срочное передать господину Тюхтяеву. Очень срочно. Сам сможешь? — Добавила за срочность рубль. И через пару часов уже с удовольствием лакомилась пирожными в компании статского советника.

Тот со спокойной иронией наблюдал за моим преображением из холодной надменной дикарки в ласковую кошечку.

— Так приятно пообщаться с Вами, Михаил Борисович, запросто, в неофициальной обстановке. — бархатно ворковала я.

— Взаимно, сударыня. — он лишь улыбался моим ужимкам.

— Как Ваши дела? Мы же так давно не виделись. — я всем телом пыталась изобразить восторг от встречи. Теперь-то навык кокетства у меня чуть больше развит, чем до Поста. И я щебечу, строю глазки, время от времени прикасаюсь к его руке ровно настолько, чтобы не быть обвиненной в домогательствах. Жгу, короче.

— Благодарю за чуткость, Ксения Александровна. — да он смеется надо мной, пусть и одними глазами. — Мы сейчас с Николаем Владимировичем одним делом занимаемся.

Да, и я тут точно лишняя с разговорами ни о чем. Хоть и держится человек в рамках приличий, но на часы пару раз тайком посмотрел. Были бы сейчас сотовые — трубка б уже спеклась.

— Я не буду скрывать — мне нужна Ваша помощь. — нежно посмотрела ему в глаза. — Для одного совершенно невинного розыгрыша мне нужен какой-нибудь фотографический аппарат. Очень-очень нужен. На вечер буквально.

Карие глаза на мгновение сцамерли, брови чуть дернулись, но он кивнул каким-то собственным мыслям.

— Я могу для Вас и целого фотографа выделить, если нужно. — щедро предложил статский советник.

Помялась, но как иначе-то объяснить...

— Дело будет несколько деликатное, и мне не хотелось бы огласки... — Только графу не говори раньше времени, умоляю. — И фотографический аппарат подошел бы такой... Не бросающийся в глаза...

Тюхтяев оживился.

— Для тайной съемки?

Я закивала. Главное, вот так глазки вылупить и невинную улыбочку с чуть приоткрытым ртом сочетать.

— Хммм... Надеюсь, это Ваше развлечение не затрагивает Венценосных особ? — насторожился он. Сразу и холодок в глазах, и напряженность в позе.

— Клянусь! — я истово перекрестилась. — Ни одной особы, даже отдаленно связанной кровными узами с Их Величествами и их близкими там не будет.

Вот истинный крест. Не переживайте, господин статский советник. До сих пор произношу это и Меньшикова вижу в роли Эраста Петровича. Где бы тут такого справить? Мне пока на авантюристов везет, но как-то неправильно: один подсунул меня не пойми кому, другой одну ночь любви не перенес.

— Ну есть у меня одна штука новомодная. Фоторужье называется. — Он самодовольно улыбнулся. — Только условие будет — я хотел бы сам его использовать.

Непредвиденный результат, но с Михаилом Борисовичем я буду застрахована от любой неурядицы. И ладно, гулять, так гулять.

— И мне еще понадобятся апартаменты попроще, из трех-пяти комнат. Опять же на вечер. — я невинно улыбнулась.

— Когда же? — уточнил мой новоявленный напарник.

— Не важно. Как найдем все необходимое, так и начнем. — я встала: пора уже и совесть иметь, не задерживать аж целого статского советника в столь жаркое время. — Как это мило с Вашей стороны, помочь мне.

Захлопала в ладоши, чмокнула его в щеку и удалилась.

* * *

Требуемое нашлось еще до приезда Царственной четы. Это как раз до начала всей суеты, так что можно не переживать. Об этом меня оповестила записка, написанная незнакомым округлым почерком.

«Въ 8 вечера 6 мая. Малый Черкасскій переулокъ, д. 9, старый флигель. М.Б. Тюхтяевъ».

Прямо как свидание предлагает. И ведь насколько легкий на подъем человек! Мне поначалу показался на редкость консервативным, серьезным и добропорядочным. Ну второе мы сегодня точно исправим, решила я потирая руки в предвкушении отмщения.

— Афанасий! — крикнула в пустынную анфиладу коридоров, и через несколько минут лакей уже стоял передо мной. Вот ведь выучка сколько значит. — Есть у меня дельце к тебе, деликатного свойства.

— Буду стараться, Ваше Сиятельство. — понимающе улыбнулся он. Небось про тайное свидание подумал или иное непотребство.

Я наклонилась к самому его уху и прошептала свою просьбу. Лицо он практически сразу же вернул в прежнее состояние и ошалелости во взгляде было не очень много.

— И ленточек чтобы побольше.

* * *

На расходы выделила ему двадцать пять рублей — это во многих домах полугодное жалованье прислуги, так что сдачу он оставит себе, но и отработает все хорошо.

— Пиши, Устинья!

«Милостивый государь!

Интересующая Вась особа сегодня вечеромъ въ 8 с половиной часовъ будетъ находиться въ маломъ флигелѣ дома?9 что по Малому Черкасскому переулку».

В семь вечера я сказала уставшей и пораньше отправилась спать, а после в амазонке вслед за Афанасием выскользнула из дома губернатора. Мы ехали в неприметном старом возке с очень жизнерадостной спутницей. В дороге я как раз успела привязать к ее рожкам побольше ленточек и нарядила в собственную кружевную пелеринку. Лакей долго держался, а потом начал ржать.

— Тсс. — прошипела я. — Это очень деликатное дело.

* * *

Тюхтяев с изумлением наблюдал, как я веду белую с серым подшерстком козу с бантиками на рогах и с огромным кочаном капусты, который потихоньку начала ей скармливать. Он открывал рот, закрывал его и все-таки воздержался от комментариев. Выдержка есть.

Козу устроили на кровати, капусты ей как раз на полчаса должно хватить, а потом было еще блюдо с яблоками. Зверюшка упивалась навалившимся счастьем и старалась умять побольше, пока дают.

Мы с Тюхтяевым затаились в соседней со спальней комнате, оборудованной очень комфортными дырками в стене, замерли.

— И что теперь, Ваше Сиятельство? — прозвучало неожиданно близко и настойчиво.

— Немножко подождем, а там дел минут на десять. Надолго я Вас не обременю.

Мы молча дышали в сумраке и тишине секретной комнаты. Интересно, оказывается в темноте совершенно иначе ощущаются движения, запахи и звуки. И только мне захотелось уточнить, почто господин Тюхтяев не найдет точку обзора подальше от меня, как Афанасий по очереди молча провел в спальню двух мужчин с завязанными глазами, помог им снять сюртуки и жилеты, а потом оставил одних.

Француз оказался менее терпеливым и первым сорвал черную бархатную повязку.

— Снимайте же — толкнула я в бок своего партнера. Тот ошалело нажимал на спуск и мы запечатлевали и лица, и жесты. Жаль, слова тут пока не записывают, а то французский мат за полтора столетия обеднел, перейдя в основном на английские заимствования. Зато итальянец несколько минут молчал, а потом начал гомерически ржать. Над кроватью было растянуто полотно «*Vi auguro tanti avvenimenti gioiosi, amore e ispirazione!*».

Успокоившись, он сам оделся, хлопнул по плечу молодого соперника и увел его с поля боя.

— Что это было? — сипло уточнил Тюхтяев.

— Невинная дамская шутка. — улыбнулась я. — Когда мужчины спорят, кто первый оседлает козочку, та может и рожки показать, и копытцем приложить.

Я отряхнулась, зашла на поле боя, сняла транспарант, привязала козу на поводок и позвала Афанасия.

— Зверушку верни хозяйке.

Домой меня вез ошеломленный статский советник. Несколько минут мы сидели молча, а потом началось.

— Ксения Александровна, мне показалось, что я узнал ваших...

— Не моих. Просто случайно встретившихся. — поправила я.

— Чужих поклонников. Постарше — это же итальянский посланник...

— А помладше — сын французского. — улыбнулась я.

— Дипломатический скандал же может быть... — тускло проговорил мой спутник.

— От чего? Два дипломата в порыве страсти к козе? Это не проблема России, а беда их личной жизни. От любого возмущения нас застрахуют эти фотографии. — я лукаво улыбнулась погрустневшему чиновнику и погладила его по плечу. — Вы, Михаил Борисович, пару снимков мне распечатайте. Будет что внукам показать.

Остаток пути мы провели в тишине. Лишь у курдонера он осмотрел меня совершенно по-новому, как если бы я вдруг рассказала ему всю правду о своем происхождении.

— Напомните мне никогда не сердить Вас, Ксения Александровна. — а уж язвительности-то сколько. Быстро оправился. Но и я добрая сегодня.

— Непременно, Михаил Борисович! — чмокнула его в щетину и упорхнула домой.

Думаю, после этой поездки Тюхтяев не раз перекрестился, что я не согласилась зимой работать на него.

* * *

Утром меня пригласил граф. Ну то есть как пригласил — громовое «Ксения!» неслось по этажам издалека.

— Это что? — он высыпал фрагменты вчерашнего веселья.

— Фотографии. — лучезарно улыбнулась я.

— Сам вижу. Вы, сударыня, что же себе позволяете, а?

— Я? — изумилась его собеседница. — Меня там вообще не было. Маркиз был, граф был. Коза была. Кстати, у нас в Уложении что-то такое было о подобном времяпрепровождении. А я у Вас в доме ночевала, но на память, пожалуй, парочку снимков возьму. Вот эту, где маркиз ловит козу и где сеньор Карло смеется.

— Ксения Александровна, я не хочу знать как. Но почему? — он смотрел на меня с ужасом, как на человека, нажавшего красную кнопку в чужом чемоданчике.

— Мужчины побились об заклад, кто первый ляжет со мной в постель. Я понимаю, азарт, спор и все такое, но границы должны быть у всего. И даже если подобная низость может случиться, не стоит делать этот спор достоянием множества людей. А коли уже слухи до меня дошли, то глупость должна быть вознаграждена по заслугам. — я устроилась в

кресле поудобнее, перебирая фотографии. — Это воспоминание сделает сеньора Карло и месье Луи-Огюста куда ближе друг к другу, а добрые отношения между Францией и Италией, полезнее России, чем одна коза.

— Но почему коза? — ошалело поинтересовался родич.

— Хорошо, что они меня слонихой, ланью или райской птицей не назвали — труднее найти.

И скрылась за дверью.

К обеду лакеи принесли такую корзину красных роз, что в нее можно было меня посадить полностью.

— От итальянского посланника молодой графине. — возвестил мажордом.

А я торжественно улыбнулась.

От Луи Огюста доставили роскошный веер с росписью в виде сирены, заманивающей корабли на камни. Пожалуй, он точно будет сочетаться с любым моим туалетом.

* * *

Как эта история выплыла наружу — не понимаю. Предполагается, что Тюхтяев и граф промолчат. Афанасий не был в курсе всех деталей, а я делала вид, что эта история вообще ко мне отношения иметь не может.

— Не знаю, слышали ли Вы, сударыня, об удивительном конфузе, случившемся между двумя соперниками за сердце одной светской львицы. — полушепотом рассказывала Ольге графиня Щерская. — Будто бы они поспорили о том, кто первый добьётся ее благосклонности, а та рассердилась и подложила им свинью. Форменную свинью в неглиже, прямо в постель. Их, каждого, провели тайно в спальню баронессы N., а там свинья.

— Не может быть! — округлились глаза Ольги Александровны.

— Удивительные вещи происходят в наше время. — поддакивала я. — Вряд ли теперь этим господам захочется так шутить с женскими сердцами.

— И не только им это станет уроком. — чопорно заключила гостья.

* * *

— Николенька, нам тут рассказали историю, случившуюся с одной баронессой и двумя ее поклонниками. — делилась графиня за обедом.

Я философски ковырялась в тарелке.

— Да? Это когда в спальню привели корову? — ухмыльнулся граф.

— Нет, свинью. Всего лишь свинью.

— Полагаю, скоро расскажут о слонихе. — заключила я.

* * *

Этот анекдот обсуждали буквально пару дней, а потом в город из Петровского путевого дворца в белокаменную въехал государь.

9-го мая. Четверг.

Первый тяжелый день для нас — день въезда в Москву. Погода стояла великолепная. Имел доклад Дурново. К 12 ч. собралась вся ватага принцев, с которыми мы сели завтракать. В 2 1/2 ровно тронулось шествие; я ехал на Норме. Мама сидела в первой золотой карете, Аликс во второй — тоже одна. Про встречу нечего говорить, она была радушна и торжественна, какая только и может быть в Москве! Вид войск чудесный! В Успенском и Архангельском соборах прикладывались к мощам. Вошли к себе в комнаты в 5 ч. Выпив чаю, отправились с Аликс в Александрию. Я поместился в старой своей комнате. Гулял. Обедали вдвоем и обошли весь дом, который я совсем не помнил^[12].

Толпы народа выстроились по улицам Москвы в ожидании императорской четы. Я видела фотографии, даже уникальные документальные записи, но это и близко не отражает восторга толпы, которая готова была носить на руках своего Императора. Как же легко та же толпа разорвет его в клочья, вместе со многими, кто сейчас в парадных мундирах разрезает улицы древней столицы... Что же нужно настолько запороть, чтобы растратить этот кредит любви и почитания? Хотя о чем это я — через 9 дней и начнем.

10-го мая. Пятница.

День стоял чудный, совершенно летний. Начали с Аликс поститься и говеть. Гуляли втроем с Мишей и потели. После обедни поехали в Кремль. Завтракали с Ерн, Дуску и Георгием. Долго принимали наверху посольства: французское, американское, испанское, японское и корейское, все в большом составе. Видели приехавшего д. Charles Alexandre и его внука. Вернулись в Нескучное около 5 ч. Погулявши, пил чай у Мама.

В 7 ч. вечерняя служба и семейный обед. Разошлись рано.

Гости столицы маялись ожиданием и ходили с визитами. Меня познакомили с множеством дальних и очень дальних родственников графа и Ольги Александровны. Эти неисчерпаемые дядюшки, тетушки, троюродные племянники и кузены всех мастей. Хорошо хоть близких госпожи Чернышовой не случилось — о ней упоминали как о христианке-богомолнице. Надеюсь, лицо сдерживала. На меня родичи смотрели с любопытством, сдержанным пренебрежением или практическим интересом. Даже подкошенное стройкой приданное могло заинтересовать некоторых искателей приключений, но я не велась на уловки ухажеров. Тут со своими бы разобраться.

Николая Владимировича мы практически не встречали в эти дни — он все время был занят. Не завтракал, не обедал, не ужинал. Не уверена, что дома-то ночевал. Я уже боюсь за его здоровье.

11-го мая. Суббота.

После кофе, собственно, после чаю, отправились с Мишей и Ольгой гулять. Погода была прелестная. Имел доклады: до обедни — Ванновского, а после — Воронцова. Завтракали с Мама. Поехали в Кремль, где снова принимали разных принцев и затем чрезвычайные посольства. Прием не продолжался так долго как вчера; вернулись назад раньше 4 ч. Была первая гроза с освежительным дождем! Виделся с Тино, Джоржи и Ники; пил с ними чай. В это время Ерн сидел у Аликс.

Читал. В 7 час. пошли ко всеобщей. Обедали с д. Мишей, д. Фреди, Ксенией и Сандро.

И снова эти бесконечные визитеры к Ольге Александровне. В какой-то момент у меня

начало крышу срывать от бесконечной череды дам — по этикету продолжительность визита 15–25 минут. Но нет очередности, поэтому все немного напоминает похороны с бесконечной чередой сменяющихся лиц. Я начала позорно сбегать под предлогом игр с детьми. Это занятие тоже не приводит в восторг, но хотя бы действующих лиц я запомнила — и англичанку мисс Гарднер и няню Прасковью. Мисс Гарднер с удовольствием упражняла меня в английском, но едва могла скрыть зависть к моей легкой светской жизни. А я от души сожалела о том, что согласилась на эту авантюру.

Детей научилась занимать, вручную вырезав пазлы из самых ярких картинок. Теперь мы часами могли сравнительно тихо что-то делать вместе.

12-го мая. Воскресенье. Троицын день.

К сожалению дождь полил с 4 час. утра, так что пришлось отказать сегодняшний церковный парад. Пошли к обедне в 10 час., после чего была вечерня с длинными молитвами. В 12 1/2 поехали в город. Завтракали у себя с д. Сергеем, Эллой, Henry, Эрн. Ducky, Викторией и Ludwig; с ними потому что сегодня день рождения Granny. Принял Густава Шведского и наследного [принца] Монакского. В 3 1/2 пошли в Оружейную палату, где произошло освящение Государственного Знамени. После этой церемонии возвратились в Александрию к 4 1/2 ч. Погода совершенно поправилась. После чаю у Мама пошли втроем с Мишей проветриться в саду. В 7 ч. всенощная. Обедали в 8 ч. и разошлись рано.

Очередные визиты и на этот раз Ольга Александровна коршуном пресекала мои попытки сбежать. В основном обсуждают гостей, туалеты иностранных дам и внутримосковские сплетни. Баронесса N уже забыта и погребена куда более зажигательными скандалами. Очередная волна молвы переваривает бюджет праздничной вечеринки в доме Саввы Морозова: его неумная Зиновия одних цветов и украшений в зал заказала почти на половину сметы моего дома. Расточительность купчихи осуждалась чаще из зависти, а мне почему-то было очень жаль того подавленного человека — мужа. По-моему, он как-то плохо умрет, а до того станет активно спонсировать революционеров. Но на его месте, меня подобное буржуйство тоже бы сподвигло на такой саботаж.

13-го мая. Понедельник.

Проснулись с чудесной погодой. К сожалению, погулять не успел из-за докладов Лобанова и Горемыкина. Пошли к обедне в 11 ч. Завтракали с Мама и д. Фреди. Гуляли с ними. Сожалели очень покинуть Александрию; именно в ту минуту, когда погода стала летнею и зелень начала быстро развиваться. В 3 1/2 уехали в Москву и поселились в Кремле в наших прежних комнатах. Пришлось принять целую армию свит наехавших принцев. В 7 ч. пошли со всем семейством ко всенощной к «Спасу за золотую решеткою». Обедали в 8 1/2 у Мама и ушли пораньше к себе. Исповедались в спальне.

Да поможет нам милосердный Господь Бог, да подкрепит он нас завтра и да благословит на мирно-трудовую жизнь!!!

Город вдохнул и замер. Вот-вот все начнется. Ольга Александровна уже рыдала из-за затяжки на чулке и порванной туфельки, детей наказали за капризы, передавшиеся им от матери, а наш благодетель стал тайком схватываться за сердце. Я начала подкармливать его пустырником, в который докидывала энаприлин. Его у меня не так, чтобы много, но пары блистеров для родственника не жалко. Графа отпускало, он благодарил за помощь и уже почти простил мне козу. Только косился иногда.

14-го мая. Вторник.

Великий, торжественный, но тяжкий, в нравственном смысле, для Аликс, Мама и меня.

день. С 8 ч. утра были на ногах; а наше шествие тронулось только в 1/2 10. Погода стояла к счастью дивная; Красное Крыльцо представляло сияющий вид. Все это произошло в Успенском соборе, хотя и кажется настоящим сном, но не забывается во всю жизнь!!! Вернулись к себе в половину второго. В 3 часа вторично пошли тем же шествием в Грановитую палату к трапезе. В 4 часа все окончилось вполне благополучно; душою, преисполненною благодарностью к Богу, я вполне потом отдохнул. Обедали у Мама, которая к счастью отлично выдержала все это длинное испытание. В 9 час. пошли на верхний балкон, откуда Аликс зажгла электрическую иллюминацию на Иване Великом и затем последовательно осветились башни и стены Кремля, а также противоположная набережная и Замоскворечье. Легли спать рано.

Сама коронация, конечно, была не для всех. Я в своем лучшем прогулочном платье в полоску вполне спокойно постояла вместе с господином Тюхтяевым на свежем воздухе, а чета Татищевых наблюдала все вживую. Ну опять же из кинематографа я все примерно представляю. А как народ ликовал!!! Я растворялась в этой всеобщей эйфории. Теперь у России новый Государь, и на него столько надежд! С другой стороны, уже столько лет мира, до японской кампании жить и жить. Будут еще радости у каждого. А пока же...

— Михаил Борисович! — я пыталась перекричать толпу. — Мне очень надо с Вами поговорить.

— После, Ксения Александровна, после. — он одновременно пытается быть галантным кавалером мне, координатором полутора десятков мужчин в неприметных костюмах и уловителем общего настроения вышестоящих лиц. Тоже с лица спал, им с графом бы месяцок отоспаться после таких праздников.

И вот так каждый день.

15-го мая. Среда.

Отлично выспавшись, проснулся с прекращающимся дождем. День сделался таким же как вчера. В 11 1/2 начались поздравления от духовенства, высших учреждений, дворянства, земства и городов. Сверх ожиданий поздравления окончились ко времени завтрака, двумя часами раньше, чем предполагали. Отдыхали у себя. Получил вчера и сегодня около 300 телеграмм! В 7 час. пошли со всеми иностранцами в Грановитую палату, к обеду для духовенства и особ первых двух классов. Жара там была страшная. Возвратились назад в 9 ч. Вечер провели у Мама с греками.

На графа было уже страшновато смотреть, зато Ольга Александровна разливалась соловьем. Вот кто упивался огромным праздником и своей в нем декоративной ролью. Меня до сих пор особенно не дергали, и я уже не понимала, почто мне столько платьев.

Ночью в приемной по голосу вычислила Тюхтяева, поймала и буквально затащила в свою комнату.

— Что Вы делаете, Ксения Александровна? — изумленно шептал он.

— Уж явно не то, о чем хотелось бы подумать. — огрызнулась я. Одиннадцать дней прошло, осталось чуть больше пятидесяти часов, а я не могу ничего предпринять. — Мне очень нужно, чтобы Вы меня выслушали.

— Ну хорошо. — он устроился в кресле, стараясь не задевать взглядом ширму, за которой находилась кровать. Устя отказалась ночевать в комнатах для прислуги и постелила себе в уборной прямо на полу. Я ругалась, но толку было чуть.

— Михаил Борисович, я Вас ни разу не обманывала. — ну разве что чуток, да то и не считается. — Поверьте, скоро быть большой беде.

— Я тоже переживаю о благополучии торжеств...

— Да что там с этими торжествами! — раздраженно топнула я ногой. — Вы завалили именитых гостей охраной и там все идет гладко. А народные гулянья могут превратиться в хаос. Сколько ожидаете людей? Сто, двести тысяч? А если их будет больше?

— Ваше Сиятельство, там огромное поле, где учения проводятся. Учения!!! Туда хоть триста тысяч можно запустить — и все рады будут.

— Михаил Борисович, а если толпа чуть рванется? Это же будет бойня... — я наплевала на приличия и взяла его ладони в свои, чтобы хоть как-то достучаться до этого самоуверенного чурбана.

— Не рванется, не переживайте. — он осторожно освободился из моей хватки и снисходительно посмотрел на взбалмошную девочку. Интересно, на сколько он меня старше? Да ведь и ровесницу бы слушать не стал. — Власовский, Александр Александрович, обер-полицмейстер наш... Помните его, он тогда еще на бомбиста приезжал? Нет? И ладно. В общем, он позаботился, казаков прислал. Все пройдет, как в сказке.

И ушел, едва коснувшись моей ладошки колючей бородой.

Я ревела от бессилия, а Устя сначала молча сопела за стенкой, а потом подобралась ближе и подавала чистые носовые платки. Тоже, признаться, важное дело. Но пока все зря.

Духоборов угробили больше, чем тысяча четыреста человек, но кто их считал... Столько трупов в Москве — это кровавое пятно на все царствование. И что я могу предпринять? Царю в ноги пасть и рассказать о плохих предчувствиях? Это крайняя мера, и вряд ли даст результат лучший, чем место светлое, тихое, с крепкими дверями и мягкими стенами.

16-го мая. Четверг.

Утро было снова серое, а днем солнце жарило здорово. В 11 1/2 ч. начались поздравления от: двора, свиты, военных, казачьих войск и волостных старшин русских и инородцев — длившиеся до 3 1/4 ч. Завтракали в промежутке, так как трудно было бы выдержать это долгое стояние одним махом. Выпив чаю, поехали все в Нескучное, где погуляли с наслаждением. Зелень поразительно подвинулась вперед. Вернулись в Кремль в 6 1/2. Обедали с Мама. В 9 3/4 начался куртаг — бесконечное хождение по залам взад и вперед. Спустились к себе в 11 1/2 ч.

Скучала? Вот мне с кисточкой. Куртаг открыл сезон балов. И эти балы грянули залпом. Что любой проект-менеджмент перед бальной картой моей свекрови, которая пыталась попасть везде, но поскольку имелись некоторые ограничения, то посещала она ровно половину от мероприятий Царственной четы. Всюду нужно было приезжать до почетных гостей и покидать зал только после них. Радует, что те больше трех домов за вечер не объезжали. Печалит, что я собачонкой гонялась следом за Ольгой Александровной. И улыбалась, улыбалась, улыбалась. В ответ получала смешанную реакцию — оценивающие взгляды мужчин, ревность у маменек с дочерьми на выданье — с моим приданным я все же представляла нездоровую конкуренцию юным красоткам. За мной начинали ухаживать, я кокетничала, но все это были лишь эпизоды... Какое там кокетство, если только с кем-то начнешь танцевать, глазки строить, беседовать о высоких материях, как Ольга срывается, и мы перескакиваем с места на место.

Я пробовала познакомиться с Власовским, но, видимо, его супруга следовала Ольгиному плану и посещала вторую половину мероприятий.

«Дорогой Михаилъ Борисовичъ!

Попрошу лишь объ одномъ — хоть пару пожарныхъ командъ туда. Съ водой и насосами.

Случись бѣда — хоть такъ народъ остудить можно. Богомъ Васъ заклинаю, сдѣлайте. Не ради меня, ради невинныхъ душъ. К.Т.».

И нетъ ответа.

Можетъ я зря на него давила? Мало ли что мужику в голову могло прийти?

17-го мая. Пятница.

Погода стояла весь день чудесная. Утро было свободное в первый раз! Посетили Ксению и Сандро и затем Ерн и Дуску. Завтракали у Мама в 12 1/2 и к 2 час. собрались наверху для поздравления дам. Началось с Великих Княгинь, после них пошли фрейлины и затем городские дамы. Это продолжалось час с четвертью. Ноги немного побаливали. В 4 ч. отправились вдвоем в Нескучное и погуляли около 2-х час. Читал по возвращении назад; телеграммы начинали прекращаться. Обедали у Мама в 7 1/2. Через час поехали в Большой театр на торжественный спектакль. Давали по обыкновению 1-й и последний акты «Жизнь за Царя» и новый красивый балет «Жемчужина». Окончилось в 11.10 ч. (по программе).

Вот он, мой день! И пусть я там была третьей слева в кордебалете, но я живьем видела их — будущих святых. Тонкая, воздушная и слегка погруженная в себя императрица, воодушевленный Император. Мы кланяемся, ловим на себе уставшие уже взгляды, но он-то точно честно старается отнестись ко всем с душой. Меня проняло. Когда Путин приезжал в мой родной город и на него ходили смотреть толпы — это было любопытно. Но здесь все живую и всерьез. В общем, я промялась все пятнадцать секунд аудиенции и не рискнула сообщать о грядущей катастрофе.

А как грянула эта опера! Хотя и было несколько неуютно от грядущей беды, зрелище завораживало. Вечером я переоделась в самое неприметное платье и тихо выскользнула из дома. Записка, найденная в скромном букете ромашек — таких же, как на проданном браслете — сообщала только время.

Обошла дом прогулочным шагом, перебросилась парой слов с лакеями — да, у меня сильно болит голова от волнений, пойду пройду по двору. В одиночестве, а то и так весь день толпа вокруг. До того самого колодца. Постояла там, нырнула во тьму кустов у ограды. Еще немного подождала. Ощущая себя донельзя глупо обошла каретный сарай и села за ним в траву. В таких случаях киногерои закуривают, а мне остается только молча беситься.

— Не сердитесь. — слышалось из ветвей.

Я подобрала первое, что попало под руку и швырнула на голос. Что может попасться под руку у конюшни? Хорошо, хоть сухое.

— Заслужил, понимаю. Но я не мог иначе. После обязательно объясню...

И еще одна партия того же самого.

— Ваше Сиятельство, у Вас все хорошо? — слышался сзади голос Афанасия.

— Да, Афанасий. Летучая мышь вроде бы пролетела. Я ее камнем отогнала. — фальшиво бодро прокричала я.

— Ну зовите, если что. — и слышались шаги. Я проследила, как Афанасий зашел в людскую и переместилась в заросли чего-то жутко породистого.

— Чем обязана визиту? — максимально холодно осведомилась я.

— Я помню о завтрашнем дне. И постараюсь что-нибудь сделать. — произнес он откуда-то чуть выше, чем я ожидала.

— Поздно, наверное. Я всех просила. Давку хорошо из водомета глушить, но здесь их еще не придумали. Я Тюхтяева и уговаривала, и письмо ему написала — пусть хоть пару пожарных команд с насосом и шлангами поставит. Это не спасет всех, но хоть что-то...

— Я попробую.

Судя по шорохам вокруг меня, он спустился и встал рядом. Вот не буду бросаться на шею.

— Я полагала, что уже пора заупокойную по безвременно исчезнувшему заказывать. — не удержалась от колкости.

— Согласен, это непростительно. — он дышал мне в затылок в прямом и переносном смысле.

— Да, я очень сердита. — раз не трогаю, хоть поговорю.

Ну он-то себе обещаний, видимо не давал, поэтому цепочка поцелуев пролегла от затылка до седьмого шейного позвонка, а горячие ладони легли на плечи. Глубоко вдыхаем и выдыхаем, а то самоконтроля осталось — на одну гомеопатическую дозу. В ушах шумит, пальцы подрагивают. Кем я стала — взбалмошная истеричка, мартовская кошка, четыре пуда желаний.

— А Вы слышали, сударыня, — сообщил мне надворный советник Фохт губами расстегивая верхние пуговички платья, а ладонями исследуя длину и количество моих юбок. — как два дипломата встречались с одной дамой, а она им в постель положила настоящую кенгуру?

Черт, значит про все знал и ревновал, предусмотрительно отдалившись. По сути бросил и смотрел, что я дальше сделаю, а теперь смеется.

— Козу. Запомните наконец — козу. — и ушла.

Не спалось. Злости хватало и на Фохта с его непоколебимой загадочностью, и на бестолковость всех служб. Вообще глаза сомкнуть не смогла. Полежала немного, потом согласилась с внутренним голосом, надела мужской костюм, сверху — длинный плащ с капюшоном и тихо покинула комнату. Дом спал, как убитый. Я тихо выскользнула во двор и только тут поняла, что не одна.

— Устя, ты что не спишь? — прошипела ей.

— А куда Вы в этом непотребстве-то? — обиженно спросила девочка. — Барыне одной ночью делать нечего.

Делать нечего, пришлось брать с собой. Вместо извозчика я позаимствовала крупную лошадь из конюшни графа. Мне он однажды щедро предложил пользоваться его животными — вот я и попробую. Со скрипом и не с первой попытки мне удалось запрячь старенького жеребца — к пенсионерам у меня доверия больше, а этот еще и глуховат. Там ему хороший слух только помешает. Плащ пришлось отдать Усте.

Мы подобрались к Ходынскому полю перед рассветом. Не сразу я поняла, что вот этот неровный, но на диво спокойный рельеф — это сотни тысяч голов, плотно прижатых друг к другу. Толпа людей покрыла все поле. Здесь же миллиона три человек, что бы там не писали историки — бескрайнее поле тел. Полицейских согнали тоже порядочно, но, когда на одном квадратном метре стоят четыре человека, а то и пять, что они могут сделать перед этой силой?!

Привязала коня чуть в стороне и наказала Усте стеречь наш транспорт как зеницу ока.

— Лавочки по своим раздают! — послышался зычный крик над этим безбрежным тел.

— Да щас мы их... — ответили чуть в стороне. И понеслась... Ревели мужики, визжали бабы и дети. Кто малышей-то с собой приволок?

— Назад! — Орала где-то в глубине. Но для людского цунами было уже слишком поздно. И пусть над давкой взметнулся фонтан ледяной воды, потом другой, третий —

схлынувшая толпа все равно собрала кровавую жатву.

* * *

Я сделала над собой усилие, чтобы отвернуться. Сотни людей погибли за считанные минуты. Остальные, когда очнутся, поймут, что стали убийцами — каждый выживший прошелся по телам погибших. Каждый вырвавшийся из месива, отталкивался от чужих голов и плеч. Кровь на всех, но Кровавым назовут только одного...

Я побрела прочь, не оглядываясь на вой и крики. Устя расширенными глазами смотрела поверх меня.

— Ваше Сиятельство, а Вы знали, что так будет? — после долгого молчания спросила меня девочка.

— Милая, я не знала, что будет так... Но все шло к тому, что будет плохо... — я лбом уперлась в теплый лошадиный бок. И что? Приползти домой, чтобы вечером побывать на приеме у мамы Огюста-Луи? Улыбаться, слушать музыку и слышать хруст, лакомиться фруктами и вспоминать чавкающие звуки растаптывания тел, пить шампанское и видеть кровавые брызги? Да пошло оно все...

— Устя, садись верхом и езжай в дом графа. Расскажи правду. Скажи, погибших несколько сотен. Пусть Афанасий графа будит. От моего имени проси простыней, врачей, подводы. Да побыстрее!!!

Сама толкнула круп лошади и повернула обратно. Сняла шляпу, чтобы волосы рассыпались по плечам.

— Любезный, помоги! — обратилась к остолбеневшему полицейскому. — Я от господина Тюхтяева, Михаила Борисовича. Слышал про такого?

Толку от меня было чуть, но сортировать раненых и мертвых — дело нехитрое. В свое время, когда права получала, в автошколе попался толковый инструктор с одержимостью первой помощью при авариях. Много лишнего узнала. А Люська потом со свойственным ей цинизмом знания отшлифовала.

Тела в рядок для опознания складывали уцелевшие мужики. Над полем возник и усиливался глухой вой. Полиция наводила порядок по возможности, а докторов что-то все не было.

Утро разгоралось омерзительно-ясное. Солнышко светило так нежно, и это выглядело насмешкой над тем, что оно согревало... Даже пять трупов в ряд выглядят чудовишно. Здесь же этих рядов шли десятки и уходили они за толпу... Смятые тела, раздробленные лица, синие, бурые... Пена на губах, кровь, не у всех глаза на месте... Женщины, подростки, мужики... Цена-то этим сувенирам — рублей пять...

И зачем я вернулась? Кого я спасла?

— Ваше Сиятельство! — дернула меня за рукав Устя. Я как раз пыталась найти пульс у тела и не сразу сообразила, что рука почти полностью отделена от торса, держится лишь на мышцах. А лица-то и нет вовсе...

Перекрестила труп и оглянулась. Землистого цвета граф с враз поседевшими висками смотрел на те же ряды. Откуда-то начали раздаваться бодрые указания, над телами возникали люди в белых халатах. Но черт возьми, как это поздно...

— Сударыня, идите домой. — очень резко произнес граф, чуть сфокусировавшись на

моей персоне и я потрусилась по нужному адресу.

18-го мая. Суббота.

До сих пор все шло, слава Богу, как по маслу, а сегодня случился великий грех. Толпа, ночевавшая на Ходынском поле, в ожидании начала раздачи обеда и кружки, наперла на постройку и тут произошла страшная давка, причем, ужасно прибавить, потоптано около 700 человек!! Я об этом узнал в 10 1/2 ч. перед докладом Ванновского; отвратительное впечатление осталось от этого известия. В 12 1/2 завтракали и затем Аликс и я отправились на Ходынку на присутствие при этом печальном «народном празднике». Собственно, там ничего не было; смотрели из павильона на громадную толпу, окружавшую эстраду, на которой музыка все время играла гимн и «Славься».

Переехали к Петровскому, где у ворот приняли несколько депутатий и затем вошли во двор. Здесь был накрыт обед под четырьмя палатками для всех волостных старшин. Пришлось сказать им речь, а потом и собравшимся предводителям двор. Обойдя столы, уехали в Кремль. Обедали у Мама в 8 ч. Поехали на бал к Montebello. Было очень красиво устроено, но жара стояла невыносимая. После ужина уехали в 2 ч.

Дома было плохо. Мы с Устиньей заперлись в комнате и девочка долго пыталась уложить меня в постель. Через час, когда я едва забылась, раздался требовательный стук и появился Тюхтяев — в мундире и при сабле. Вопреки обыкновению, неулыбчив и сух.

— Я должен задать Вам, Ксения Александровна, вопросы по всей форме.

— Хорошо, — вяло ответила я, кутаясь в тонкий халат.

— Извольте одеться. — ишь, как строго-то!

— Зачем? — я присела на подоконник.

— Как скажете. — он достал тот самый блокнот, открыл его и начал допрос. — Как Вы оказались на Ходынском Поле?

— Приехала на одолженной у графа лошади.

— Во сколько?

— Минут за пять до начала... Около шести утра.

— И что увидели?

— Толпа... Сначала даже не поняла, что вся эта масса — люди... Они молча и до поры неподвижно стояли, лишь иногда переговариваясь. — я словно проживала это заново. — Тихо было. А потом кто-то крикнул, что ларечники поделят подарки между собой. И народ рванул.

— Мужчина или женщина? — уточнил мой собеседник.

— Все рванулись.

— Кричал кто? — раздраженно уточнил он.

— Мужчина. Я в стороне стояла, не видела даже откуда крикнули.

— Хорошо, что дальше? — поднял глаза от записей.

— Полиция пыталась их отогнать. Поливали водой. Потом все кончилось. — да я до сих пор это вижу.

— А Вы что сделали?

— Сначала думала уйти, а потом поняла, что могу помочь. Вернулась. Горничную отправила за графом.

— И чем же Вы можете помочь? — язвительно осведомился он у худенькой барышни с тонкими запястьями в кружевах неглиже.

— Немного изучала медицину. Отличить мертвого от живого точно сумею. —

парировала я.

— Неужели? — язвительно уточнил он.

— Ложитесь.

Он ошалел, но послушно растянулся прямо на ковре, а мне было настолько все это безразлично, что даже шутить не хотелось. Поэтому кратко и на подручном примере показала, где искала пульс, как осматривала зрачки. Как пыталась проводить искусственное дыхание... Бесполезно.

— И все это Вы... — он ловко для столь плотного телосложения поднялся одним движением. Хотя если присмотреться, он не толстяк, просто коренаст и несколько квадратичен, а так жира нет и мышцы неплохо развиты.

— Изучала у батюшки моего в имении по журналам. А еще у всех встреченных врачей.

— Чем больше с Вами общаюсь, Ксения Александровна, тем меньше понимаю. — он первый раз за день позволил себе полуулыбку. — Продолжим. Почему Вы вообще туда поехали?

— Я русским языком говорила и Вам и графу о своих дурных предчувствиях. Должна же была узнать, чем все закончится?

— О предчувствиях? — очень нехорошо на меня смотрит.

— Михаил Борисович, это простая математика. На прошлой коронации население столицы было в полтора раза меньше. А площадь праздника — та же. У англичан же дети так погибли несколько лет назад.

— Да? Не слышал... — искренне удивился Тюхтяев. — И я Вас попрошу в дальнейшем не распространяться о том, что Вы ранее догадывались об этом несчастье. Да и вообще, лучше рассказывать о любопытстве и героизме...

— Каком героизме, Михаил Борисович? — всхлипнула я. — Вы там были? Вы их видели?

— Был. И видел. — уже спокойнее продолжил он. — И настоял на пожарной команде, хотя и выглядел перестраховщиком. Но все равно...

— Получилось то, что получилось... Я никого не спасла.

Я махнула ему рукой и отправилась за ширму — жалеть себя дальше.

— Мы не знаем, сколько людей погибло бы без предупредительных мер. — тихо проговорил мой собеседник.

— А так сколько? — спросила я уже скрывшись в алькове.

— Семьсот-восемьсот. Не больше.

Почти половина выжила... Но и сотни бы хватило для провала коронации.

— И что теперь?

— А теперь мы все работаем над тем, чтобы этот инцидент не омрачал торжества. — произнес еще один голос.

Я выглянула, оценила вид графа и молча полезла в чемодан за лекарствами. Тот молча сел на обитую бархатом кушетку и прикрыл глаза.

— Его Величеству доложили. Завтра Чета навестит пострадавших, а сегодня появятся там чуть позже...

Жизнь не любит отклоняться от траектории...

— Нужен враг. — прошептала я.

— О чем Вы? — уставился на меня Тюхтяев.

— Если все оставить как есть, пойдут слухи, как с той козой. Если бы найти

объяснение, не связанное с праздником...

— Великий Князь не хочет заострять внимание. — отрезал граф и встал. — Нам с Михаилом Борисовичем пора. А ты — он остановил на мне тяжелый взгляд. — если будешь еще что-то предчувствовать — так и говори.

— Так я же...

— Прямо говори.

* * *

Вечером все сделали торжественные лица и отправились на бал во французское посольство. Я сказалась больной, а графу намекнула, что не готова пока встречаться с Луи-Огюстом.

Дом погрузился в тишину. Вечером я помогла уложить детей — с ними как-то легче оказалось. А потом заперлась у себя. Вечер оказался на диво душным, открытое окно делу не помогало. Устя молилась в уборной, а я не могла избавиться от картин, которые вставали перед глазами, стоило их лишь прикрыть.

Может и зря я осталась дома — бал бы дал хоть какую-то передышку от кошмаров. Сейчас я бы ни слова не сказала Фохту — лишь бы только был рядом. Хотя бы до утра. И даже на задворках усадьбы, пусть это и непристойно. Заниматься любовью до пустоты в голове, не думать ни о чем, кроме партнера — в стрессах это помогает. Но его не было, равно как и цветов или записок. Упорно старалась не думать, что он лично мог участвовать в сдерживании толпы. Он же сильный, обязательно справится. Верно же?

19-го мая. Воскресенье.

С утра началось настоящее пекло, продолжавшееся до вечера. В 11 час. пошли с семейством к обедне в церковь рожества Богородицы наверху. Завтракали все вместе. В 2 ч. Аликс и я поехали в Старо-Екатерининскую больницу, где обошли все бараки и палатки, в которых лежали несчастные пострадавшие вчера. Уехали прямо в Александрию, где хорошо погуляли. Выпив там чаю, вернулись назад. В 7 ч. начался банкет сословным представителям в Александровском зале. Разговоры после продолжались недолго. В 9 1/2 ч. поехали вдвоем к д. Сергею; осмотрели их дом и пили чай с Викторией, Ludwig и д. Павлом.

Напряженный день был у графа, но Ольга блеснула своим удивительным свойством игнорировать то, что ей не хочется знать. Даже почерневший от напряжения супруг не омрачал ее счастья.

К сословным представителям наше семейство не относилось, но на правах губернатора и его жены чета Татищевых декоративно присутствовала всюду. К счастью, их чадам и домочадцам там делать было нечего. Я накручивала круги по двору на вороном жеребце, пытаюсь сосредоточиться на мелочах — осанке, травинках, запутавшихся в гриве Шермана, числе пройденных шагов и где-то через час начало отпускать. Потом ко мне напросились дети и вот мы вышагивали втроем — малыши на пони, я на своем монстре. И еще час прошел. Скоро до ночи дотяну, а там я уже бутылку подготовила, чтобы засыпалось хоть как-то.

20-го мая. Понедельник.

День стоял отличный, только было очень ветренно и поэтому пыльно. Поехали к обедне в Чудов монастырь; после молебна Кирилл присягнул под знаменем Гвардейского Экипажа.

Он назначен флигель-адъютантом. Был семейный завтрак в Николаевском дворце. В 3 часа поехал с Аликс в Мариинскую больницу, где осмотрели вторую по многочисленности группу раненых 18-го мая. Тут было 3–4 тяжелых случая.

Пили чай с д. Arthur и т. Lonischen. Обедали с Мама. В 10 1/2 поехали на генер. — губерн. бал. После ужина вернулись домой в 2 1/2 часа.

Присяга Великого Князя Кирилла меня особенно интересовала — как никто другой в нашем доме я хотела увидеть своими глазами эту прелюдию маленького предательства. Этот человек первым из Семьи наденет красный бант, а потом узурпирует управление домом в изгнании. И это же не свержение идейного противника, что объяснимо и вполне понятно у большевиков, например. Это нарушение клятвы верности... но храм Чудова монастыря не подал знака о грядущем клятвопреступлении, и празднества потекли своим ходом.

Бал у Великого Князя оказался еще более блистательным, чем карнавала, и там мне удалось и потанцевать, и пофлиртовать, и даже выпить слегка.

Некоторые лица моих кавалеров уже начали промелькиваться. Так я наконец познакомилась со своим несостоявшимся женихом, генералом Хрущевым. Солидный мужчина, этакий стареющий бонвиан, с некогда красивым породистым лицом, тройным подбородком, черными глазами, редеющими кудрями и парой пудов лишнего веса. Но выправка, осанка, блудливый взгляд, рост под два метра. С таким, пожалуй, горничных надо в Тайланде нанимать. Причем в Тайланде двухтысячных, когда содержимое трусиков всегда представляет лотерею, иначе вечнобеременная прислуга станет ключевой проблемой семейной жизни.

— Ах, прекрасная Ксения, я так счастлив наконец встретить Вас лично. — кружил он меня в вальсе, совершенно недвусмысленно исследуя декольте. Здесь неплохо кормят, да и корсет способствует тому, что мои 1,75 превращались почти в тройку, что меня всегда радовало. Но не сейчас.

— Да, мой муж мне столько о Вас рассказывал. Оказывается, еще ребенком он мечтал Вам подражать в военном деле. — как бы еще вежливо послать?

— Да, трагическая утрата. — без особого сожаления промолвил он, продолжая изучать кружева на лифе. — Но Вы прекрасно справились со своей потерей... И жизнь сама подсказывает таким прекрасным юным женщинам — блистать, любить и быть любимыми.

Маслянисто блистающие глаза чуть поднялись, ровно до моих губ. Силен был порыв тремя словами указать маршрут пешего похода, но ведь не поймет. От оды в честь моей несравненной красоты и соблазнительного банковского счета я еле сбежала. Пару танцев проторчала за занавеской, пока один из лакеев с выправкой спецназовца наконец не поинтересовался все ли со мной хорошо.

Замечательно все, отвалил бы уже, любезный.

Пришлось выходить и строить глазки впечатлительным юнцам. Да хоть черту лысому, лишь бы от генеральских толстых пальцев подальше. Федя-Федя, на кого ты меня оставил? Отчего не предупредил, что будет так мерзко? А Петенька еще сокрушался, что я лишена столичных балов. Да с ним было куда лучше, чем здесь, пусть и призрак бедности уже начинал переминаясь у порога.

21-го мая. Вторник.

Встали поздно с чудным утром. Имел доклады: Ванновского и Лобанова. В 11 1/2 поехали вдвоем к Ходынскому лагерю. У церкви были построены: рота Павловского воен. учил., 7-й гренадерский Самогитский полк, эскадрон Конно-Гренадерского п. и 1-й

драгунский Московский полк. После молебна все части прошли отлично. Все принцы присутствовали. Вернулись к себе в 1 1/2 и завтракали. В 3 1/4 отправились в Александрию, где гуляли и пили чай. Обедали у Лихтенштейна в австр. мундирах. В 10 3/4 поехали на бал в Дворянское собрание; жара стояла ужасная. Остались недолго и вернувшись домой закусили вдвоем в безбелье.

Сегодня по месту массового убийства устраивали парад. Не перестаю поражаться выдержке организаторов: мало того, что за пару часов тогда вывезли все трупы и выстроили толпу так, словно ничего и не произошло (а ведь для многих так и было — что 700 убитых и 400 раненых в полумиллионной массе?), но спустя считанные дни по этому изрытому полю еще и солдат прогонят.

Зато ошибки учли и обошлось без происшествий. На этот раз Тюхтяев практически держал меня на расстоянии вытянутой руки и пусть почти не разговаривал на отвлеченные темы, одним глазом неотрывно следил. Он что, ожидает, что я прямо вот рукой махну и все люди смешаются в кровавую кучу? Только хотела съязвить, как по странному блеску глаз поняла, что и этот вариант он не исключает. А ведь он пахнет не меньше графа, морщин прибавилось вполовину за эти дни, веки опухли, белки глаз испещрены красными ниточками.

— Что-то случилось, Ксения Александровна? — опасливо уточнил он, поймав мой взгляд.

— Нет-нет. — коснулась его ладони. Неприлично, но в толпе кто увидит? — Вы устали за этот месяц, хоть раз бы выпались.

Конечно, это почти как Олимпиаду в Сочи устроить. Только веселее: без интернета, сотовых и автопогрузчиков. Потянулась было дотронуться до лица, но вовремя одернула руку — это не Федя, он твоих порывов не поймет вовсе.

— Оставьте, Ксения Александровна, это, право, такие пустяки. — с улыбкой отмахнулся от титанической усталости.

Но лапку мою поднес к губам, причем не как обычно, а держа за кончики пальцев. Это что-то означает? Наверняка, но я эту азбуку до сих пор не освоила, а на балах любой флирт сворачивала в шутку.

Минуты три думала, что делать, и как правильно реагировать, краснела и хлопала глазами, а тут уже моего спутника дернули с очередным поручением. Пока он кратко, но емко донес неудовольствие до гонца, пока подошел еще один, другой, третий — все улеглось. Да и что я себе придумала? Этот-то человек-спецслужба. У него, небось даже мышцы в доме отчеты пишут по использованному сыру.

* * *

Бал в дворянском собрании превосходил прочие. Сверкали драгоценности, мерились орденами мужчины и изяществом туалетов женщины. Я, наконец, встретила с сеньором Карло.

— Доброго дня, графиня Ксения! — он прикоснулся к моей ладони. — Я счастлив знать Вас.

Мы улыбнулись: я — невинно, а он — проникательно.

— Даже в мои годы полезно порой встретить неприступную крепость. — продолжал он,

выводя очередную фигуру вальса.

— Спасибо за цветы. Потрясающее воображение букет. — свернула я скользкую тему.

Я улыбалась до боли в скулах и танцевала, танцевала. Что угодно, лишь бы в голове сохранялся этот звенящий шум.

22-го мая. Среда.

Встали рано и к 9 ч. Собрались все на Ярославском вокзале. Поехали в Троице-Сергиевскую Лавру, куда прибыли в 11 час. Митрополит встретил крестным ходом у ворот и повел нас в собор. Была обедня, потом молебен, по окончании которого Аликс и я возложили заказанный нами покров на раку преподобного Сергия. На балконе, как всегда, сели за митрополичью трапезу. Покуривши на стене, отправились в знаменитую ризницу и затем в экипажах — в скит. Тут опять было угощение; из-за жары пили много меду. К 4 часам приехали на станцию и тронулись в Москву с образами, подношениями и массой изделий из кипариса. Духота была страшная в вагоне. Занимался с 6 ч. До 8 ч. Обедали у Мама и рано разошлись по своим квартирам.

В черед балов случился просвет, и мы с Ольгой наслаждались тихим вечером. Графа по обыкновению не было дома.

— Ксения, Вы все еще уклоняетесь от новых отношений? — осторожно полюбопытствовала свекровь.

— Скорее да. — я уговорила ее позаботиться о себе и мы обе возлежали в ее будуаре с масками на лицах и обертываниями на ногах. Блаженствовали.

— Но почему? — она искренне не понимала, как можно выживать вне брака. Небось своим уловом до сих пор гордится.

— Очень непросто встретить по-настоящему достойного человека. Николаев Владимировичей на всех точно не хватит. — улыбнулась я.

С этим трудно поспорить.

— Завтра прием в английском посольстве. Думаю, это хорошее место, чтобы присмотреться к таким мужчинам. — обозначила цель Ольга и замерла охотничьей собакой.

23-го мая. Четверг.

Весь день было очень жарко. Утром имел доклады: Муравьева, Воронцова, Горемыкина и Сипягина. Завтракали у Мама с Ерн и Dusky. В 2 часа поехали в городскую думу, где были собраны все дети городских училищ; они очень хорошо пропели кантату под аккомпанемент оркестра консерватории. Было очень трогательно! Вернулись домой в 2 1/2 и скоро — поехали в Александрию. Солнце пекло немилосердно. Пили чай у себя в Кремле. Читал. В 7 ч. поехали на обед к английскому послу O'Connor; я был в мундире Scots Greys. В 9 ч. вернулись домой. Через час начался бал в Александровской зале. Ужин подали в 12 1/2 и бал не затянулся позже 1 1/2 часа утра.

Ну хоть один европейский посол стал для меня открытием. Зато остальные гости незабываемого вечера здоровались как со старой знакомой. Ольга ошеломленно переводила взгляд с меня на Карло, Огюста-Луи, американца и немца. Француз с искренним восхищением взирал на мои попытки изящно шутить, но более в любовники не лез. А я танцевала, танцевала, щебетала и покрывалась румянцем. Даже американца расшевелила комплиментами по поводу его внешнего вида на коронации.

— Вы не такая уж затворница, как хотели показаться. — заметила мне свекровь в перерывах между турами вальса.

— О, это случайное знакомство. Господа Моффеи и Монтебелло были столь любезны

сопровождать меня на прогулках в Петербурге и очень ценят музеи, знаете ли. Особенно юный маркиз.

24-го мая. Пятница.

Утро было довольно занятое, так как у меня были четыре министра с докладами с 10 1/4 до часа. Завтракали у Аликс с Генрихом и Фридрихом-Августом Ольденбургским. Жара стояла поразительная! В 2 1/2 простились с Алиарди — нунцием папским. Осмотрели наскоро Оружейную палату, в нижних залах которой японский принц Фушими поднес нам замечательно красивые подарки от императора и моего друга Сацума. Отправились в Александрию, где я отлично погулял под дождем. Нарвал массу ландышей для Аликс. Вернулись домой в 6 ч. Долго читал. В 8 ч. обедали у Мама. Вечером поехали к Радолину на «музыкальное собрание» и спектакль. Играл Баркай, кот. мы видели в Кобурге. Ужинали и вернулись домой в 1 1/2 ч.

И снова вечер дома, но на этот раз в тихом кругу «только своих». Полагаю, это расширенная версия новогоднего маскарада. Дамы сплетничают, кавалеры флиртуют — но без огонька. Праздник постепенно выдыхается.

Небось у немецкого посла сегодня собралась вся тусовка, а я так и не поняла, что же тогда было и во что меня втравили.

Николай Владимирович старается побыстрее улизнуть, прикрываясь делами и я люто ему завидую. Тюхтяев вообще на глаза не попадается.

25-го мая. Суббота.

Второй день рождения дорогой душки Аликс, что она празднует в России. Дай Бог побольше таких дней в нашей жизни! К обеду пошло только семейство и все принцы. Завтракали в зеленой гостиной. Жара кажется еще увеличивается! У меня сидел д. Charles Alexandre, потом принял наедине корейского посла и наконец Фердинанда с делегацией болгар, кот. поднесли огромный альбом. В 4 ч. только удалось уехать вдвоем в Александрию. Пили чай там после прогулки. В 7 час. был большой обед в Георгиевской зале для дипломатов и иностранцев.

Брожение в семействе по поводу следствия, над кот. назначен Пален! Пили чай у Мама. Вечером все было улажено! Уехали ночевать в Петровское. Ночь была дивная.

Слегка просветлевший было граф вернулся мрачнее тучи.

На мой молчаливый вопрос Ольга прошептала:

— Следствие передали графу Палену — обер-церемониймейстеру коронационных торжеств.

Шикарно! Вот у кого учились бюрократы двадцать первого века. Если следствие зашло не в ту сторону, его нужно поручить тому, кто и организовывал все торжества — уж он-то точно найдет правильного виноватого. До сей поры следователем был Н.В. Муравьев — министр юстиции, человек Великого Князя Сергея Александровича. Обходя вопрос персональной ответственности, он, тем не менее высказал то, что и так было понятно — организовывали все торжества питерские, они и проглядели вопрос опасности. Местная полиция, которую использовали только как безгласный инструмент, обеспечивала безопасность всех проездов и визитов — и успешно с этим справилась. Но это все никому не интересно. Теперь нужно найти виноватого, и вряд ли им объявят проспавшего смену жандарма.

26-го мая. Воскресенье.

Слава Богу, последний день настал! Погода была идеальная и ужасно жаркая. В 11 ч. сел

на лошадь, а Аликс в шарабан с Мисси и Дуску и мы поехали к войскам, которые стояли шагах в 300 от павильона против Петровского. Парад был во всех отношениях блестящий и я был в восторге, что все войска показались такими молодцами перед иностранцами. Вернувшись в Петровское, сели завтракать, после чего простились со всеми чужими свитами. По дороге в Кремль встретили дочку, кот. везли в Ильинское. Опять принимали чрезвычайные посольства для их откланивания. В 7 ч. был большой обед для Московских властей и представителей разных сословий.

Переодевшись, отправились на ст. и простились с Мама; она поехала в Гатчино, а мы тотчас же в обратную сторону по Моск. — Брест. ж. д. до ст. Одинцово, откуда в экипажах доехали до Ильинского. Радость неописанная попасть в это хорошее тихое место! А главное утешение знать, что все эти торжества и церемонии кончены! Выпив чаю, легли спать.

Большой исход гостей из Москвы перегрузил все поезда. Я решила подождать еще пару дней, которые точно не делали погоды, прежде чем покупать билет.

— Устя, хочешь погулять? — спросила я утром.

Девушка границы чувствует лучше меня, да и лицо держать умеет.

— Как угодно Вашей милости.

И мы отправились на прогулку.

Украшения с домов уже поспешили снять, но праздничные павильоны стояли на месте. Устя так и не захватила самого праздника, а самым ярким пятном коронации для нее оказалась давка. Поэтому мы отправились выбирать сувениры для Мефодия, Демьяна, Евдокии и Марфы, потом я вспомнила о своем благодетеле и его челяди... Так весь день и прошатались по лавкам, да вневременным туристическим маршрутам: Красная площадь, Храм Василия Блаженного, Москва-река.

— Нева красивее. — вдруг произнесла девочка, впервые озвучив собственное мнение относительно окружающих событий.

Красивее. И дома вообще лучше. Да и Фонтанка стала совсем родной, как Волга.

Когда вернулись, Устю не было видно из-под пакетов. Даже детям леденцов закупили, хоть графиня и поджимала губы, а малышам петушки очень даже понравились.

— Ксения, зайди ко мне, поговорим. — пригласил мрачный родственник.

Я с трепетом вошла в кабинет и устроилась на стуле для посетителей. Ручки сложила, глаза потупила. Скромна и мила.

— Ты куда сегодня пропадала? — прямо папенька. — Вот что ты за егоза?!

— Гуляла по городу. — заныла я. — Из-за всех официальных церемоний я даже не успела разглядеть, сколько всего красивого построили. А павильоны какие! Особенно архитектора Шехтеля на Тверской. Его по-настоящему только сейчас рассмотреть можно. И на Лубянке тоже. Вы так все хорошо устроили...

— Да уж, лучше не придумать. — он чуть смягчился лицом. — Взяла бы экипаж. Не дело это — снохе губернатора пешком ходить...

— И ехать со скоростью три локтя в час, чтобы я все-все разглядела? Точно бы опозорилась и ненужное внимание привлекла. А так прошлась, полюбовалась.

Он постучал пальцами по столешнице.

— Я тут разговор имел с господином Тюхтяевым...

Вот что на этот-то раз? Я ему еще не простила наушничество про фотографии, а тут что-то вновь выдал.

— Он положительно настроен на более серьезные намерения в отношении тебя. — и

смотрит пылливо.

Это в смысле чего? Чего?!!!

Видимо мысль сильно отразилась на лице.

— Он, конечно, не так знатен, как генерал Хрущёв, но человек, во всех отношениях достойный. — несколько смущенно произнес родственник. — Овдовел давненько уже, добропорядочен. Не игрок, раз тебе это так важно.

А я пожалела, что была столь приветлива с этим прохиндеем. Жалела еще его.

— То есть он у Вас уже и благословения попросил? — ехидно уточнила я.

— Ну нет, конечно... Совета, скорее.

— И чем же он Вам так насолил, что такую егозу ему в жены готовы подсунуть?

— Я, вообще-то, больше о тебе думал. С ним твой темперамент лучше сочетается, чем с любым из этих светских бонвиванов. — устало поведал родич.

В сравнении с генералом Хрущевым, конечно, даже мой Мефодий неплох. Да что там, ди Больо уже жалко... Но Тюхтяев? Это вообще кому в голову-то могло прийти?

— И что теперь? Он меня видел-то раз пять — и все по делу. — чувствуя, что теряю оборону, проворчала я.

— Да тебя один раз послушать — и все понятно.

— Разве? — взметнула брови, припоминая все «радости» наших первых месяцев.

— А ты с кем беседовала?

Тоже верно. Лезть между отцом и сыном не захотела, за спину мужа спряталась и оттуда нахохлилась. А сейчас бы иначе сыграла...

— Ну хорошо. Признаю, что была не права.

— Что я слышу?! — делано изумился граф.

Я насупилась.

— Но Михаил Борисович... Как-то это все... Неожиданно... — безумно и утопично, а есть еще несколько эпитетов, только я ими уже полтора гола не пользуюсь.

— Петька-то тебе предложение сделал еще быстрее, насколько я помню. — язвительно напомнил свекор. — И обойдись без вывертов своих, если не надумаешь.

— Каких вывертов? — вскинулась я.

— Козу в постель не укладывай. И вообще, дай человеку шанс. Прошу.

На этой бравурной ноте мы и распрощались. Уж дома-то я сама придумаю, как завернуть поклонника поизящнее и подальше.

Дорога домой прошла без происшествий. Устя перебирала московские сувениры, я обдумывала житье-бытье.

— Устя, ты не жалеешь, что не в Москве живешь?

— Нет, Ваше Сиятельство. Нам грех жаловаться. — она разгладила юбку на коленях. — А там шумно очень. Беды много.

Мда. Шумно. И в бедах дефицита тоже нет. Одна беда вот теперь к нам лыжи смазывает.

Наши домочадцы очень обрадовались и подаркам, и нашему возвращению. Демьян не отходил от Усти, а у Мефодия с Евдокией дела явно продвигаются, так что эта парочка не особо заметила изменения.

* * *

С утра все шло как-то не очень хорошо. Вязкий душный день предвещал грозу, и тревоги добавлялось всем: Лазорка нервно ржала, малышка капризничала, у Мефодия разболелась спина. Тягостное ожидание настолько вымотало всех, что я приказала подать ужин пораньше и уже около восьми вечера забралась в постель. Сегодня утащила с собой альбом ди Больо, и наслаждалась тонко прорисованными видами Венеции.

Гроза разыгралась такая, что себя не было слышно. Где-то внизу рыдала Марфа, и между раскатами грома едва слышно было ее возмущение. Я лежала в постели, борясь с желанием забраться в подвал — там тихо и безопасно — или закрыть окна. Но шум ливня успокаивал... Хотя порой слышались и нетипичные звуки.

В распахнутое окно ванной влетел камушек, обернутый листком бумаги. Не первый, судя по всему. Карандаш в сумерках был едва различим, но почерк я помнила. «Здравствуйте!». И смайлик рядом. Единственный человек во Вселенной, который понимает его смысл. Внимательно изучила двор — там ни одного движения. Даже Лазорка не комментирует погоду. Подняла глаза и окаменела — знакомая фигура в плаще присела у дымохода внутреннего крыла здания. Помахал еще так приветливо. Я в ответ парой жестов описала его уровень интеллекта и свое ко всему отношение.

А он — осторожно начал движение ко мне. По мокрой крыше. В ливень.

— Идиоты — мой профиль. — шептала я, созерцая, как вспышки молний освещают перемещение жандарма по крыше. Ему, конечно, помогал кованый бортик на краю — Гроссе утверждал, что это необходимо для очистки снегов с крыш и я верила... Но вот сейчас мне эти ажурные конструкции вовсе не кажутся надежными.

Фохт скрылся из зоны видимости, перебравшись на мою половину крыши. Гром усилился, и я очень надеялась, что прислуга не сильно пялится на мои окна, когда над подоконником появились сначала ноги, потом еще немного ноги, а потом раскачивающийся на ремне герой-любовник.

— Федор Андреевич, Вы так дебютируете или уже практиковали? — неожиданно ровным голосом поинтересовалась я.

— В нерабочее время как-то обходился дверями. — щедро улыбнулись мне из дождя.

Я молча посторонилась, давая ему войти, после чего захлопнула окно и зашторила его от греха подальше.

— Ванну Вам можно уже не предлагать?

Он аккуратно снял капюшон и расстегнул плащ.

— Потерплю.

Я пожалала плечами и прошла в спальню. Только хотела зажечь свет, как на мою ладонь опустилась его, мокрая и прохладная от дождя.

— Не стоит.

Он покосился на окно. Знает!

— Так это Вы за мной следите?! — взвилась я.

— Нет. — и я не верю в это показное смущение. — Мы просто вместе работаем.

Вот знала же, что с ним что-то будет не так. Почему мне так не прет здесь с мужчинами? В общечеловеческом плане грех жаловаться, а с потенциальными любовниками — беда. Как мне — так достаются Фрол, Петя, проигравшийся генерал, шпионы, спорщики, Тюхтяев в женихах. Теперь вот такое.

— И что, интересные вещи про меня рассказывают на ваших собраниях? Или как там у вас летучки называют? — колко поинтересовалась я.

* * *

Почему ее назвали Перепелкой, Федор не знал. Но эти доклады: «Перепелка навещала Глухаря», «Перепёлка отобедала с Бонвианом. Был больше двух часов», «Перепелка совершала конную прогулку с Инфантом». «Перепелка принимала Инфанта за закрытыми окнами». Чуть ли не каждый день. В курилке даже ставки начали делать на то, с кем она все же останется, или уже спит со всеми троими. Ф.А. эмоций своих не демонстрировал, а что на спарринге отметелил самых ярких спорщиков — так то работа. Когда услышал о пари, напрягся. Маркиз весьма пылок, а старый итальянец галантен — они очаровывали самых заносчивых красавиц, и маленькой провинциалке оставалось только сделать выбор, чьи сети комфортнее. Тогда неприятно было. Зато история о козе, всплывшая сама по себе, не в контексте наблюдений — в Москве следить за ней было некому — привела агента Фохта в превосходное настроение.

* * *

— Мало о Вас говорят. Скучно живете. — он сделал пару шагов, чтобы занять место на кресле в проеме между окнами. В ботинках позорно хлюпало и хозяйка дома покосилась. — Но лучше бы нам пока не афишировать личные встречи.

— Вы меня стесняетесь? — рассмеялась я.

Он поджал губы.

— Нет.

— Да что Вы говорите?! Значит, исчезнуть после всего — это признак отваги?

— Я не исчезал.

— О, да! Он улетел, но обещал вернуться. — меня несло и это было сильнее

* * *

— Я Вам слово дал. — глухо произнес мужчина.

— Фёдор Андреевич, вы же взрослый человек. Нам просто очень повезло, что наша встреча не имела последствий.

Он вскинул глаза и после долгого взгляда пошел пятнами. Эх, переоценила я твою взрослость, Федя. Хотя мужская контрацепция уже должна была бы быть.

— Да-да, к коронации я уже имела шанс начать распускать корсет и сменить покрой одежды. — прояснила я свой намек.

— Успокойтесь же. — он неуловимым движением переместился из полурасслабленного сидения в кресле ко мне и обхватил плечи.

Сложно победить в споре, когда на тебе только тонкая полупрозрачная сорочка, а твой оппонент при полном летнем параде.

— Мы не о том говорим. — взял себя в руки Фохт, чем заслужил мое невольное уважение. — Я поступил недостойно. И снова прошу за это прощения.

Я подняла взгляд от пуговицы на жилете к его глазам.

— Я волновалась. У Вас не кабинетная работа и... Ни одного признака жизни после той ночи. Разбудили бы...

* * *

Когда в отдел пришел Сурков со смены и доложил о суете с врачами и священником в доме Перепелки, Федор едва дождался перерыва. Это был второй день наблюдения за ней, после той вечеринки у Глухаря присматривали за каждым участником, и оказалось слишком сложно разделить личное и служебное пространство. Убийство агента у дома Глухаря уже начали расследовать не только в полиции, поэтому самочувствие маленькой графини вызывало опасения.

Он прошел в дом через кухню с помощью отмычки, посетовав на хаос с прислугой. Детский плач за кухней был вполне предсказуем, но он все же поднялся наверх. Женщина тихо посапывала прямо в одежде. Жарко же станет, убеждал себя он, расстегивая крючки платья, корсет, осторожно стягивая их с улыбающейся графини и сворачивая на кресле.

Спящая — она такая беззащитная, тихая. Трудно поверить, что столь острый язычок у внешне безобидной натуры. Безобидная натура перевернулась на бок, открыв миру спину, то, что пониже и пяточки в чулочках. Стоило или присоединиться, или уйти, но господин Фохт еще не менее получаса просто сидел рядом.

* * *

— Правда? — Он как-то удивленно и радостно рассмеялся, подняв меня над собой, как подкидывают ребенка. Зарылся в ворох кружев на груди, вдохнул запах.

— Да. — я перебирала прядки на его темени и с детским надрывом продолжала. — Мы же оба читали, что с Вами... там... А до Пасхи от Вас ни слуху ни духу.

— Милая моя... — он поставил меня на твердую поверхность. — Все хорошо.

— И в Москве. Пришел, ушел, пропал. — я продолжала перечислять свои мелкие обидки.

— Там служба была. — он погладил меня по голове. — А Вы волновались?

Я кивнула. Веду себя как тупенькая школьница, а роковая женщина что-то не просыпается.

— Вы — чудо. — он опустил на колени и поцеловал сначала одну руку, потом вторую. — К сожалению, я не могу Вам дать того, что Вы заслуживаете. Произошедшее, конечно, предполагает предложение, но...

— Фёдор Андреевич, вы женаты? — а сердечко-то предательски пропустило пару ударов.

— Что? Нет! — опешил он. — Я готов... И был бы рад... Но у меня нет титула и вряд ли когда появится. Именьем пока распоряжается вдова моего отца. Ситуация на службе препятствует нашим отношениям и...

Да, партией мечты его назвать сложно. Дипломатично обошел несовпадение характеров и мировоззрения. Но разве я за него замуж хотела?

К концу блистательной речи я уже присела рядом, расстегнула жилет и добралась до рубашки, медленно проскользнула ладонью от впадинки между ключицами до пояса.

— Нет, коли служба препятствует, то оно конечно... — прошептала на ухо и пошла к диванчику. Если не накидывать халат, то выглядит все еще откровеннее, чем нагишом.

Он смотрел на меня тяжелым взглядом.

— Я... — он что-то слишком потерял контроль над голосом. — не могу ожидать, что Вы согласитесь ждать...

Само собой, «она ждала его тридцать пять лет» — это не про нас.

— ... Но я пришел сказать...

Да, вот особенно интересно, зачем ты сюда лез, рискуя жизнью?

— В подобных обстоятельствах говорить о... своих чувствах недопустимо. — он нерешительно сделал пару шагов ко мне и сел в ногах. — Но я должен... Если б нашлась хоть мизерная возможность, я бы мечтал провести жизнь только с Вами...

Оп-па. Неужели это признание? «Я старый солдат и не знаю слов любви». Но какой-то он неуверенный... Раньше порешительнее себя вел.

Он немного потерянно смотрел прямо в глаза и надо было что-то сказать, но что? Я вытянула ногу, пощекотала большим пальцем короткие волосы за ухом. Всполохи молний превращали его в совершенно фантастического пришельца с бледно-серой кожей, и вот я чуть улыбнулась, когда он потерся о щиколотку щекой и поцеловал ту самую тонкую кожу на ней. Потом двинулся выше, преодолевая заградительные рвы оборок и брустверы ленточек.

Когда мое колено пристроилось на его плече, разговоры и сомнения стали лишними.

До кровати четыре шага и пусть шел только мой партнер, а я лишь обвивалась вокруг его торса, они были очень долгими. Он сейчас куда тщательнее в исследовании моего тела, чем в прошлый раз, и я пожалела, что столько ночей в моем мире прошли совершенно бездарно. Да на что нам были те исторические изыскания — хотя бы поцелуй он меня — вообще бы из квартиры не вышли. Эту упускать не хотелось, и пусть уголком разума понимаю, что он уйдет ранним утром, у нас есть еще несколько часов.

Не скоро мы оторвались друг от друга, но и тогда не расцепляли рук и ног.

— Милая моя. — прошептал он. — Вы удивительны.

Странно было бы продолжать общаться на Вы после всего, что мы творили друг с другом, но с Фохтом это кажется самым естественным. Гроза смолкла и только дождь продолжал полоскать улицы города.

Я рассматривала его торс, трогала все шрамы, впадины и бугорки. Большой атлас жизни агента Фохта. Загар здесь еще не вошел в моду, так что кожа белая.

— А это? — уточняла я находя новую отметинку.

— Первый год службы. Глупо полез на рожон. — смутился он.

— А?...

— Ой, это в детстве еще, с отцовской саблей играл.

Он рассмеялся щекотке и перевернул меня, оказавшись сверху, и теперь уже сам гладил мои родинки, изгибы, играл прядками волос.

Делать то, что не стоит, а еще лучше — что нельзя, оказалось на диво приятно и увлекательно. С точки зрения разума наши отношения не очень уместны — я по уши влипла в не пойми что, да и вряд ли граф порадуетя такому кунштюку, он вообще себе не принадлежит... Но не было сейчас другой постели в целой Империи, куда мне бы хотелось попасть.

— Почему за мной следят? — уточнила я у участника событий.

Он несколько окаменел.

— Я не могу обсуждать следствие...

— Так я и не прошу рассказывать мне подробности. Поставим вопрос иначе: лично я совершила противозаконное действие?

— Нет. — ответил он после недолгого раздумья.

— Значит, это из-за моих контактов с различными дипломатическим работниками... — продолжила рассуждать я, пытаясь пальцами написать фразу на его животе. Пока безрезультатно.

Он молчал, пытаясь найти способ поговорить, не совершая служебного проступка. Я улыбнулась его тяжелым мыслительным порывам и приложила палец к губам, а сама тем временем спустилась чуть ниже. Здесь столько интересного!

— Не рассказывайте, просто слушайте. После коронации оба ко мне дорогу забыли. Присмотр я заметила сразу. Скоро заскучаю и начну к ним в гости захаживать.

Он чуть не подпрыгнул.

— А что, мальчики голодают. Мне, может, кусок в горло не лезет в столовой, когда я обедаю и думаю, как они там.

— Это хулиганство, Ксения Александровна.

Я прикусила ему бок.

— Вот это — хулиганство. А знакомство с соглядатаями — это милая шуточка. Да и может пора хотя бы без отчеств в личном пространстве обходиться?

— Только если после купанья. — он играючи подхватил меня и потащил в ванную.

* * *

— Ксения... — мы устроились в чугунном монстре лицом к лицу и тесно не было, зато

вполне хватало места для разных шалостей. А он, вместо мелкого подводного хулиганства предпочитал прокатывать по языку моё имя.

Я попробовала поприставать к нему сама, безуспешно, и после, когда мы уже заползли под одеяло, распласталась по мускулистому телу.

— Да, Федя. — как-то несерьезно это. — А расскажите-ка о Вашем интересе ко мне.

Он хмыкнул и немного расслабился. Все же дела давно минувших дней куда безопаснее скользкой истории с импортными дипломатами и отечественными махинаторами.

— Когда я встретил Вас впервые, то даже позавидовал поручику. Ну как, сначала позавидовал, потом посочувствовал, когда Вы устроили ту выволочку Петру Николаевичу. — он улыбнулся.

Сейчас, отмотай жизнь назад, я бы просто всем гостям касторки в вино налила. Или мышьячку. А Петьке бы пить запретила. Глядишь, выкрутилась бы с поддержкой такого родственника, да и Петя бы жив был. Оно, конечно, жаль, что эта ночь бы не случилась вовсе, равно как и турпоездка домой, но за мужа больно до сих пор.

— А потом, когда начал расследование... На Петра Николаевича указали сразу несколько свидетелей, но он уже скончался. Мне очень нужны были те бумаги.

— Нет никаких бумаг. — жестко отрезала я.

— Теперь, зная Вас лучше, я понимаю бесполезность своих поисков. Но тогда... Ваша демонстративная скорбь после столь скоропалительного и непродолжительного брака вызвала только подозрения, которые Вы не только не развеивали, но и напротив, запутали меня окончательно. Насчет смерти Его Величества — это такая мистика была.

— Но...

— Да, теперь я понимаю, откуда Вы это знали и отчасти понимаю, зачем так поступили. Любите дразнить, верно? — он чмокнул меня в еще мокрый висок. — А тогда досадно было, что расследование в отношении Вас прекратили сверху. Но уж когда Вас занесло к бомбистам — там совсем все из-под контроля вышло. Я уже замечать начал — где появляется графиня Татищева, любое дело летит кувырком. И вот мне главарь их, Субботин, приказал Вас убить, я иду, а Вы смотрите. И делать-то нечего. Наши на улице в засаде были — пока появятся... А взгляд у Вас тогда — как у олененка был. Думал проговоритесь, не поверите, закричите...

Он обнял меня покрепче.

— А после нашего путешествия я понял, что вообще не знал Вас.

И мы решили восполнить недостаток информации старым библейским способом. Даже не поняла, когда заснула.

* * *

Следующий день провела с улыбкой счастливой женщины, у которой нет вообще никаких забот, которая не влипла в многоходовую шпионскую интригу, а другими они и не могут быть при таком-то статусе игроков, у которой не появился совершенно лишний и дьявольски неудобный жених, которая не врет всем и каждому о своем прошлом и которая не знает, что весь этот прянично-сказочный мир вокруг, похожий на огромный хрустальный снежный шар, через девять лет впервые треснет, а потом подстреленный винтовкой первой мировой и добитый революционным штыком рассыплется в труху, раскрашенное папье-

маше, обгоревшие картонки фотографий, разбитые семейные сервизы, порванные кружева, окровавленные бинты и рубахи... В общем, в жизни двадцатичетырехлетней графини этого всего нет, и то казино, которое выдает столь сомнительные призы, сегодня закрылось на переучет, а сама она пьет зеленый чай, задрав ноги на спинку дивана и улыбается домашним туфлям.

Выгуляла Лазорку, заодно и сама развлеклась. Вспомнила, как весело было в этой амазонке шутить с козой. Словно так давно это было — до прошлой ночи. Вечером внимательно рассмотрела крыши, округу, но своего любовника не нашла. А хотелось, да еще как.

Потом наступил отходняк от эйфории и захотелось взглянуть на ситуации не глазами мартовской кошки, а уже реалистичнее. Пусть и не сквозь призму ханжеской благопристойности, но поток здравого смысла не повредит. Вот я. Типа графиня и добропорядочная женщина. С полицейским надзором и темным прошлым. И принимающая в гостях не только родичем порученных дипломатов, которым мы официально представлены, и потому играем по определенным правилам, но и непонятого жандарма, который получает все то, что в эту эпоху можно и нельзя, причем бывающего исключительно тайком, под покровом ночи... Как-то не очень красиво выходит.

И вот сам жандарм, который тайком шастает к поднадзорной аристократке, сумбурно признаваясь в своих чувствах и еще более сумбурно намекая на невозможность продолжения. Тоже не очень стандартный романтический герой без страха и упрека.

Отвлекалась от депрессивных размышлений я чтением иллюстрированного справочника по миру насекомых. Очень хочу стать самкой богомола в следующей жизни. Эти девушки явно не рефлексиируют по таким мелочам.

И засыпается легко после описаний размножения у ос. И снятся бабочки, шевелящие огромными расписными крыльями прямо на моих плечах, щеках и забирающиеся под рубашку. Или это не бабочки?

Переворачиваюсь и открыв глаза обнаруживаю этого безумного мужчину. Мою постыдную тайну. Совершенно бесперспективные отношения, да.

— Я без приглашения. Не могу не думать о Вас. — и легкая опаска в глазах, видимо остатки воспитания вопиют о невозможности данного поступка и ситуации в целом.

О чем с ним вообще можно разговаривать? Аморальный губитель репутации, крест на моем блистательном светском будущем, пощечина учебнику хорошего тона.

Поэтому за галстук тяну в постель и полушепотом смеюсь, когда он падает, не удержав равновесие. Весь здравый смысл — он за дверями спальни. А тут он и я. Вместе с бабочками и светлячками, ночным питерским дождем и самыми безумными общими секретами.

* * *

Он уходил около четырех утра. Бессонная ночь нас не то чтобы вымотала, но любые движения казались ненужными, лишними. Я, обняв подушку, наблюдала за ритуалом одевания: кальсоны, носки, которые пристёгивались к ним подтяжками, рубашка, брюки, жилет, сюртук. Нарочито медленно все это делал, словно растягивал время. Белые ночи делали границу между вчера и сегодня незаметной, да и нам было не до окон, так что полутень его встретила, она же и провожала.

Помедлил, вернулся к постели и встал рядом со мной. А все-таки он красивый. Причем именно не милашка, а красивый мужчина, истинно мужской привлекательностью красивый. Такому можно подчиняться, такого можно вождеть и не скрывать этого от себя. Теперь самое время рассказать о любви, по-моему. И только я открываю было рот...

— Мы не сможем видаться так. — он предусмотрительно сжал мои ладони. — Вы достойны лучшего, чем быть тайной любовницей.

Как будто я щенок и меня только что носом ткнули в вонючую лужицу. Не понимаю почему — все же прошло настолько хорошо, что и представить было невозможно. И вот тут меня прорвало.

— Да прекратите Вы уже!!! В конце-то концов, у меня и своя женская гордость имеется. Раз Вам не нужна, так и скажите — я Вас под венец не тяну и делать этого не стану. Никогда! А если нужна — то придумайте, как изменить обстоятельства.

Я даже выглядывать не стала как он доберется до соседской крыши. Не убился бы — и хватит с него. Вот надо же испортить впечатление от такой чудесной ночи.

* * *

К исходу недели приехал Тюхтяев, и я приняла его приглашение на прогулку. С удовольствием.

Дело было так. С утра субботы пришло письмо от Михаила Борисовича, в котором он извещал о прибытии и надеялся на возможность встречи. Я всесторонне обдумала эту ситуацию и решила, что киснуть нечего, а Тюхтяева в любом случае не жалко. Бачили очи що купали.

Он пришел в новеньком гражданском костюме насыщено-серого цвета, с букетом розовых розочек и своей традиционной иронией. Я нарядилась в лучшее прогулочное платье — нежно-золотое, с тонким черным орнаментом, помахала наблюдателям (тем сразу после моего отбытия Мефодий обещался занести корзину с бутылкой вина, пирогами и наилучшими пожеланиями) и двинулась на променад.

Сначала хотелось покататься на Лазорке, но днем жарковато и мы с ней ограничивались пробежками по утренней прохладе. Так что доверилась его вкусу и отправились мы сложносочиненным маршрутом, который подозрительно напоминал то, как я глумилась над своими иноземными ухажерами.

— Михаил Борисович, а что именно Вы хотите мне показать? — задалась я вопросом, когда он в очередной раз что-то шепнул кучеру и мы вновь сменили траекторию.

— Хотелось бы развлечь Вас, Ксения Александровна. — несколько смущенно и кротко ответил он.

— Ах, как это мило. — я лучезарно улыбнулась. — Может тогда в Кунсткамеру?

В этом музее меня должны были еще помнить с прошлого раза, но диковинок много не бывает.

Часа два мы гуляли по музею, смеялись и ужасались, восхищались и изумлялись. До сего момента Тюхтяев был для меня человеком-функцией — следователь при губернаторе, или кто он там, источник мигрени, ресурс для розыгрыша. То, что он еще и разбирается в геологии, в отрочестве собирал гербарии, но не на уровне два-три листочка, подобранные на прогулке, а отражающие все этапы развития растения, узнала только тут. Оказывается, это именно ему пришлось пожертвовать часть своего собрания Брэма ради моего увлечения.

— Но я уже восполнил пробелы. — улыбнулся он.

Мы обсудили теории дарвинизма и креационизма, сошлись на том, что первая страдает пробелами в самом начале, а вторая слишком упрощена, но в принципе обе могут дополнять друг друга. В целом, я иногда забывалась, и порой с трудом изворачивалась после цитат еще не написанных книг и упоминаний несовершенных открытий.

В геологии я совсем не разбираюсь, разве что могу отличить песок от глины, так что на этой половине поля Тюхтяев блистал. Впервые наблюдаю его за долгими монологами о том, что ему по-настоящему интересно и это совсем другой человек. Нет, язва, конечно, еще та, но блеск в глазах, увлеченность, по-настоящему интересный и динамичный рассказ, причем он обращал внимание на мою реакцию и подстраивался под скорость восприятия, в общем, мне бы такого учителя географии в школу — и не тем бы в жизни занялась.

Он демонстрировал мне различные минералы, чем заразил желанием что-то этакое собрать дома. Но если камушки в коробочках редко вызывают что-то кроме скуки, то практическое воплощение — панно или там... Вообще было бы круто сделать карту империи из минералов, соответствующих каждой территории. Ему эта мысль тоже понравилась, и он тут же написал что-то «своему знакомцу».

Короче говоря, раньше я не ожидала от Тюхтяева хоть какого-то позитивного общения, но господин статский советник изумил. Было даже как-то жаль расставаться, поэтому я предложила вместе пообедать на следующий день.

Замуж? Нееее. После майских происшествий я скорее поверю, что это граф ему впарил такую хлопотную невесту, чем он сам, по собственной воле решится держать такое дома семь дней в неделю.

На обед статский советник приехал не один, а в сопровождении несколько смущенного младожового мужчины с черной эспаньолкой. Чисто испанский гранд в темно-зеленом мундире с голубым кантом!

— Позвольте представить Вам, Ксения Александровна, Зданкевича, Карла Ивановича. Горный инженер, мой давний знакомец. — Тюхтяев по обыкновению сиял этим показушно-дурашливым образом, который поначалу и меня вводил в заблуждение. А это лишь маска, под которой таится вообще непонятно что.

Инженер чуть помрачнел лицом, и стало понятнее, кому это знакомство вышло боком. Если давний, то это минимум лет десять назад, середина восьмидесятых, при университетах пышным цветом растут всякие кружки и общества, так что понятно, где сыщик и инженер пересеклись. И как.

— А эта, Карл Иванович, удивительная женщина — графиня Ксения Александровна Татищева.

И тут я услышала необычайные дифирамбы о своем уме, образовании и током чувстве юмора. Да, расслабиться не получится, а я уже хотела тоже нарядиться в маску глупышки — ее полезно осваивать, только вот возможностей маловато.

— Ксения Александровна предложила чудесную идею, которую тебе, мой дорогой, точно захочется воплотить.

Загадочным образом я оказалась первым спонсором уникального подарка императорскому геологическому обществу. Конечно, эти две тысячи меня не спасут в случае чего, но как? И что-то иметь в мужьях человека, столь вольно распоряжающегося чужим состоянием, расхотелось.

— Не переживайте, Ксения Александровна, все складывается просто великолепно. — стрекотал Тюхтяев. — Ваша инициатива точно будет подхвачена и другими радателями отечественной науки, так что все получится в наилучшем виде.

За четыре дня в моей гостиной перебивал с десятков зелено-голубых мундиров, так что впору было герб горных инженеров вывешивать на двери. Сам проект считался как бы секретным, так что в ведомстве о нем не распространялись, но в музыкальной комнате начали скапливаться ящички и коробочки с разными сланцами и рудами. Тюхтяев потрянул других своих знакомых, и я оказалась не единственным меценатом, зато социальный эффект от прожекта превзошел все мои ожидания. Во-первых, я обзавелась множеством не то чтобы выгодных, но крайне полезных знакомств. Горные инженеры — это совершенно особая каста людей, с хорошим образованием, но без сословных рамок. Для них я быстро стала своей и теперь уже не просиживала дни напролет дома, а бывала на свежем воздухе, на выставках художников и литературных вечерах в приятной мужской компании. Во-вторых, как главного инициатора всего проекта (а Тюхтяев дипломатично самоустранился от презентационной части), меня пригласили в октябре на открытие всего этого добра в присутствии членов Императорской фамилии. Таким образом я стану не то чтобы придворной дамой, но смогу завязать другие полезные знакомства. Если все это — тайный

замысел Михаила Борисовича или графа, то они стратеги 80 уровня, тягаться с которыми бессмысленно.

Где-то между всей этой суетой снова появлялся Тюхтяев, на этот раз более озабоченный. Причем настолько, что даже дурашливость дома оставил. Мы устроились в столовой и поклевывали какие-то очередные подарочные сладости — теперь этого добра у меня хватало.

— Ксения Александровна, я тут уехать должен буду. Возможно, далеко и надолго. — он вертел в ладонях чашку и не поднимал глаз.

— Надеюсь не в Сибирь? — ляпнула я.

— Всегда восхищался Вашей проницательностью. — грустно улыбнулся мой несостоявшийся жених.

Да что там у них случилось-то?

— Мне должность предложили. Томского полицмейстера.

Да это не просто понижение, это по стенке мужика размазали ни за что. Еще бы канцеляристом в уездном городке — чтобы совсем иллюзий не было.

— В гости позовете? — это я как бы в шутку, но в ответ получила очень странный взгляд. Как будто у ребенка новогодний подарок оказался пустой коробкой и исправить это уже не получится. Но комментировать не стал, только невесело хмыкнул.

— Вы уж не скушайте. И пореже влезайте во всякое. — он поцеловал мне руку и собрался.

Вот что это было? Ни предложения, ни ухаживаний. Неплохой он мужик, по сути. Не будь в моей жизни Феде... Хотя этот самый Федя даже намерений не обозначает. Нет бы тоже ночью темной к графу заглянуть и обсудить мое будущее. Представила сцену в лицах, и чтобы Николай Владимирович непременно в колпаке, едва не расчихикалась.

— Михаил Борисович, спасибо Вам за это приключение.

Он улыбнулся.

— Вам полезно чем-то увлекаться. И минералы — они побезопаснее дипломатов.

— Вы... — я не сразу нашла слова. — Берегите себя. И помните, что все наладится, а в этом доме Вам всегда рады.

Я обняла его на прощание, и он с легкой заминкой ответил на объятье. Но границ не переступил, а зря.

Эту мизансцену на крыльце с интересом наблюдали из окна, так что помимо рядовых служебных проблем Тюхтяев еще и вляпался в мои, запоздало охнула я. Компенсировала эту новую и неизвестную ему пока напасть легким поцелуем в щеку и пожеланием вернуться, произнесенным шепотом на ухо. Судя по озадаченности и легкому изумлению, последнее оказалось неожиданностью. А с моей стороны такие авансы раздавать вообще жестоко, но хотелось!

* * *

Коллежский ассессор Андрей Михайлович Оленищев обладал недюжинными талантами в рисовании и после нескольких эскизов ему удалось отразить все капризы и пожелания участников, а в свободное время он исхитрился написать мой портрет акварелью. И это было не столько пафосное портретное сходство, сколько динамичный импрессионизм.

Я получилась живой, энергичной, но в то же время какой-то ранимой и хрупкой. Мы водрузили портрет в тяжелой раме на стену салона, и как-то стало солиднее в доме. Андрей Михайлович был слишком застенчив, чтобы продолжить ухаживания, а я деликатно не замечала намеков, так что наши отношения почти перешли в категорию дружеских, теплых.

Но однажды, кто-то из инженеров притащил с собой гитару.

Не притрагивалась к струнным инструментам с августа девяносто четвертого, почти два года, а тут вдруг что-то захотелось. И я зажгла. До того, как сбегали за шампанским второй раз, еще держалась в рамках романсов. А потом успела и кое-что из рока выдать, и, по моему, даже станцевать.

Утро встретило меня головной болью, рассолом от моей жалостливой Евдокии и слава Богу, пустой постелью. Признаюсь, я не очень уверенно помнила, как выпроваживала гостей. Зато, когда ближе к одиннадцати раздался стук в дверь и на пороге образовался Оленищев с мольбертом, холстом и сумкой явно художественного назначения, стало не до смеха. Смущаясь и краснея, Андрей Михайлович напомнил о том, как я возжелала портрет маслом в неглиже.

— То есть прямо вот так и сказала? — уточнила я, чуточку мертвея от смущения.

— Да, Ксения Александровна. — исследуя какую-то важную точку на полу ответил художник. — И еще пообещали выставку этой картины устроить.

— Мммм. Выставку, значит... — Шампанское внести в запретный список. — Ну раз решила, то что делать, дворянское слово нерушимо. Где рисовать-то будем?

Хороший свет нашелся в библиотеке, там же мне пришла в голову отличная идея, позволяющая сохранить и мою честь, и чужую нравственность. Эту идею я прикупила совсем недавно на распродаже имущества поиздержавшейся кокетки. Прочими вещичками побрезговала, а вот это... Устоять не смогла. Прожарила пару дней на солнцепеке — это убивает возбудителей туберкулеза, сифилиса и других неприятностей, и убрала до лучших времен. Вот они и пришли.

Широко распахнутые окна позволили моим соглядатаям в подробностях рассмотреть огромный веер из перьев у камина, за которым распласталась я в одних укороченных панталонах и тонком шарфе, опоясывающем грудь. По обнаженным плечам и ногам становилось понятно, что за веером ничего нет, но формально непристойности не было. На лицо мне пририсовали маску с теми же перьевыми мотивами, и это вообще позволяло хулиганить, но перед графом, все же, было как-то неудобно.

Первая ночь после этюдов прошла спокойно, а на вторую я обнаружила замену действующего игрока среди наблюдателей. Даже один остался, без напарника. Сам выбрал свой удел, зловеще улыбалась я белой ночи. Поэтому утром долго крутилась перед зеркалом, примеряя драгоценности. Они же на голой коже смотрятся лучше всего, а одежда только отвлекает. Кстати, активные занятия верховой ездой, здоровое питание и четырехэтажный дом сделали то, на что не сподобились несколько лет спортзала — я стала подтянутой со всех сторон, а чертовщинка во взгляде только добавляет очарования. Упражнения с плиткой позволили сохранить кожу лица в приличном для тридцатника состоянии и в целом, не стыдно было бы позировать и действительно голышом.

К обеду пришел посыльный из магазина с большой полосатой коробкой. Халат с глухим воротником в пол жемчужно-персикового цвета был, конечно, несколько монашеским, но мне понравился. Какой же он милый, однако, вроде как уже разбежались, а подарки дарит. Я распахнула окно пошире и примерила обновку. Опять же на голое тело. В бинокль

разглядывала чуть позже его окаменевшее лицо. Тяжек, тяжек труд политического сыщика.

* * *

Презентация портрета прошла при большом стечении народа. Поскольку летом домочадцы семейных инженеров находились на дачах, то общество было преимущественно мужским, из женщин привели лишь немногочисленных подружек и невест. Мы с Оленищевым немного волновались: он за художественную ценность, я — за пуританскую мораль, но столько аплодисментов я еще не срывала. Не зная предыстории, изображенную женщину можно было принять за балерину или актриску бурлеск-шоу, а поскольку сейчас звезда мадмуазель Кшесинской высока как никогда, подобные картины не особенно удивляют, и лишь избыточно озорной взгляд в прорезях маски выдает несовременную барышню.

На этот раз я была очень осторожна с алкоголем и лишь пела разные задушевные песенки. Отлично провела время. По ходу действия мы все пришли к выводу, что первоначальный проект карты нуждается в доработке и стоит сделать карту еще и рельефной, что требовало дальнейшего вдумчивого обсуждения. Хотя признаемся честно, изначальная идея уже стала лишь поводом для посиделок.

* * *

Когда я спровадила всех гостей, ответив на очередную порцию комплиментов и отклонив самые нескромные предложения, осталась наедине с картиной. Ее мне единогласно презентовали мои приятели.

Из недр дома вышла прислуга и критично уставилась на творение коллежского асессора.

— Срам-то какой. — охнула Евдокия и перекрестилась. Устя, по-видимому, была с ней согласна.

— У нас в усадьбе разные обнаженные висят. Даная есть, нимфы всякие. Есть графини и поболее открытые. — возразил Мефодий. — Бабка Николая Владимировича, царствие ей небесное, вообще по пояс голая.

А вот этот портрет я видела. Оказалось, что в конце XVIII-начале XIX века мод: несколько отличалась от того, что нам показывали в «Войне и мире». Причем настолько капитально отличалась, что я потом даже в интернете прощустрила, а то казалось, что попала в вертеп развратников. Платьяца тогда носили из тонких тканей и без чехлов. То есть ножки и все прочие прелести светили только так. А декольте, обнажавшее соски, вообще считалось нормой жизни. Говорят, Наполеон раз осмотрел очередную даму на балу и потребовал одеться, прежде чем заговаривать с ним. Действительно, ладно осьмнадцатилетние прекрасные дивы, но после стандартных пяти-восьми родов, без фитнеса и подтяжек выставиться в тонкой тюли — это тот еще экстрим. Да и для русской зимы мода — самое то.

И лишь Демьян взирал на картину с восхищением — насколько я поняла, ему понравились перья. Надо будет прикупить перьевую щетку для хрусталя.

— Даренному коню в зубы не смотрят. — резюмировала я. — Мефодий, пойдём в спальню повесим.

Но в спальне этому полотну мешали жабы, в гостиной я уже стены заняла, столовая — не лучшее место, в кабинете не сочеталось со стилем... Устя уже понадеялась, что выкинем ко псам, но тут я вспомнила про зимний сад. Среди зарослей передумавшей умирать хойи эротическое полотно хозяйки дома смотрелось вполне органично.

Прислуга отправилась спать, а я ещё полюбовалась на себя. Лучше, чем в жизни получилась. Главное, чтобы теперь мальчик мной особенно не увлекался.

Пост напротив моих окон словно умер. Раньше мальчики менялись и работали в режиме сутки через сутки, я привыкла уже к ним, Мефодий исправно подкармливал, о чем, очевидно, начальству не докладывали. А тут уже несколько дней окна зашторены, позавчера вообще в эти комнаты заселилась семья с детьми. Глава семьи явно из морского ведомства, дома практически не бывает. Я с помощью бинокля рассмотрела все возможные точки наблюдения за собственными окнами — глухо.

Так оно, конечно, приятно, что наблюдать больше не будут, но странно как-то.

Дом уже затих и погрузился в сон, когда возле моих дверей остановился экипаж. Пассажира как-то коряво выгрузили на мостовую и подтащили к крыльцу. Вслед за телом отправился объемистый саквояж. Возница воровато огляделся и явно сомневался, стоит ли бросить все как есть, постучать или свалить, копался в карманах и в целом не внушал доверия.

Поскольку я не ложилась спать и музицировала на забытой гостями гитаре, то рассмотрела всю сценку. Господин Тюхтяев живописно распластался у моей двери.

— Демьян!!!! — заорала я и бросилась отпирать замок и засов.

Немой в одном исподнем выбежал в парадную, мгновенно оценил ситуацию и затащил тело внутрь. Тем временем я трясла кучера.

— Барыня, да не знаю я ничего. Он письмо просил вручить. С Вашим адресом. А сам сомлел. Я и привез сюда. — бормотал бородатый кучер не самого великого ума.

— Письмо где? — отпустила я его сюртук.

Мне передали конверт и лошадь припустила как на хороших гонках.

«Дорогая Ксенія Александровна!

Обстоятельства вынуждают меня совершить дальнейшее путешествие, о котором я уже Вамъ рассказывалъ. Но считаю своимъ долгомъ предупредить Васъ о грозящей всѣмъ намъ опасности. Люди, чье вліяніе и возможности, намного превосходятъ мои, могутъ нанести вредъ Н.В. Возможно, выбравъ своимъ инструментомъ Васъ. Поэтому заклинаю — будьте благоразумны и не доверяйте каждому, кто встрѣчается на Вашемъ пути.

Сожалѣю, что мы провели такъ мало времени вмѣстѣ. Вы удивительная женщина, и наше знакомство я считаю одной изъ лучшихъ неожиданностей въ моей судьбѣ.

Вашъ покорный слуга М. Тюхтяевъ».

Недалеко же ты, дружок, уехал. Я заперла дверь и вместе с домочадцами наблюдала, как медленно растекается темно красное пятно под статским советником.

— Демьян, Мефодий — аккуратно несем господина в комнату для гостей. Девушки — воды вскипятите. И простыни туда же отнесите.

Сама взметнулась наверх и залезла в тайник. Оттуда вытащила и оставшийся с саратовских времен хирургический набор — за неимением другого, шить будем так, и кое-что из кровоостанавливающих медикаментов, шприцы — местными еще не закупились, а пачки одноразовых для единственного пациента мне как раз пока хватит, антибиотики, противовоспалительные...

Перекрестилась перед иконой, понимая, что в этот раз моих знаний точно может не хватить. Хорошо хоть пила сегодня мало. И отправилась вниз.

Совместными усилиями мы раздели пострадавшего и увиденное было не так чтобы

плохо... Хреново было. Огнестрельных ран на теле не нашлось, зато в правой части живота виднелась хорошая такая ножевая. Рассуждая логически, при такой ране в печень он уже должен бы истечь кровью, но, раз пока жив, да и пульс есть, поборемся. Выгнала всех от греха и начала в одиночку.

Я промыла рану, обнаружив, что торчит что-то желтоватое (сальник, дура — прозвучал в голове Люськин голос) и вроде бы до кишечника рана не дошла, так что все повреждение условно поверхностное. Правда, вряд ли медики со мной согласятся. Увиденное мне очень понравилось — у Тюхтяева хороший Ангел-хранитель, перитонит тут пока лечить не умеют — и я принялась за дело. Щедро пролила все операционное поле антисептиком и настоящим кетгутом зашила внутренние мышцы брюшины (ну я так думаю, что это были они), шелковыми нитками — наружные швы, вколола антибиотик и выдохнула. Дренировать все равно особенно-то и нечем, да и не умею. Так что понадеемся, что за счет быстрой реакции мы избежим некроза тканей и он выживет. Позвала Демьяна, вдвоем мы туго перевязали рану и села рядом с пациентом. Пульс все еще был и это чудо. Я поправила простой потертый серебряный крест на шее пациента — следы помятостей на нем, да и поджившие шрамы на теле внушали надежду, что раз эта переделка не первая в его жизни, так и последней не станет.

— Мефодий! — позвала подслушивающего за дверью дворецкого. — Вот это. — кивнула на неподвижное тело. — хороший знакомый графа. Сейчас хорошенько запомни все, что я скажу и первым же поездом езжай в Москву. Так же все расскажешь графу, и только ему и только наедине, никаких писем не передавай и не бери. Понял?

— Как не понять. — покосился на ночного гостя горбун.

— Если Николай Владимирович что скажет делать — делай. Что захочет передать — запоминай. Если кто чужой спросит — едешь стойло для Лазорки обустраивать. Касаемо наших домашних дел — ничего не происходит необычного.

— А что, мы в белокаменную переезжаем? — заинтересовался Мефодий.

— Бог даст, нет. — буркнула я. — Запоминай. Михаил Борисович Тюхтяев был доставлен к нам в дом без сознания. Кучер клялся, что не знает ни его, ни обстоятельств этого случая, но веры ему нет. Ранение серьезное, я его зашила, но кто знает, чем дело обернется. При нем было письмо, в котором он намекает поменьше говорить. Понял?

— Понял, Ваше Сиятельство.

— Идем, денег тебе дам.

Заодно переоделась, выдохнула, прихватила нашатырный спирт. Лето на дворе, а меня колотит как в ноябре.

* * *

Пациент приходил в себя тяжело и долго.

— И снова здравствуйте, Михаил Борисович! — с неестественным восторгом улыбнулась я.

— Вы? — просвистел он.

— Я. - промокнула его губы влажным полотенцем. — На этот раз Вы весьма экстравагантно меня навестили.

Он пошевелился и поморщился.

— Что? — он приподнял простынь, которой был укрыт и даже немного покраснел, соотнеся недостаток одежды и мое присутствие рядом.

— Ножевое ранение. Вроде бы без повреждений внутренних органов. Вас зашили, обработали, перевязали. Денек полежите — и встать начнем.

— Кто? — и смотрит на меня. А я почему знаю, кто тебя так отутюжил?

— Сюда Вас кучер довез, которому Вы письмо для меня передавали...

— Л-лечил кто?

— А вот об этом лучше не спрашивайте. — я протянула ему стакан с водой, который он жадно выпил и провалился в сон.

Прелесть этого времени в том, что опиаты продаются совершенно свободно и запасы морфия можно скопить убийственные.

Я сама уснула и проспала до обеда, доверив пациента заботам Устиньи и Демьяна. Перекусила, привела себя в божеский вид и отправилась в аптеку за двумя жуткими, но крайне нужными вещами.

— Сударыня, но это для клиники отложено...

— Двойная цена.

И кружка Эсмарха вместе с судном оказались у нас дома. Что-то мне подсказывало, что подобного с моей стороны Тюхтяев не допустит, так что пришлось обучать Демьяна нехитрым манипуляциям. И если насчет судна он все понял быстро, то с клизмой дело стопорилось. Так вдвоем и пошли.

— Михаил Борисович, тут такое дело... Насчет надобностей Ваших — зовите Демьяна. А к ночи нужно кишечник промыть.

— Нет! — твердо заявил пациент.

— Да.

Мы еще немного перепирались и доторговались до того, что я могу прикинуться сестрой милосердия, и тогда это уже попроще будет. От такой перспективы пациент согласился на любые процедуры в исполнении Демьяна.

Тюхтяев все переживал, что доктор мог доложить начальству о ранении, и тогда не получится все скрыть.

— Не доложит. — бескомпромиссно заявила я.

— Вы не понимаете, есть инструкции, порядки. Я сам их составлял. — и ладно, в мое время тоже врачи обязаны докладывать обо всех ножевых и огнестрелах. И некоторые даже так поступают. Некоторые.

— Доктор теперь вообще ни с кем говорить не будет. — попробовала я успокоить раненного чиновника, но неудачно подобрала слова.

— Вы его убили? — охнул пациент.

— Нет, конечно, куда ж я без Вас бы труп спрятала? — забавный он, все-таки.

* * *

На второй день мы кое-как поставили нашего героя на ноги. Он морщился, но мог передвигаться, а повязка почти не кровоточила, и это меня несказанно радовало. При перевязке, которую тоже пришлось отстаивать с боем, пациент попросил зеркало и внимательно всматривался в мою работу.

— Мне так раньше не зашивали раны. — проговорил он после долгого молчания. —

Новая методика какая-то?

— Вроде того. — я тщательно промазывала края зеленкой.

— А это лекарство? Я его тоже еще не встречал.

Да я и сама не в курсе, в каком году эту зеленку изобретут. По-моему, европейцы вообще без нее обошлись, но у нас экстренный случай.

— Зато действенное.

— И откуда же оно у Вас?

— Вы же в курсе, я работала в аптеке. Там у меня была возможность немного экспериментировать. — я уже закончила свою работу и теперь с ужасом смотрела на воспаленные края раны. Логика настойчиво намекала, что как по волшебству все бы за ночь не заросло, но видок все равно — не очень. Люська что-то еще рассказывала про необходимость дыхания кожи. Вспомнить бы...

— Экспериментировать? — каркаяще проговорил Тюхтяев.

— Ну да. — я встала и распахнула окно для проветривания. — Есть же всякие новые идеи у фармацевтов в мире, которые еще не апробированы в России. Жаль, без диплома мне не развернуться было... Но Вы не переживайте, все хорошо работает — я на себе проверяла.

И еще сотни миллионов детей в СССР могут подтвердить живительную силу зеленки при любых неурядицах.

Больной тоскливо уставился в потолок. Потом додумался до чего-то своего.

— И зашивали меня тоже Вы? — зрачки сузились, а брови, напротив, приподнялись над обычным своим местоположением.

Ох, как же ему хочется услышать отрицательный ответ.

— Согласитесь, лучше, чем та вышивка получилось?

Только шум внизу спас нас обоих от скандала.

* * *

Пришли мои инженеры, о которых я совсем запамятовала. Мы с ними пообедали, причем я вынуждена была все время помнить, что рядом со мной, буквально через десяток метров лежит статский советник, при котором уместны не все шутки. А мои гости — Оленищев, Аркадий Павлович Гугучев, плотный и величественный брюнет, и совершенно бесцветный внешне, но искрометно шутящий Дмитрий Михайлович Еремеев, племянник руководителя Русского минералогического общества, этого не знали, и потому себя не сдерживали. Вопреки всем опасениям работа над картой уже продвинулась настолько, что гипсовый уменьшенный вариант был готов, настоящий решили сделать размером два аршина длиной и один шириной, так чтобы поместить как можно больше минералов. На гипсовом макете карандашом разметили расположение пород, пересчитали их соответствие с нашими запасами, погрузили все добро в телегу и увезли в мастерскую. Конечно, я во всем этом процессе напоминала пятое колесо, но зато всем было весело. После ухода мальчишек стало как-то пусто и тихо — теперь формальный повод для встречи представится только когда все будет готово. Учитывая наличие у меня постояльца — неплохой вариант, но я уже привыкла к ним...

Тюхтяев пребывал в меланхолии. Температура тела в 37°C намекала, что процесс

лечения идет нормально, зато моральный дух пребывал в упадке.

— Вы пугаете меня, Ксения Александровна. — бесцветно произнес он.

— Полагаете, что я похитила Вас и удерживаю для опытов? — я не очень удачно пошутила, да он «Мизери» не читал.

— Нет. Но эти Ваши наклонности... Вы могли бы поступить в медицинский Университет, стать фельдшером, но не нарушать закон о врачебной практике... — неужели сам в это верит?

— При Его Величестве Александре Александровиче у меня было не очень много шансов на высшее медицинское образование, да и средств на него в моей семье особенно-то и не нашлось. — я с ногами, попирая все приличия, устроилась в кресле. Это оказалось удивительно удобным, надо будет его перетащить в кабинет. — А потом, Вы сами знаете мои обстоятельства. Скорее всего Николай Владимирович давненько уже попросил Вас собрать обо мне всю информацию. Когда бы мне что успеть?

— Но...

— А если бы я не обладала всеми моими знаниями или боялась их применять на практике, то Вы бы уже истекли кровью.

— Так-то оно...

— Будем считать, что это Вы так выразили признательность за то, что я смогла Вам помочь в трудную минуту. — неужели нет других тем для разговоров?

— Но раз Вы столько всего знаете, просто преступно закопать свой талант в землю. — с неуместной патетикой заявил он.

— Я подумываю над открытием фармацевтической фабрики, но средств, даже моих, на это не хватит. — призналась я. — На этом можно было бы успешно заработать, а если производить что-то, неизвестное в других странах — то и получить преференции в случае войны. Вспомните, какие были санитарные потери в Крымскую? Имей мы преимущества в медицинском обеспечении, могли бы расширить границы Империи еще тогда.

На самом деле, это стало моим диким разочарованием. До своего второго пришествия в XIX век я рассчитывала на быстрый поиск адекватного фармацевта, которому по сходной цене, а то и за процент от прибыли, смогла бы продавать рецепты. Потом стало понятно, что пока еще тут нет ни одной полноценной фармфабрики, и это стало моей идеей-фикс. Но все попытки найти подходящего проводника потерпели сокрушительный крах: ни врачи, ни фармацевты не желали слышать о любых, самых мизерных новшествах. Самая большая моя надежда была на графиню Ольгу, которой очень понравились обезболивающие. Если бы она надавила на мужа, то можно было бы... Но и здесь все глухо. На намеки Ольга не реагировала, а к графу лезть как-то боязно.

Перед сном я еще раз осмотрела швы — они неплохо подживали, да и вообще, создалось впечатление, что на Тюхтяеве — как на собаке... Он молчал, на вопросы отвечал односложно и вообще не проявлял всегдашнего добродушия.

— А где же Вас так угораздило? — задала я мучавший меня вопрос.

— Не берите в голову, Ксения Александровна. — поморщился пациент.

— А все же? — я поудобнее устроилась на стуле всем видом демонстрируя намерение встретить второе пришествие именно здесь.

— Да прямо на Моховой — я Его Превосходительству бумаги только завез. Даже не рассмотрел, пока с кучером договаривался. — с какой-то детской обидой на мироздание сообщил он.

Интересный поворот. Второй порезанный — и все рядом с господином Татищевым. А тут и граф приезжал что ли? Но оказалось, что губернатор сидел в Москве, а бумаги ожидали его приезда.

Ранним утром в двери заколотили. Мефодий стоял чуть позади, а разгневанный граф атомным ледоколом возвышался на пороге.

— Где он? — ни дать, ни взять суровый отец, застигнувший растлителя юной дочери.

— На втором этаже в комнате для гостей. Устинья, проводи. — распорядилась я. — И, Николай Владимирович, не очень его тревожьте, а то швы разойдутся.

Подслушивать не стала, хотя и очень хотелось.

Вышел губернатор из палаты мрачный, не глядя опрокинул солидную порцию коньяка, закусывать отказался и устроился на диванчике. Я успела прикрыть свой портрет-ню ширмой и терпеливо ожидала речи.

— Молодец, что выходила. — наконец выбрал тему для разговора. — Теперь он просто обязан на тебе жениться.

— Может не надо? — заканючила я. — Мы никому не расскажем о его лечении.

— Посмотрим. — отрезал родственник. — Соглядатаи твои небось уже напели начальству?

— Птички улетели еще до приезда Михаила Борисовича. Они из жандармского отделения были.

— С чего ты взяла? — вскинулся граф.

— Так, когда они уже надоели, я с Мефодием пирогов к ним отослала. Ну и подружились. Они вроде как следят, я вроде как подкармливаю. Но пару дней назад сгинули.

— Остроумная ты сверх меры, как я погляжу. Замуж точно надо. — резюмировал ошарашенный родственник.

— Боюсь, там со мной легче не станет. — парировала я. — Но у меня тут кое-какие догадки возникли. Вы велели сразу говорить...

— Ну? — он закурил, хотя я не очень поощряла подобное.

— Вряд ли жандармы решатся на откровенное смертоубийство, так что вашего покойника кто-то другой уложил. И как бы этот труп сам не из особого отделения был. Это, во-первых. Во-вторых, и неизвестного, и господина статского советника резали, а не душили или застрелили. Похожий тип покушений. Логично предположить, что это одно и то же лицо.

— Резон есть. — согласился гость и сам налил себе еще.

— Тюхтяева на той встрече не было, так что Вам виднее, кто еще может желать Вам зла. Михаил Борисович грешит на расследование Ходынской трагедии, но вряд ли кто захочет руки марать. Господин Пален же уже подготовил отчет, где во всем винит москвичей? Ему только это выгодно найти. А Сергея Александровича любая кара минует. Так что за все ответ нести будете или Вы, или господин Власовский. То есть он-то точно, а вот Вы не обязательно.

— Ты чем вообще голову себе забиваешь?! — громыхнул Татищев. — Выброси эти мысли все и думай про бабьи дела.

— Про них я тоже подумаю. Но за Вас очень переживаю. И при любом раскладе трупы вокруг Вас никому не вспонадобятся. Поэтому я могу предположить только один вариант — еще одно покушение. Господин Тюхтяев пока выбыл из строя, Вы достаточно много времени проводите на людях, из-за чего это удобно. Поэтому заклинаю Вас тем, что Вам дорого —

благополучием Ольги Александровны и детей — будьте осторожны.

— Эк ты накрутила-то... — нахмурился родственник. — Покушение... Господь меня доселе берег, и впредь управит...

Я только губы поджала. Упертый мужик, не сдвинешь.

— Ладно, понял я тебя. Поеду в Зимний, там у меня тоже дела есть, а ты тут за Тюхтяевым приглядывай. Дорог он мне. Говорит, ты в медицине разбираешься?

— Слегка. Вы же сами про аптеку знаете... — завела я старую песню.

— Да твой купец тоже торгует разным, а корицу с шоколадом сам не вырастит... — Он постучал по столешнице пальцами. — Вроде как ты лекарства новые на нем испытывала?

— Не на нем. Я их до него испытывала, а его уже так лечила. — чем вообще думала, когда решила на такую глупость? Вот что стоило просто повизжать в холле и вызвать доктора Полозова? Пусть бы он сам и разгребал все неприятные нюансы врачебной тайны и полицейских инструкций.

— Да, для третьего дня после ножа он у тебя неплохо выглядит... — с удовлетворением заметил граф. — И, говоришь, это в армии можно применять?

— Бриллиантовый зеленый — не сжигает кожу, но убивает всех возбудителей воспаления. Есть у меня еще несколько задумок, но там оборудование нужно и фармацевт образованный.

— Что ж... Подумаем... — граф обладает весьма светлым умом во всем, кроме женской интуиции и собственной безопасности.

— На этом можно заработать. — решила я. — Вот если бы Вы... Или кто-то еще, столь же авторитетный и влиятельный, открыл свою фармацевтическую фабрику, где изготавливал бы лекарства для армии — качественные, в больших масштабах, чтобы не было зависимости от способностей маленьких аптекарей — это бы позволило усилить нашу Державу. Да и для гражданских нужд тоже бы пошло...

Глаза графа расширились, что придавало ему некоторое сходство с птицей. Казалось, он совсем забыл уже утренний гнев и досаду. Ну давай, родной, давай заработаем вместе.

— Есть в твоих словах резон... Да только такое дело хорошо в войну идет, а у нас, слава Богу, мир. — он не спорит еще, но близок.

— Во время войны некогда будет производство налаживать, да строиться... — парирую я.

— И то верно... — он встал, прошелся пару раз по комнате. — Я к тебе вечером или с утра заеду. Поговорим еще.

И сгинул. Весь такой величественный, как старинный парусник. И устойчивости к невзгодам двадцатого столетия у него столько же — если не перестроится, то пропадет.

Я ждала до ночи, проснулась ранним утром, и опять уселась у окна. Не появляется на горизонте ни фамильная пролетка, ни казенная. Тоскливо и тягостно ждать неизвестно чего.

Даже Тюхтяева проводывала не столь часто. Он уже активно рвался двигаться и догулял до зимнего сада. Долго и нехорошо любовался на даму в перьях, сравнивал прически, родинки на руках и отмечал свежесть краски.

— Холст этот, Ксения Александровна... — несколько смущенно начал болезный поймав меня на лестнице перед обедом.

— Да? — зловеще протянула я.

— Неприличная картина для публичного обзора. Ее бы куда в приватное помещение вешать, коли уж так полюбилась.

Я плюнула и Мефодий перевесил холст в мою уборную. Там среди нарядов и самого веера она, конечно, уместнее смотрелась. Чтобы уж наверняка. Правда, к вечеру, переодеваясь к ужину я передумала и решила, что у больного должны же быть какие-то развлечения. Тюхтяев с непроницаемым лицом смотрел на новый предмет интерьера в своей комнате. Не комментировал.

Графа снова не было.

Я отправила Мефодия в Усадьбу и выяснила, что туда наш герой тоже из Зимнего не вернулся. Не арестовали же его, в конце-то концов?

Через трое суток изрядно помятый родственник почтил нас визитом.

— Ну будет, будет. — успокаивал он меня, повисшую на шее. — Я тут тебе новости хорошие привез. И много!

Для меня же лучшей было то, что встречаемся мы дома, а не в следственном изоляторе.

Накрыли ужин на троих, выставили много вкусностей для нас с графом и бульон и несколько кашниц для Тюхтяева. Тот тосковал, но терпел.

— Из Москвы мы переезжаем сюда! — громко извещил родственник. Ну Питер не Сибирь, малой кровью обошлись. — Должность губернатора в Москве упраздняют, все полномочия теперь у генерал-губернатора, ну да Бог ему в помощь.

Выпили не чокаясь.

— Власовского на пенсию отправят. — тяжелый взгляд в мою сторону. Я пожалала плечами: малой кровью дядька обошелся. — А меня товарищем министра внутренних дел. Вот, — он достал из-за пазухи конверт. — назначение.

— Радость-то какая. — показушно просияла я. Это ж теперь вся семейка будет в прямом контакте, и я от Ольгиных проектов не отверчусь.

— Да. Нелегко это все сложилось, — он потер висок. — но теперь уж решено. Тебя, Михаил Борисович, тоже переведем сюда. Глупость это — в Томск ехать в твои-то годы. Глядишь, остепенишься, корни пустишь...

Престарелый саженец покосился в мою сторону и углубился в тарелку.

— А куда заберу я твоего пациента, Ксения Александровна, а то не дело это незамужней под одной крышей с чужим мужчиной жить. — с показушной строгостью произнес граф, когда подали чай.

— Только чтобы кучер плавно ехал, без тряски. Пусть рану два раза в день мажет. И повязки чтобы свежие меняли. А швы снимать я сама приеду. — засуетилась я.

— Гляди, Михаил Борисович, как заботится. — рассмеялся господин Татищев.

Мы быстро собрали все пожитки пациента, он на прощание посмотрел мне в глаза и поклонился.

— Благодарю Вас, Ксения Александровна, за все. Я теперь Ваш вечный должник.

Я обняла его и отпустила обоих мужчин восвояси.

Вот, значит, как жизнь поворачивается. Это все, конечно, изменит мою жизнь, но к добру ли? Само собой, ссылка графа или опала точно прибавила бы хлопот и огорчений, но я привыкла уже жить без надзора... С другой стороны, всегда можно попросить помощи или денег, да и по-родственному оказаться на разных балах и приемах.

Так и не определившись в своем отношении к назначению родича, я отправилась ко сну.

Утром помаялась и все-таки поехала в Усадьбу проверять состояние больного. Граф пребывал в наилучшем настроении за время нашего знакомства: сброшенное с плеч губернаторство отчего-то только радовало и наполняло умиротворением.

— Чай будешь? — он с легким умилением наблюдал как я переминаюсь с ноги на ногу.

— Да я тут... Хотела посмотреть... Повязки проверить. — дома чудить проще.

— Да иди уже. — рассмеялся хозяин дома.

Тюхтяев был застигнут за поеданием жареной курицы, и я вызверилась на него по полной — как привыкла с Петей и почти так же, как с Фохтом по ту сторону нашего приключения. Тот смутился и все порывался спрятать тарелку под кровать, чем изрядно меня рассмешил. Рана была прекрасна — ни свищей, ни воспалений, чудесные корочки. Я потыкала ее в свое удовольствие и только потом заметила странное выражение лица Тюхтяева.

— Что-то не так? Больно? — всполошилась я.

— Нет. — он рассматривал меня как впервые. Потом взял мои руки в свои и поцеловал кончики пальцев. Сначала на правой, потом на левой. Медленно и очень чувственно получилось. Контраст очень жесткой щетины, горячих губ и пристальный взгляд, прожигающий до затылка, но не подозрительно или ехидно, как обычно, а совсем иначе, словно темный янтарь глаз плавился прямо сейчас. Даже дыхание перехватило — и это у меня-то.

Ну вот зачем, а? Так же все хорошо шло...

— Михаил Борисович! Это неэтично, когда пациент флиртует с доктором. — попыталась пошутить я. Вот только комок в горле мешает беззаботно похихикать.

— Так я же не всегда буду пациентом. — улыбнулся он почти прежней своей улыбкой.

— Если станете есть что ни попадя — надолго задержитесь в этом статусе. — строго произнесла я и отправилась восвояси. Почти что с достоинством, если бы еще не спотыкалась на пороге.

Викторианская мораль и ограничения в контактах между полами приводят к совершенно обратным результатам — мимолетные прикосновения становятся сильнейшим афродизиак, люди придают пустячным контактам излишнее значение. Ну вот почему меня до дрожи пробрало? Тюхтяев — мужик неплохой, но видов я на него вообще не имею. Неприятный шепот рассудка сообщал, что Тюхтяев — улучшенная версия Фохта: тот же сыскарь, но опыта поболее, не считает, что служба и я не совмещаются, знаком со всеми моими тараканами (ну хорошо, не со всеми, зато без скидок на мое происхождение), вкус имеет специфический, раз на меня позарился, графа, опять же, устраивает... Возраст, конечно. Зато мозги есть. То, что не красавец — это точно не главное в наше время. А почему бы и нет?

На обратном пути мне взгрустнулось и захотелось праздника. Город лениво переживал июльский зной, зная скрывалась на дачах, курортах и в имениях, и лишь совершенно маргинальные личности вроде меня шастали по магазинам. Хотелось радости, позитива, приключений... нет, про приключения можно вычеркнуть, я их тут уже на три жизни наелась.

Мне удалось по случаю прикупить корсет более яркой окраски. Судя по косому взгляду продавца, это не пристало даме из хорошей семьи, но если бы кто знал, до чего надоела эта монохромность в белье. Зато чулки с вышивкой не считались пошлостью, а еще появились чудные летние и осенние шляпки с флоральными мотивами, поэтому удалось оторваться аж на две сотни рублей. И когда Фрол еще денег пришлет? Несмотря на шестизначный баланс на счете было неприятно, что средства утекали куда быстрее, чем притекали обратно. То бы еще этакое придумать, чтобы денег заработать быстро и законно? Мои таланты в карточных играх не позволят поправить финансовое положение в случае чего, а потенциальные женихи сплошь бессребреники.

Вот к слову о них... Он стоял в элегантном серо-голубом костюме, с новой тростью и этой своей полуулыбочкой на перекрестке, так что обойти или сделать вид, что не заметила — не получалось. Да и секундная заминка, покуда я вспоминала как правильно дышать, вряд ли укрылась от него. Не краснеть уже поздно, так и пришлось гордо, задрвав носик к небу, отмерять брусчатку Невского проспекта.

— Доброго дня, Ксения Александровна! — ишь ты, даже котелок приподнял.

— И Вам всего наилучшего, Федор Андреевич!

— Могу ли я помочь Вам? — и ловко подхватил мои свертки.

Что остается делать? Скандальить на улице непристойно, так мы и направились в сторону дома с трилистниками. Долгая получится прогулочка.

— Как здоровье Вашего сиятельства?

— Превосх...Вашими молитвами! — я неловко соскользнула с камушка и подвернула ту самую многострадальную ногу. Не растянулась по мостовой только быстрой реакцией Фохта. Поймал меня, прижав к себе, обдал запахом одеколona, легкого мускуса и и чего-то еще, что присуще только ему. Если прикрыть глаза, то словно снова июнь, ночь, моя спальня. Я замерла и только выдохнула, когда меня поставили на пол. Ступать на ногу было невозможно, так и пришлось брать извозчика.

Ехали мы в напряженном молчании. Я, само собой, знала, что во всем права, а он — редиска. Хотя книженция «Жизнь в свете, дома и при дворе», прикупленная перед первыми визитами к московскому губернатору, но прочитанная только недавно, прозрачно намекает, что это я превратилась в женщину, утратившую социальное положение, а он-то ведет себя вполне пристойно.

Мой спутник легко выпорхнул из коляски, помог мне выйти, провел внутрь дома, занес покупки и замер.

— Извольте выпить чаю? — процедила я.

— С удовольствием. — он просиял на все 64 зуба и передал трость и котелок Мефодию.

— Устя, проводи Федора Андреевича в кабинет, а Демьян пусть донесет меня до спальни.

Демьян тащил меня бережнее, чем хрустальный сервиз. Я же любовалась его красотой и в который раз радовалась, что могу это делать просто так. Устя, вскоре прибежавшая ко мне, помогла перебинтовать щиколотку, переодеться в домашнее платье, персиковое, с глубоким декольте, и спуститься вниз. Удачно совпало, что кабинет ближе, чем гостиная, так как наш сомнительный статус знакомства официально позволял лишь деловые встречи. Раз уж служба не позволяет близость, пойдем официальной тропой.

Нам подали чай, и Устя лишь покосилась на нового гостя. Засилье мужчин в доме прислугой не осуждалось, но рады там были только графу. Всех прочих небезосновательно считали потенциальной угрозой нашему миру, и этот фронт явно не был исключением.

— Я не увидел Ваш портрет. — невинно осведомился гость между глотками чая. — Очень хотелось бы оценить шедевр.

— Я приказала его перевесить. — пришлось признаться мне.

— А что так? — невинно осведомился гость.

— Свет лучше.

— Ну да, Вы совершенно правы. — он церемонно отставил чашку. — Как Ваша нога?

— Уже лучше. — соврала я. Щиколотка заметно опухла, и пусть перелома или вывиха я не нащупала, зрелище не радовало.

— Позвольте? — он одним змеиным движением перетек к моей ноге, залез ладонями под юбки мои многочисленные, на что-то там нажал и боль отпустила. Пальцы чуть задержались, чтобы скользнуть от щиколотки к кончикам пальцев, но не более того.

— Спасибо. — на этот раз я обошлась без светской холодности.

— Всегда рад помочь. — он смотрел мне в глаза снизу вверх.

Помолчала, созерцая эти невозможные серые глаза. Причем настолько однородно-стальные, что даже прожилки иного оттенка не было. И вполне возможно было повторить прошлую ночь, что скрывать, одно движения пальцем ноги хватило бы сейчас, но ради чего? Ради повторных причитаний, что люблю, но не могу? А я — люблю ли?

Неужели все эти условности настолько въелись им под кожу, что мешают искреннему влечению, которое он, вне всякого сомнения, испытывает сейчас ко мне? Если сейчас прикоснуться к его губам, мы и до спальни не дотянем. Я же изучила его тело от и до. Даже с закрытыми глазами помню все. Вот жилка на шее идеально совпадающая с изгибом моего языка, и он обожает, когда я вновь проверяю это. Заостренная мочка уха, чуть солоноватая от пота после занятия любовью. И точно знаю, что под прохладной сейчас кожей появится лихорадочное дыхание, если проложить тропинку из поцелуев от одного соска к другому.

Подобные фантазии вряд ли не нашли отражения на моем лице, так как мой vis-a-vis тоже утерял ровное дыхание, а глаза чуть помутнели. Мои пальцы чуть дернулись в порыве дотронуться до него, но страх новой боли от «Мы не можем больше видеться» вернул ладони на место. А он все заметил. Чуткий мужчина, особенно где не надо.

— Вы обижены на меня? — тихо проговорил Фохт.

Наверняка, Мудрые Женщины, коих цельные стада ходят вокруг, но чьи сакральные знания сокрыты от меня навечно, знают сразу полторы дюжины текстов, после озвучивания которых любой мужчина принесет им руку, сердце и банковский счет в подобной ситуации, но мне неведомо, как правильно поступать. До сих пор ни одного правильного поступка с этим человеком в девятнадцатом веке я не совершила. Так что вряд ли стоит начинать.

— Нет, с чего мне? — с неожиданной горечью произнес мой голос. — Вы так все хорошо объяснили... На правду обижаются только дураки.

Он опустил взгляд и даже ладонь со ступни убрал. Резко, поэтому ощущение пустоты под ногой стало неожиданно резким. А я даже не обратила внимание, что до сих пор касалась его. Как-то заохлодало в июньскую жару.

— Мне лучше уйти? — избыточно вежливо, словно о фруктах беседуем.

— Воля Ваша, Федор Андреевич. — а тут у меня много эмоций вырвалось. Больше, чем я сама себе позволяла испытывать. Больше, чем показывала. Оказывается, не так уж у нас все просто было, не простая интрижка.

Ну пожалуйста, умоляю тебя, обернись. Вот просто обними и скажи, что все остальное ерунда и у нас все будет хорошо. Как угодно, тайно или явно, но будет. Пожалуйста, Федя...

Но это человек из другого теста, он медленно встает, не глядя на меня — и не отворачивается, и взгляд не поймает, разворачивается и уходит, чеканя шаги.

И было так горько созерцать его спину. Я второй раз плакала после его ухода. И если в первый верила, что все сделала правильно, то сейчас такой опоры у меня уже не было. И пусть я заслуживаю чего-то большего, чем эпизодические свидания под покровом ночи, но больно-то как, Господи.

* * *

Снимать швы с Тюхтяева я решила на восьмой день. Особой информации о сроках у меня не было, вообще этот раздел Люська, видимо, сдавала без особой помпы, поэтому сначала пришлось убедиться, что все затянулось, перекреститься, и осторожно разрезать и выщипать все нитки. Я с утра собиралась как на казнь, пытаюсь хоть как-то отложить пугающее. И придя в усадьбу, завела долгий беспредметный разговор с графом, потом попросила Сусанну переделать мне прическу, но так и пришлось встать лицом к лицу с белоснежной деверью.

— Здравствуйте, Михаил Борисович! — чуть подрагивающим голосом начала. Не очень удачно.

— Вашими молитвами. — он все никак не мог решить лечь или стоять.

Все же лег. Я подняла сорочку и буквально одним глазом поглядывая на ранение начала разрезать нити. Получилось быстрее, чем хотелось. Пинцетом начала вытягивать узелки и неожиданно дело пошло еще быстрее.

Вопреки ночным кошмарам, мучавшим меня накануне, вся конструкция не развалилась и не рухнула к вышитым туфлям петельками кишечника и умирающим в муках пациентом, так что первый опыт в настоящей медицине прошел вполне успешно. Мой восторг оказался еще больше, чем у пациента, особенно после того, как я призналась, что это мой дебют в хирургии.

— То есть как это — дебют? — господин Тюхтяев за ширмой одевался, но по такому случаю прервал этот непростой процесс.

— Ни разу раньше не зашивала мышцы и кожу. — не стоит сейчас делиться гинекологическими экзерсисами. — Зато получилось же! Вот что значит удача.

За ширмой неопределенно хрюкнули и в дальнейшем смотрели на меня с большой опаской.

— Ну что, жив? — весело поинтересовался граф.

Он в эти дни блистал жизнелюбием по неясным мне соображениям.

— Да, на этот раз выкрутился. — согласился Тюхтяев.

— А ведь говорил я тебе...

Что там такое говорил Николай Владимирович, мы не узнали, ибо на пороге усадьбы появился гость.

— О, это ко мне. — оживился пациент. — Имею честь рекомендовать вам доктора медицины Павла Георгиевича Сутягина.

Мы с графом устали на прищельца. Доктор Сутягин, невзирая на малозвучную фамилию, оказался весьма приятным человеком чеховского типа. О своем сходстве с живым пока еще классиком он знал, и всячески его подчеркивал, чем вызывал во мне нездоровое желание подшучивать.

— Его Высокопревосходительство граф Николай Владимирович Татищев.

— Очень рад знакомству. — поклонился гость.

— Вот, дорогой мой, наш ангел, ее Сиятельство графиня Татищева.

— Дорогая Ксения Александровна, я очень рад с Вами познакомиться.

— Ксения Александровна, господин Сутягин будет очень рад обсудить с Вами Ваши находки в области фармацевтики. — сияющий Тюхтяев раздражал.

Ну вот это-то зачем?

Для начала наше знакомство омрачилось тем, что господин Сутягин заинтересовался лечением моего пациента. Михаил Борисович с радостью продемонстрировал свое пузико, после чего я услышала реплики о том, что рана, по-видимому была поверхностной, и посему вообще не требовала хирургического вмешательства. Я взъелась и по памяти набросала на листке схему с указанием слоев тканей. Павел Георгиевич лишь снисходительно улыбнулся, небрежно упомянув о женской впечатлительности и склонности к преувеличениям. Совершенно непристойную перепалку погасил сам Тюхтяев, предложив изучить зеленку. И тут оно понеслось.

Доктор Сутягин не планировал слезать с меня живой. Его очень интересовало все, а я высказывалась крайне меркантильно. Из полезного и простого я слила ему аспирин и зеленку. Результаты медика воодушевили, и я начала любоваться им у себя ежедневно.

Для видимости пришлось в одной из пустующих комнат оборудовать потемкинскую лабораторию и даже начать вести журнал лабораторных исследований. Мне так везло на уникальные догадки, кто бы знал! После очередного совпадения Сутягин начал коситься в мою сторону и вскоре я застала его за сущим мистицизмом — паразит приволок в мой дом серебро и упросил дать сделать анализ крови.

Терпение мое лопнуло.

«Мой дорогой Михаил Борисович! Очень прошу урезонить Вашего приятеля, пока я не воспользовалась Вами же подаренным пресс-папье. Судя по всему, скоро он отречется

отъ современной науки и начнетъ примѣнять «Молоть вѣдьмъ». Причемъ начнетъ съ меня, а я еще такъ молода и совсѣмъ не повидала мiръ. Ваша добрая подруга Ксенiя Татищева».

— Николай Владимирович, сделайте с этимъ безумнымъ ученымъ что-нибудь. Я понимаю, что мои задумки надо было проверить, но онъ же потерялъ всякие границы приличий. Вчера спросил, не было ли у меня в роду вѣдьм, и представьте — проверялъ, отражаюсь ли я в зеркале.

Графъ громко смеялся.

— Ну, рара, с этимъ надо что-то делать. И вообще, я бы взяла с этого человека расписку о неразглашении. И пусть кровью распишется. — злобно шипела я.

Вряд ли кто веселил графа в эти дни так как я.

* * *

Вечеромъ Тютчевъ заявился вместе с докторомъ, попросилъ разрешения поработать над бумагами (словно в министерстве внутреннихъ дел кабинеты закончились, но я не докапывалась, увлеченная конфликтом, а Сутягин вообще опасался с ним ссориться) и будто бы растворился в нашей лаборатории. То есть мы с Сутягинымъ привычно препираемся, а его можно рассмотреть, только если знать, куда усадил. Удивительная способность, я так не умею.

Часа полтора статский советникъ наблюдал за нашими изысканиями, покачалъ головой и увел гостя с собой.

Сутягин вернулся через пару дней какой-то огорошенный, и вел себя намного тише. Будучи подпоеннымъ, рассказал, что провел незабываемую экскурсию по тайной тюрьме Его Величества и как-то не жаждет повторения. Подписал подготовленные стряпчимъ бумаги, и мы перешли к самому важному разделу — антибиотикамъ.

Для этого пришлось выгородить ему чуланъ в гостевомъ флигеле Усадьбы, оборудовать (хорошо, хоть за счет графа, на этотъ раз) нормальную лабораторию с вытяжкой и прочими прелестями быта и запустить туда на полный рабочий день. Даже прислуга графа уже привыкла к нему и по-своему жалела малахольного. В моихъ планахъ было к русско-японской войне успеть довести до промышленныхъ масштабовъ производство простейшихъ антибиотиковъ и шовного материала.

С докторомъ было откровенно скучно — вот Люська бы тут нашла себя, а я тосковала. Фармацевтика меня лично не увлекала как домашнее волшебство. Шкурный интерес в наличии хорошихъ лекарствъ и нормальномъ заработке с нихъ был, но вот часами и днями любоваться на процессъ — не для меня. Поэтому я периодически направляла поток мыслей ученого, а онъ уже сам там что-то дорабатывал. От прямого и постоянного контакта я отбрехала правилами приличия, а окружающие оказались слишкомъ тактичными, чтобы не намекать, что эти приличия уже были нарушены нашими первыми неделями знакомства.

Августъ оказался самым суматошнымъ, и я лишь на пару дней успела вырваться в Вичугу на могилу мужа. Раньше мне хотелось провести лето с Лазоркой в поместье, но теперь...

В середине августа Сутягин повторил мой пенициллин и былъ неимоверно счастлив. А я... Я уехала. Не очень вежливо получилось.

Как оказалось, про фармацевтическую фабрику я чуток припоздала — в Москве уже несколько лет работала фабрика Келера, которая и могла стать нашим первейшим конкурентом. Сильная сторона, которую я планировала эксплуатировать по полной — мои наработки в уже проверенных за столетие сферах, поэтому хотелось создать более прогрессивную лабораторию, но на нее требовались деньги, которых и у графа не было.

Опыты с пенициллином и потенциальные варианты его применения сдвинули скептицизм графа с мертвой точки и где-то в недрах государства нашлись источники финансирования покупки патента. За жалкие десять тысяч рублей мы с доктором продали права на Бактериофаг Российской Империи. Деньги поделили на три неравные части: половину мне, а половину распотрошили граф, как спонсор лаборатории и Сутягин, как раб микроскопа.

Вторым направлением нашей работы стал лучистый гриб и продукты его жизнедеятельности. Вот уже весь флигель усадьбы заполнился оборудованием, а в помощники доктору были наняты двое выпускников медуниверситета. Насчет них меня терзали смутные сомнения, но Тюхтяев свято верил в убедительную силу подземелий. На всякий случай сама я перестала ходить во флигель и теперь лишь встречалась с доктором у себя, где передавала свои наработки. Он удивлялся подобной паранойе, но граф поддерживал мое инкогнито, на том и порешили.

Дабы не особо увязать в дебрях антибиотиков, которые при примитивных технологиях получались не такими действенными, как мне бы того хотелось, начали штамповать всякое.

Начали с активированного угля — когда я рассказала графу об идее противогАЗа, он так воодушевился! Оказалось, что первые эксперименты с боевыми отравляющими веществами провели отнюдь не немцы на речке Ипр, а чопорные англо-саксы в Крымскую войну. Еще дед Петеньки в ту войну был серьезно травмирован подобным снарядами — вместе с адмиралом Корниловым поучаствовал в разборке «вонючей бомбы» и так и не оправился до самой смерти, потеряв голос, часть легких и слизистые на глазах и горле.

Какие, однако, пробелы обнаружились в моем образовании. То, что мы сляпали буквально на коленке, не очень было похоже на хороший респиратор, но вполне защищало от хлора и синильной кислоты. Хотя и знакомые графа из военного ведомства сомневались, в том, что найдется чудовище, способное применять оружие столь ужасающее, мы запатентовали это изобретение на его имя, а он выкупил у меня право претензии в обмен на 35 % от продажной стоимости. Потом граф подумал-подумал и решился на весьма отчаянный эксперимент.

Сначала попросил сделать дюжину противогАЗов. Как я догадалась к ним докинуть перчатки — не знаю, но после того дня насчет Николая Владимировича сделала далеко идущие и самые неприязненные выводы.

Мы выехали из города в крытой коляске. Стараясь не привлекать к себе внимания, я надела мешковатый мужской костюм, став похожей на ассистента Сутягина. Граф поджал губы, но смолчал. Тюхтяев правил сам — не хотели лишних свидетелей. И тут бы мне опомниться, повернуть назад — но куда там. Народ еще не начал стягиваться с дач, приезд графини и детей из Крыма ожидали не ранее сентября, и наша маленькая банда незамеченной отправилась на берег Финского залива. Тюхтяев был не очень доволен моим

участием, но причин не озвучивал.

На каменистой косе нас троих уже поджидал один из студентов, который привел туда корову, козу, расставил вокруг скотинки шезлонги и поставил непонятный предмет посередине. Ну не может же он... Я еще раз посмотрела на одержимый блеск в глазах графа и поняла — может. Этот — может. За отца он готов расплатиться как угодно.

— Николай Владимирович, Вы уверены, что это хорошая идея? — осторожно, как и надо с психами, уточнила я.

— Все превосходно. Я уже твой протогас испытывал.

— Противогаз... — обреченно поправила я и забилась в угол кареты.

Вскоре к нам подъехал еще один экипаж с тремя мужчинами в гражданском платье, но с явно военной выправкой. Граф заранее предупредил их о грядущем, поэтому они без слов позволили застегнуть на себе противогазы, даже перчатки натянули и я вспомнила, что и шеи бы надо замотать. Тут получилось так себе, только носовыми платками.

Шезлонги все же получилось отодвинуть от скота, хотя Николай Владимирович в запале предложил использовать бочонок с хлором вместо камина. А потом все произошло так, как должно было. Пустили хлор, заметались в предсмертных судорогах животные и сменился ветер. Студент-идиот не понимал, чем нам это грозит, а я успела только ударить поводьями по лошадиным спинам. У Тюхтяева это как-то элегантнее выходило, а я первый раз в автошколе лучше ехала. Группа смертников скрылась вдали. Пока я возилась со своими лошадками, военный кучер не успел понять, что происходит. Мои крики оказались заглушены противогазом, да и не особенно я в эту секунду о посторонних думала, если честно.

Так быстро все это... когда удалось чуть притормозить — в полукилометре от места стоянки, было видно, как лошади еще били копытами, а кучер уже лежит рядом. И я не видела, но точно знала, что на его посиневшем лице вывалился язык. Мутило, но плевать в противогазе...

Самое дикое, что сидящие ко мне спиной Их Высокопревосходительства даже не подозревали о том, что случилось за их спинами.

Я стянула противогаз, засунула его в сумку в возке, упаковала волосы под картуз, попрощалась с завтраком, потом умылась горьковатой водой и отсчитав примерно двадцать минут медленным шагом направила лошадей обратно. Остановилась подальше, сгорбившись на облучке. Граф все же отличается атипичным везением — ветер снова изменился и дул теперь в сторону залива. Надеюсь, что там нет припоздавших рыбаков. Да и с увеличением расстояния концентрация газа может уменьшиться до дискомфортных величин, верно же?

Первым снял противогаз Тюхтяев — жарко ему стало, видите ли. Оглянулся, на мгновение замер, коснулся ладонью графа, указал ему на источник проблем и бочком-бочком двинулся ко мне.

— Вы зачем разделись? — рассерженно прошипел он.

— Как ветер сменился, стало незачем. — медленно выдавила я.

— А эти? — он кивнул в сторону трех тел.

— Не успела предупредить — лошади понесли. — коротко я изложила события последних минут.

— Вы бы, Ксения Александровна, спрятались куда... — он осмотрелся и открыл сундук, в котором мы привезли противогазы и другой багаж. Пришлось втискиваться в тесный ящик и слушать голоса.

— ... преступление... — незнакомец?1

— ... непредвиденный фактор... — это уже студент.

— ... чудовищная сила... — незнакомец?2.

— ... это открывает такие возможности... спасение солдат на поле боя... стратегическое превосходство... — граф.

— ... убрать все... — незнакомец?3.

— ... сжечь... — Тюхтяев.

— ... вместе как-нибудь... — граф.

Двое военных остались там, чтобы вместе со студентом уничтожить улики, а самый высокопоставленный составил компанию графу. Ехали преимущественно в молчании. Дорога мне показалась куда дольше, чем утренняя.

— ... Дорогой граф, это была очень доходчивая... презентация... И я, конечно, рассмотрю Ваше предложение... Но мы все могли погибнуть!

— Нет! В этом-то и вся штука. — с энтузиазмом сектанта вещал родственник. — Защита от неминуемой гибели таким малым средством.

— Воля Ваша, Николай Владимирович, но не шути так более. — и сошел с повозки.

Цоканье копыт, поворот, подъем, медленный спуск — это очередной мост был.

— Где наша барышня? — произнес граф, все еще находясь в эйфории. Он вообще, в своем уме?

— В сундуке лежит. — ответил кучер.

— Как лежит?

— Живая, я ее спрятал от греха.

— Вот это верно... — успокоился родственник и мы до Усадьбы не виделись. Там повозку загнали на задний двор и только тогда я была освобождена.

— Ну ты видела?! — восхищенно повторял граф. Может при легком отравлении возникает такая реакция?

— Я все видела. Это было сочетание слабоумия и отваги. И просто чудо, что совершенно непроверенный эксперимент стоил жизни только одному человеку. — психанула я и опрометью кинулась за ворота. — Вы — взрослый, мудрый человек, а такое учудили!

Добежала до своего переулочка быстрее, чем на Лазорке, влетела в дом, прямо в парадной сорвала костюм, свернула его тюрнчиком и приказала оцепеневшему Мефодию взять его каминными щипцами и сжечь немедленно в лабораторной печи. Хороша же я была полуголая, нервно отдающая распоряжения между прыжками на лестнице.

В душе я оттирала себя до ссадин. Почему все получается настолько кривобоко? За каждый шаг вперед кто-то платит собственной жизнью, даже там, где без жертв можно было бы обойтись.

Тем же вечером мы с Устей отбыли в Вичугу. На вокзале почти столкнулась с Тюхтяевым, но поезд уже трогался, а статский советник еще разглядывал платформу, так что не свиделись.

За прошедший год усыпальница стала еще более строгой — по-видимому сменили садовника и теперь всюду английские газоны. Словно и не было никогда Петеньки с его искристым взглядом и кроткой улыбкой. Вот странно получилось — он, местный, исчез, как не бывало. Я — пришлица, устроилась так, словно жила тут вечно. Бестолковый обмен.

— Петенька, отец твой совсем с катушек съехал... — я сидела прямо на могиле, не

заботясь о сохранности платья и игнорируя мелкий дождик. — Он угробил человека и несколько животных, даже не обращая на это внимания. А я только к нему привязываться начала. Ты был прав, он очень жесткий. Дома бардак. В жизни — тоже... Лучше бы ты не умирал.

Свежая мысль, ничего не скажешь.

Дорога домой позволила побыть наедине с собой и привести мысли в порядок. Как бы я не ужасалась, поведение графа вполне рационально и укладывается в здешнюю мораль. А война, к которой мы готовимся, потребует много крови, и если нормальный противогаз спасет хоть несколько сотен жизней, то я уже не зря сюда вернулась.

Поскольку на этот раз в Вичуге меня приняли уже с большим доверием и даже передали отчет управляющего для графа, появился повод увидеться.

* * *

Я с тяжелым сердцем въезжала на Моховую. По уму надо извиняться, но...

Приняли меня, вопреки опасениям, хорошо, словно прошлого инцидента и не случилось. Естественно, вместе пообедали. Само собой, пригласили на ближайшее суаре. По причине отсутствия Ольги, я там даже хозяйку изображала для толпы незнакомых мужчин. Слегка пококетничать, немного помузицировать, занять непринужденной беседой — о, теперь мне это куда проще, нежели весной.

Граф избегал личных разговоров, зато вытребовал моего несостоявшегося поклонника.

— Рад нашей встрече, графиня. — тот прикоснулся к руке.

— Я тоже успела соскучиться. — почти и не вру. Он всяко нормальнее графа. Да и в толпе незнакомцев хочется хотя бы одного союзника иметь.

— Как съездили? — осторожно уточнил он.

Я уже выяснила у Мефодия, что статский советник навестил мой дом пока мы с Устей добирались до вокзала, а значит, бросился догонять. Зачем? Неужто беспокоился?

— Спасибо, благополучно. Этот день я всегда стараюсь проводить там.

Он опустил взгляд. Интересно, а сам могилу жены часто навещает?

— Не сердитесь на нас за тот случай. — ну хоть у одного совесть есть.

— Михаил Борисович, я поддалась эмоциям, о чем сожалею. — эту речь я уже перед графом откатала. — Испугалась сильно за вас всех. Конечно, необходимо убеждать других в необходимости противогазов, и спасенные жизни стоят риска, но...

Он погладил меня по ладони, но более не возвращался к личным разговорам.

После вечеринки вызвался проводить меня до дома, но беседовали мы о нейтральной теме — вручении Его Величеству минерального монстра. После коронации царственная чета с чадами и домочадцами фестивалит по всей Европе, так что ждем возвращения. У порога статский советник поцеловал мою руку, дождался пока я войду и откланялся. От чая-кофе отказался. А я безо всякой задней мысли сегодня предлагала.

* * *

Но жизнь не стоит на месте, и мы все продолжали общаться. Регулярно граф приглашал меня составить ему компанию за ужином, и по странному совпадению практически каждый раз там же оказывался и его любезный друг. Я потихоньку смирялась с этим альянсом, тем

более, что с таким неспешным ухаживанием так и умру в девках.

Время от времени хотелось встряхнуть статского советника и уточнить его намерения, но каждый раз я натыкалась на невозмутимую иронию во взгляде и бросала начатое. Еще и обсмеет, а мне на любовном фронте потерь в этом году за пятилетку хватило.

Но вот в середине сентября вернулась Ольга и надобность в регулярных встречах с графом отпала, зато появилось искреннее желание слышать эти его дурацкие шутки, участвовать в их с Тюхтяевым беседах, просто быть частью чего-то большего, чем собственная пустая столовая.

И теперь я не отказывалась от любого приглашения Ольги, сама вызывалась гулять с детьми, порой приглашала Ольгу к себе, и мы часами обсуждали крой одежды и, особенно, нижнего белья. Я тут нашла себе модистку, не скованную избытком консерватизма и плавно укоротила и панталоны и шемизы до непристойного, но кокетливо-очаровательного уровня. Оказалось, что и Ольга этим заинтересована, так что, надеюсь, графа эти открытия порадуют. По румянцу на щеках свекрови стало понятно, что да, принесла я хоть кому-то радость.

Тюхтяева графиня Ольга не особенно жаловала по неизвестным мне причинам, так что теперь я чаще встречалась с ее знакомыми, их сыновьями и племянниками, но дальше салонного флирта дело не заходило.

* * *

Двадцать третьего сентября граф исчез. Форменным образом провалился сквозь землю. Я заехала по очередному меркантильно-авантюрному проекту и встретила взвинченную Ольгу.

— Добрый день, графиня. Могу ли я увидаться с Николаем Владимировичем?

— Вряд ли. — Она комкала в тонких пальцах платок.

— Он занят? — все время работает. Вообще ни разу не видела его в праздности более двух часов.

— Да. — от батиста начала отрываться ленточка кружев.

— Тогда я могу подождать. — я устроилась было на диванчике.

— Ксения, — она прошлась вокруг. — не стоит ждать.

Поймала ее за вялые холодные руки, усадила рядом.

— Что-то случилось?

— Ах, я не знаю. Он впервые так. — и губы подрагивают.

Ну что? Вычеркнул меня из списков гостей что ли? Так это точно не впервые. Только сейчас вроде как не за что.

Она склонилась к моему уху.

— Он не ночевал сегодня.

Загулял? Наш праведный столп общества пошел вразнос?

— Возможно, его задержали дела службы? — состроила я пафосную мордочку. — Его должность и влияние требуют вникать во все-все государственные дела.

— Полагаете? — она просияла. — Конечно, а то я тут... Он же собрал бумаги и выехал, только не в своем экипаже, вот я и переживала. В кабинете до сих пор беспорядок.

— Конечно-конечно. — где же у нас такие интересные женщины, которые без бумаг не

принимают?

* * *

К ночи от Ольги пришла коротенькая записочка с просьбой отправить графа домой, если вдруг заедет.

С утра мы в дверях Усадьбы столкнулись с Тюхтяевым.

— Какими судьбами, Ксения Александровна? — просиял он всеми щетинками.

— Я не застала вчера Николая Владимировича, а очень хотела увидеть. Полагаю, что даже в Министерстве внутренних дел совещания не длятся трое суток.

В лице чиновника появилась озабоченность.

— Странно, я сам читал его записку, что он останется дома.

Синхронно повернулись к тяжелым резным дверям, переглянулись и статский советник пропустил меня вперед.

— Их Сиятельства сегодня не принимают. — отчеканил лакей.

— Любезный, это же я. — ошарашенно уставилась на всегда приветливого слугу.

— Не велено принимать никого.

Это что-то новенькое. Чума у них тут или эпидемия самого ядерного сифилиса?

— Хорошо, а в дамскую комнату я могу попасть? И горничную позови. — и двинулась не глядя вперед. Еще год назад не умела так, а сейчас ношу себя по волнам классового неравенства.

Сусанна опустив глаза стояла передо мной в тесной уборной.

— Милочка, у меня чулок сбился. Помогите.

Девушка удивленно бросила взгляд на идеально натянутый шелк, приняла монетку, и шепотом ответила на немой вопрос.

— Их Сиятельство не возвращался, Ее Сиятельство заперлись у себя.

Гордо проследовала мимо лакея, оперлась на локоть Тюхтяева и покинула враз переставший быть гостеприимным бело-желтый дом.

Уже становилось жутковато. Предчувствия большой беды пока не было, но и легкости на душе тоже. И страшное, холодящее чувство одиночества.

— Михаил Борисович, — я нежно уставилась в два замерзших торфяных озера. — а не прогуляться ли нам?

— Что-то произошло? — озабочено переспросил он, когда отказавшись от извозчика мы двинулись в долгий пеший путь. Пять километров вдоль набережной Фонтанки.

— Не знаю пока, Михаил Борисович. — Я покосилась на задумчиво-серое небо. — Вы не спешите?

— Всегда к Вашим услугам.

Вот интересно, это простая галантность, или все же что-то там в июне такое было? Иногда меня даже задевает эта ситуация — с графом он обсудил аж целое предложение, а со мной дальше невнятного флирта не двинулся. Я, конечно, понимаю, что здесь не приняты стремительные романы и знакомство наутро после секса — дурной тон, а уж мои отношения с Фохтом как-то на эталон вовсе не тянут, но недосказанность иногда напрягает. Может уже разочаровался в перспективах, и мы сможем просто дружить без дополнительных обременений? Мне таких отношений тут не хватает, но не спрашивать же его в лоб.

— Я бы прогулялась, куда погода позволяет.

Не поверил, а зря — уже пора бы перестать меня недооценивать.

— Михаил Борисович, у Вас же с Его Сиятельством сложились не только профессиональные, но и по-человечески теплые отношения, я правильно понимаю? — произнесла я, когда прелести города и погоды уже обсудили. А хорошо гулять вот так — прогулочным шагом, словно родилась в этих каменных лабиринтах. Еще бы повод был безобидный.

— Да, я имею честь называть его другом. — даже с некоторой гордостью произносит.

— Тогда, возможно, Вы в курсе, куда бы он мог запропасть на три дня?

Судя по глазам — не в курсе.

— Понимаете, вариантов-то не очень много. Единственная известная мне столь затянувшаяся его поездка состоялась летом, как раз, когда Вы изволили гостить в моем доме. — смущенная улыбка. — И тогда для подобного имелись предпосылки.

Некоторое время, минут десять мы резво шагали по набережной в молчании. Мой спутник настолько увлекся размышлениями, что я едва успевала за его шагом.

— О, простите. — он словно опомнился, когда я споткнулась и чуть было не растянулась на брусчатке. — Возможно, все же стоит взять извозчика?

— Ну уж нет, остались пустяки, не более трех верст. — сквозь зубы протянула я.

И выдюжила я их на одном упрямстве и честолюбии. А ботинки что, новые купим.

— Вы что-то знаете? — он начал подбираться все ближе.

— Я очень сомневаюсь, что его охватил порыв дикой страсти к таинственной, неизвестной всем женщине, заставивший забыть о службе, доме и элементарной осторожности.

— Да, это маловероятно. — согласился он.

Лично я не уверена в кристальной семейной верности господина Татищева, но уж сделать так, чтобы все сохраняли лицо, он точно бы смог. Да и уходить с бумагами, оставив бардак в кабинете — не в его стиле. Обыскивать я не пошла только потому, что не знаю, какие бумаги он вообще мог хранить.

— Вы же работаете некоторым образом вместе. По службе появились какие-то проблемы? — начала я пытаться профессионального следователя. Наивно, но попытаться нужно.

— Поклясться не могу, но мне такие неизвестны. — он осторожно обвел меня вокруг лужи.

Снова тишина и томительные размышления, несколько раз прерванные церемонными поклонами с останавливающимися экипажами, чьи пассажиры спешили выразить свое почтение и не всегда скрытое любопытство. Тюхтяев иногда представлял меня не пойми кому, я улыбалась, ловила ответные улыбки и немые вопросы — все же променады не обремененных церковными узами пар здесь повод для сплетен, а мы за час уже нарисовались, как могли. А уж учитывая, как променадом прошли перед фасадом здания на набережной Фонтанки, 57, эти разговоры еще долго будут ему аукаться. Ну и ладно, если что, граф отмажет, а если отмазывать станет некому, то обо мне и не вспомнят. Странно, но некоторые встречи происходили куда менее чопорно, и там меня уже не представляли.

— А тот случай на Заливе? — не любила я о том вспоминать, право слово.

— Полагаю, что последствий не имел. В этом заинтересовано сразу много влиятельных лиц, так что...

Он отвлекся от своих умозаключений и посмотрел на меня куда как более пытливо, чем в любой из моментов нашего знакомства.

— Вы считаете, что ситуация Николая Владимировича имеет отношение к Вашим изысканиям? — он испытующе уставился на меня.

— Разве что по случайному совпадению. — помялась, но доверять все равно придется только ему. — Здесь есть еще одно обстоятельство.

И снова брови домиком.

— Не знаю, возможно, Их Сиятельство скрывал это от всех, включая Вас, но сейчас чрезвычайная ситуация, верно?

— Уж куда как серьезнее. — и смотрит пытливо.

Посоветчалась с внутренним голосом.

— И Вы в случае чего постараетесь защитить честь графа?

— Даю слово. — всерьез обещает. Интересно все же, как у них тот разговор с графом происходил?

— Тогда нам лучше продолжить этот разговор в более уединенном месте.

Тюхтяев с изумлением посмотрел на меня и прибавил шаг. Я уже давно рассмотрела свой поворот, до него оставался почти километр, так мы преодолели это расстояние минут за десять, и практически влетели в дом с первыми каплями дождя. Рассмеялись, потому что по переулку практически бежали.

Устроила его в библиотеке. Попросила полчаса времени и бухнулась в ванну — ноги отказывались признавать наше знакомство и лишь массаж примирил их неизбежное единство с этой буйной головой.

Переоделась в домашнее, и пошла на сложный разговор. В конце концов, что мои неудобства на фоне грядущих семейных неприятностей.

Тюхтяев терпеливо ждал меня у глобуса. Если глубоко вдохнуть и не выпускать воздух из легких, то не так уж и страшно.

— В конце февраля Николай Владимирович пригласил меня развлечь своих гостей...

Я подробно пересказывала события той уже далекой ночи, давая ремарками свои впечатления и сомнения. Словно метроном, шевелились пальцы моего собеседника, отмеряя столбик непонятных значков на обрывке нот. Потом незаметно перебрался за стол, и я решила послать Устю в лавку за парой пачек бумаги — моих запасов может и не хватить этому бородатому принтеру.

Тюхтяева за работой со стороны я видела в первый раз. Он воодушевленно раскладывал листы и записочки в одному ему ведомую мозаику на столе, объединял их в группы, бормотал что-то себе под нос. Я уткнулась в скрещенные руки и даже не пыталась вмешиваться — ведь чуть-чуть сдвинь элементы — и картинка рухнет.

— Так что, Вы говорите, происходило на той вечеринке?

— В том-то и дело, что ничего особенного. Месье Луи-Огюст капризничал, но с удовольствием играл, американец брюзжал, сеньор Карло рассказывал мне об Италии и после нескольких проигрышей забросил карты.

— А господин Канкрин?

— Вообще не проявлял себя. Играл, пил, но немного.

— Кто привез Радолина?

— Граф Репин. Но они пробыли совсем недолго, мне еще показалось, что их визит был только для того, чтобы все увидели друг друга.

— Кто-то из гостей обменивался чем-то?

— Чтобы напоказ — не было такого. Я потом долго анализировала, не было ли тайного смысла в проигрышах и выигрышах, но как раз по поводу ставок господина переживали совершенно искренние эмоции, так что вряд ли...

Стемнело так, что пришлось зажечь лампы. Урчание в животе явственно намекало на ужин или его хоть какое подобие, но мой спутник был погружен в дипломатические интриги.

— Жаль, Вы сразу не рассказали все это... — проговорил он, когда я подошла поближе. Машинально прижал мою ладошку к щеке и углубился в перипетии международных отношений. Писал он с помощью шифра, который оказалось довольно таки непросто разгадать.

Пришлось подавать ужин прямо в кабинет. Думаю, если бы мне пришел в голову каприз подложить ему в жаркое живую лягушку — она бы прошла незамеченной.

К часу ночи мой гость только вошел в раж, заставив меня по пятому разу пересказать все, что происходило.

— И это все? — веки чуть покраснели, но взор цепок и пронзителен. Сюртук свисал с соседнего стула, волосы взъерошены — забавный.

— Относительно вечеринки — да. Остальное я могу считать только домыслами.

— Остальное? — он нахохлился поверх бумаг.

Я обреченно перевернула карту мира в раме с подложкой из пробкового дерева, которую приноровилась использовать в качестве доски и начала пришивать записки.

— 26 февраля состоялась та самая встреча. В ночь на первое марта возле дома графа был убит человек. Судя по следам вокруг трупа, он долго присматривал за Усадьбой. Возможно, это был грабитель, но не обязательно. Причем убили его так же, как и ранили потом Вас — ударом ножа. А за моим домом с 28 февраля и практически до Вашего ранения велась слежка. Вот из этого окна — показала ему на заветный пост. Но наблюдали Ваши сотрудники, так что я не думаю...

Могла бы выпустить щупальца, пройтись голышом по Невскому или вознестись живьем — удивления было бы меньше.

— А теперь Вы мне все рассказали? — сипло спросил Тюхтяев, расстегивая воротник рубашки.

— Теперь все. Вот вообще все. — за малым исключением, но оно точно к делу не относится. А с учетом одного ночного визитера будет уже два исключения, но оба Тюхтяева не касаются.

Он подошел к окну и внимательно изучил дом напротив.

— Там теперь семья живет. Милейшие люди — муж служит в Адмиралтействе, жена возится с детьми. — информировала я его из-за плеча.

Постоял, подумал, обернулся ко мне.

— Ксения Александровна, а почему Вы решили, что слежку ведут наши сотрудники? — вкрадчиво спросил он, держа меня за руки.

Интересный вопрос, верно?

— Мы подружились. Я их жалела и подкармливала. И как-то оно само выяснилось.

Говорить только правду. Но не всю. Пусть хоть каленым железом пытается — не ходил ко мне по ночам никто.

— Подружились? — да у него эти глубоко посаженные глаза скоро как у рака будут.

— Не знаю, как Вы, Михаил Борисович, а я привыкаю к людям. Мальчики день за днем сидят напротив моих окон, голодают. Естественно, мне кусок в горло не лез, когда я о этом думала. Ну и стала им к обеду немножко еды отправлять.

— Отличная тут дисциплинка! — процедил Тюхтяев. — И что?

— Ничего. Хорошие мальчики, не хочется, чтобы у них проблемы возникли.

— Не переживайте за них, Ксения Александровна. Этот вопрос я сам решу.

Ой, как я не хочу оказаться на месте этих наблюдателей.

— Но в архивах не было бумаг о наблюдении за Вами или Их Сиятельством. — он встал возле доски с восторгом открывая возможность экспансии записей на вертикальные поверхности.

— Может быть их изъяли, когда он получил назначение? — я зевнула, но попыталась это скрыть. Два часа уже. — Я прикажу постелить Вам в той комнате, где Вы гостили. Сможем продолжить утром.

— Да-да...

Уверена, что даже не услышал меня.

Утром просыпалась тяжело и долго. Усте было поручено поднять меня в шесть, но лишь к семи доползла до ванной. Ведерная кружка кофе — и могу предстать перед глазами моего гостя, но его и след простыл.

Вся доска покрыта кодами и шифрами, значит до утра просидел. Я сбегала в гостевое крыло — точно, постель разложена, но даже подушка свежа и первозданно гладка. Поглощая завтрак, я попробовала разгадать хоть что-то из написанного, но не получилось. Как я понимаю, он обозначает каждую букву сочетанием крестиков, галочек и точек. Значит нужно просто составить азбуку. Цифры, по-моему, предпочитает греческие, а их я могу посмотреть в словаре, благо накупила этого добра сверх меры.

Чаще всего в русском языке встречается буква «о», потом «е», «а». Из согласных, по-моему, «т». Но это касается современного мне алфавита, здесь насчет «е» не нужно переживать. Так что возьмем один листок, побольше, перепишем и начнем ваять. Часа через полтора я поняла, что вот это сочетание палочек и точки должно быть искомой буквой. И данное открытие мне особенно-то и не помогло.

Писал он столбиком, по-японски, значит и читать надо так же. Но как, черт возьми, прочесть эту галиматью?

Помог первый лист, на котором он поначалу конспектировал мой рассказ. Поскольку это оказалась обложка нотной тетради, я его запомнила.

Итак, двадцать шестое февраля — вот оно. Значит есть у меня буквы «о», «ф», «е», «в». Сокращает, значит. Отчеркнутое слово — и одна из букв крупная, значит имя. Кого я называла? Репин, Канкрин, Монтебелло, ди Больо, Радолин, Брекенридж, Трубецкой. И вот мы потихоньку нажили еще буковок. Да, не все, но остальное — уже вопрос времени. С компьютером было бы проще, но и так пару дней посидеть — разберусь. Бесхитростный человек, доверчивый.

* * *

Тюхтяев вернулся к обеду мрачный и неразговорчивый.

— Может быть больницы объехать? — робко предположила я.

— Нет его нигде. Ни его, ни Репина. — он в сердцах стукнул по столу. — И на что была эта скрытность?

Четвертый день. В мое время после двух суток безвестного отсутствия уже неприятные версии строят.

— Как думаете, они живы?

— Не волнуйтесь, Ваше Сиятельство. — гениальный совет.

Он обошел кабинет, издалека окинул взором схему.

— И что подсказывает Ваша интуиция, Ксения Александровна?

Ну раз уж надежда только на мои предчувствия, то дело, видать, совсем плохо.

— Наша интуиция рекомендует встряхнуть наших зоофилов.

— Кого? — он с изумлением уставился на меня.

— Поклонников той козочки.

* * *

Свидание с сеньором ди Больо назначили в приличном месте — у Кюба, за завтраком.

Мой поклонник за эти четыре месяца резко сдал, черты лица заострились, сразу стало понятно, что морщин у него больше, чем комплиментов, хотя за ними до сих пор дело не вставало.

— Графиня, я непередаваемо счастлив нашей новой встрече. — И целует лапку с едва заметной иронией.

— Я тоже очень скучала без наших бесед, дорогой маркиз.

Обсудили невероятную утрату, постигшую мировую музыкальную общественность — смерть композитора Антонио Каньони (кто это и стоит ли так сокрушаться?), дурную погоду и печальную судьбу предшественников.

— Сеньора, я в восторге от Вашей страны, но это форменное бедствие для уроженцев солнечного Юга. Здесь все так сложно, так дорого и столь строго!

— Не думаю, сеньор Карло, что так уж строго. — лукаво улыбнулась ему из-за яблока.

— Ох, сударыня, та история — пример исключительной иронии и самообладания одной юной особы. Полагаю, она стала свидетельницей недопустимого разговора.

Потушила взор.

— Я сам бы не придумал лучше на Вашем месте. И поделом мне, старому грешнику. Но прочие-то!!! Ди Бизио похоронил тут карьеру и был готов на путешествие в Калабрию или на Сардинию, но только не в Ваши туманы и снега. А Марокетти — безобиднейший коллекционер скульптур и картин. Подумать только, ему поставили в упрек именно тягу к прекрасному.

— Какие жесткосердные люди! — посетовала я.

— Луиджи Торниелли, — распаялся итальянец. — оказался куда предусмотрительнее меня. Он вцепился в Лондон и отказался перемещаться даже на одну долготу восточнее. Куртопасси, силен как бык, упокой Господь его душу, даже не доехал до Петербурга. Старик Нигра перекрестился на границе и зарекся сюда возвращаться. И вот теперь я гибну здесь!!! Один, совершенно один! В каждом посольстве по четыре-пять дипломатов, и только у нас двое, причем каждый мой помощник считает своим долгом забыть сюда дорогу после первого же отпуска!

— Ох, сеньор Карло, я так Вам сочувствую. В России люди вообще пропадают, это Вы совершенно верно заметили. — вздохнула я в ответ. — Даже мой рара уже несколько дней не выходит на связь.

— Граф? — ди Больо окончательно съезжился.

— И я очень обеспокоена... — прижала обе ладони к сердцу. — так обеспокоена! У меня никого не осталось, кроме него. Помните, я рассказывала, что мама оставила наш мир, когда я только появилась на свет, бабушка не перенес разорения, мой возлюбленный супруг покинул меня всего через считанные месяцы после свадьбы. Теперь Николай Владимирович — весь мой мир.

— Понимаю, это череда огромных утрат! — он передвинул стул, чтобы обнять меня. Я выдавила несколько слезинок и немного пошевелилась, а то сочувствие слишком акцентировалось на моем декольте и том, что четырьмя ладонями ниже.

Тюхтяев сидел в нескольких столиках от нас и прикрывал ладонью глаза. Ржал, по моему. Официант принес еще выпивки, и я помолилась на создателей таблеточек от опьянения. Через пару бутылок итальянский посланник ориентировался уже на мое состояние, не замечая своего, а я была бодра и трезва. Веря, что с ним тоже все хорошо, он расписывал свои рыцарские подвиги юности, выдавая несколько семейных секретов, способных капитально поменять имущественные отношения в поместьях вокруг Рима и Неаполя.

— Ах, если бы мне встретить такого рыцаря, способного помочь с моим рара!

Он решился на что-то и нацарапал несколько слов на салфетке.

— Но заклинаю вас, donna, не связывайтесь с этой историей!

— Сеньор Маффеи, Вы всегда будете моим героем. — чмокнула его в темечко и упорхнула.

Ну как упорхнула — хорошо откормленным и подпоенным индюком на бреющем полете проследовала мимо Тюхтяева и спряталась в холле за колонной. Тот подхватил все же зацепленную алкоголем тушку, и вдвоем мы вернулись в домик с трилистниками.

— А я ведь приглашал Вас для участия именно в таких авантюрах. — улыбался он мне по пути. — Вы же созданы для приключений.

— Ни одна печень не выдержит такой нагрузки, Михаил Борисович. — я неловко извлекла из декольте салфетку и мы склонились над ней.

«08/18 Paese Cheretovka».

— И?

— Шепетовка? — переспросил Тюхтяев. — Так там же в августе как раз преставился Лобанов-Ростовский, Алексей Борисович.

Я все еще не понимала.

— Покойный министр иностранных дел.

Да ну на фиг! Все как-то хуже и хуже получается.

— И как же они все связаны? То есть знакомы по службе, это понятно, но дальше-то что? — недоумевала я.

— А вот это теперь может рассказать только господин граф.

— Хорошо, а где покойник жил здесь?

Тюхтяев на минутку задумался.

— Вроде бы на Большой Морской у него дом был. Удобно — на одной улице с министерством. Своей семьи Алексей Борисович не оставил, так что все перешло

племянникам.

Мы добрались до моего дома, где я быстренько приняла ледяной душ и вот уже готова на любые подвиги. Он оставался в кабинете, но сквозь распахнутые двери мы могли переговариваться.

— Михаил Борисович, а господин Лобанов чем занимался? — поинтересовалась я приводя себя в относительно приличный вид.

— Дипломатией, Ксения Александровна. И весьма в этом преуспевал, осмелюсь заметить.

— И все? — быстренько просушила все еще отрастающие волосы, которые уже уверенно добрались до талии и заплела их в косу, которую уложила на затылке.

— Книги писал исторические. Эпохой Павла Петровича очень увлекался. И еще генеалогией интересовался. Ему от князя Петра Владимировича Долгорукова архие уникальный перепал. Очень уж интересные мысли о законности рождений там были.

Ой, до чего интересно.

— Князь был тот еще затейник, очень язвительный и остроумный. Накопил много информации о том, чьи жены от кого наследников рожали и посему выходили вещи прелюбопытнейшие.

— И с таким багажом своей смертью умер? — изумилась я.

— Да, а архив его выкупил агент Третьего отделения и передал Императору. Я тогда только служить начинал — очень изящная история получилась. Так все и затихло.

По-хорошему, логика увязывала профессиональную деятельность так удивительно не вовремя умершего министра и ту посиделку, но бумаги...

— Михаил Борисович, надо ехать. — постановила я и мы отправились на поиски дорогого товарища министра.

— Ксения Александровна, все же лучше Вам остаться дома. — пытался увещевать меня статский советник даже по дороге.

— Ну уж нет. — я для верности вцепилась в его ладонь. — Я в это дело его милостью влипла, так что дома отсиживаться поздно.

* * *

Зеленоватый трехэтажный дом в стиле позднего барокко приветствовал нас темными окнами. Я толкнула дубовую дверь и она неожиданно распахнулась.

— Позвольте. — он отодвинул меня в тыл и двигался с револьвером в руках. А я-то, дурочка, свой дома оставила.

— Михаил Борисович, а что, если тогда выкупили не весь архив? Что может быть в архивах того периода, что оказалось востребовано именно сейчас? Перед коронацией? Причем такого, что может заинтересовать представителей разных стран? — Мы оба шли ровно, но мой спутник после этой фразы аж споткнулся.

— Ксения Александровна, даже мысль об этом является государственным преступлением. — он с ужасом и возмущением смотрел на меня, позабыв о цели вылазки.

— Так мы с Вами и не мыслим. Просто предупреждаем возможные неурядицы. — блин, а я-то как рада такому повороту.

Весь этот познавательный разговор происходил в тишине прихожей, а вот за дверями

нас встретили, да еще как. Малость побитый граф привязан к стулу, и это сразу порадовало — живой. Господин Канкрин свободен, Репин тоже связан, а заодно гуляют несколько молодчиков определенного толка. Ну вот что за?

— Николай Владимирович, неужто за тобой пришли? — Георгий Александрович определенно куражится над старшими товарищами. — Теперь-то бумаги найти сможешь?

Вот сам граф Татищев мне рад не был. И благородному, пусть и бездарно организованному порыву — тоже.

— Николай Валерианович, женщину-то отпусти. — мрачно произнес он.

— С чего бы? Ты сам ее в это дело впутал. Можно подумать, когда на те смотрины ее всем предложил, не рассчитывал, чем дело закончится. Вы же с Иваном Алексеевичем на живца решили иностранцев брать? А на рыбалке живцу обычно не везет, верно? — эта благороднорожденная сволочь потрепала меня по щеке. — Ну ничего, мы ей тоже применение найдем. Хотя на что только макаронник позарился? Ни кожи, ни рожи.

Да уж, а ты-то прямо мистер Вселенная. Одни усы — и те теперь вызывали отвращение. А уж амбиций-то!!!

— Да если б я догадывался, что это ты воду мутишь, там бы и пришиб. — подал голос Репин. Вот уж кто, невзирая на возраст, держится молодцом. Такие старики и в революцию с гордо поднятой головой на штыки пойдут.

— Бодливой корове, Иван Алексеевич, Господь рогов недодал. А Вам уже самое время о душе подумать, о Боге. Исповедника я, уж простите, организовать не могу, но покаяться можешь хоть сейчас. Куда бумаги-то спрятали?

— Нет этих бумаг в помине. Фальшивка была. — сквозь зубы процедил мой родственник.

— Фальшивка? Что второго наследника престола тайком посвятили иудейскому Богу взамен чудесного исцеления от скарлатины? С заверениями раввина и свидетелей! Лобанов вот тоже отпирался, аж до самой смерти своей. Не юли, граф, лучше вспоминай побыстрее. А то уж и короновали отродье нехристя, а так-то еще много что в мутной воде выловить можно.

Даже сомнительного происхождения подобная бумаженция дискредитировала бы престол так, что не отмылись и за пару десятилетий — незаконная коронация, огромный скандал. Чисто гипотетически в семье могло произойти все — Александр Александрович не был первым наследником, и любовь его матери всегда была сосредоточена на старшем, Николае. И будущему государю страна досталась вместе с невестой покойника, недовольством родителей и прочими обременениями. Ежели бы он в детстве сильно захворал, то могли заплатить такую цену? У меня нет своих детей, но даже до пробуждения материнского инстинкта могу поклясться, что перед лицом смерти малыша я бы обратилась хоть в католицизм, хоть в вуду. Тут, конечно, нравы другие, но матери-то прежние...

А ведь владельцу подобных бумаг удалось бы руководить отечественной политикой, признать ничтожными практически все решения и договоры, особенно международные соглашения, начиная аж с 1881 года. Так что пара пропавших графов, одна неблагополучная графиня, незадачливый сыщик и несколько безымянных трупов — копеечная цена за подобную власть.

И на политическую арену выйдут совсем другие люди. Кто там у нас остался от той ветви? Гурман, покровитель изящных искусств и сенатор Владимир Александрович (трое сыновей и дочь), блистательный московский губернатор Сергей Александрович, самый

сухопутный адмирал Алексей Александрович (один сын, рожденный в непризнанном или не зарегистрированном браке), опальный влюбленный Павел Александрович (малолетние дочь и сын), у которого уже изъяли детей, а сам он дни считает до своего морганатического брака? Это сейчас они — просто старшие родственники императора, а случись всему всплыть — и брак Александра Александровича, и права его детей даже на фамилию — окажутся ничтожными.

Чем вообще думал граф, когда вляпывался в эту авантюру? Здесь же за один факт знакомства с подобной историей род зачистят до внуков и будут правы. Я осуждающе смотрела на родственника, и он вряд ли нуждался в словесном дополнении.

* * *

И покуда нас с Тюхтяевым связывали, надевали мешки на головы, и вели в непонятном направлении, ощущала на себе горящий взгляд, полный досады и огорчения. Я вот тоже огорчилась, получив щедрую порцию щипков, тычков и облапываний в разных местах. Кто-то одернул моих надсмотрщиков и нас просто втолкнули куда-то. Судя по звуку удара и короткому стону, Тюхтяеву досталось больше, чем мне. А я что — просто пролетела несколько метров и кубарем прокатилась по дощатому полу.

* * *

Из всех моих дурных идей эту стоило признать абсолютным лидером. Несколько нелепых поступков — и я подставила под удар не только собственную жизнь и благополучие, но и судьбы других людей. И пусть я не была тeneвым лидером в этой игре — уходить с доски тоже нужно умеючи. Пора уже признать, что моя миссия на планете подошла к бесславному финалу. Я кое-как подползла к ближайшему телу, которым оказался статский советник, и пристроила голову на плечо. Умирать не хотелось, но раз уж это неизбежно, с ним как-то надежнее. Из-под мешка почти ничего не было видно, но своего человека я узнала на ощупь. Несколько минут царила тишина, а потом тело начало оживать. И пусть этот процесс не имел уже особого значения, я порадовалась — лежать в подвале с трупом было бы совсем тоскливо.

— Ксения Александровна? — спросил он свистящим шепотом. Видно повязка оказалась слабее моей.

Я кивнула и промычала что-то утвердительное. Тюхтяев потерся головой о мой затылок и сумел освободиться от мешка. Зубами стянул мой и я уставилась на него — последнего героя этого приключения. Он даже с моим кляпом справился.

— Михаил Борисович, простите, что я Вас сюда притащила. — опустила я глаза.

— Ничего, Ваше Сиятельство, мы еще поборемся.

Он исхитрился ослабить путы на моих руках так, что я выдернула из комка веревок левую ладонь, а потом правую. Теперь я уже смогла помочь ему. Пока развязывала, осознала, что представления о мужской привлекательности у меня изменились, и теперь в топ-рейтинге кареглазые волшебники с темно-медными волосами. Погладила его по щеке, за что удостоилась чуть ошалевшего взгляда.

Осмотр подвала показал, что нам придется ждать пока кто-то откроет навесной замок на двери, а дальнейшее Тюхтяев брал на себя. Ожидание затянулось. Мы нахохлившись воробьями сидели, прижавшись друг к другу — отоплением тут не баловали.

— Вы, Ксения Александровна, главное — не переживайте. — повторял сокамерник, чем вселял все больше беспокойства.

Наши пальцы соприкоснулись совершенно случайно, но как поддерживает это тепло, когда все прочее настолько бесперспективно.

— Нас убьют? — спросила я. В моё-то время это не вызывало бы никаких сомнений — сгинули бы мы в неизвестной автокатастрофе. А тут пока непонятно, в каком стиле подобные вопросы решают. Хотя Нева глубока, а Финский залив гостеприимен, да и болот окрест столицы в изобилии.

— Вас-то вряд ли. — с неожиданной прямоотой ответил он. — Все же господа Маффеи ди Больо и Монтебелло важные персоны, а Вы им интереснее живая, так что для наших новообетенных товарищей Ваша жизнь представляет интерес.

Сомнительное счастье быть таким ценным активом, но тюхтяевские перспективы явно хуже. Не скрою, еще не покрылось пылью время, когда я согласна была на любую авантюру, лишь бы господин статский советник оставил меня в покое. И вот мечта сбывалась прямо на глазах, а я все отдам за то, чтобы перенестись в Москву накануне Ходынки, и пусть бы ссорились, но быть причиной его гибели — ни за что.

Тюхтяеву не удалось обнаружить в этой комнате ничего, что можно было бы использовать как оружие. Обыскали его тоже тщательно, так что шансы на спасение могли бы появиться, приди за нами лишь один враг — пьяный, глухой и слабовидящий. Но как рассчитывать на подобную удачу?

Поскольку я не переставала чувствовать собственную вину за случившееся, то и сделала первое, что пришло в голову. Тюхтяев с изумлением и неодобрением смотрел как я расстегиваю верхний жакет, корсаж, лиф, потом корсет, оставаясь в одной шемизе выше пояса.

— В корсете — стальные косточки. — пояснила я чуть остолбеневшему сокамернику.

Он быстро сообразил, покраснел до кончиков ушей, даже вспотел, разодрал мой чудесный французский корсет — кружево ручной работы, идеальная посадка на фигуре, полторы сотни рублей — и пристроился затачивать край одной из пластинок на камне у двери. Я не спешила одеваться — полуголая женщина точно отвлечет внимание посетителей на пару минут, которых ему должно будет хватить. Подобный план Тюхтяеву не понравился сразу по нескольким причинам, но прочие оказались куда более самоубийственными.

— Это нарушает все правила приличия, Ксения Александровна!

— Наши посиделки здесь тоже mauvais ton^[13]. - буркнула в ответ.

— Как я Вам и себе потом в глаза смотреть буду? — решил он на последний аргумент.

— Радостно. Живым оно проще. — ну я пока еще рассчитываю на эту возможность.

— Но эти люди увидят Вас... такой... — с отвращением осмысливает произнесенное.

— Случись с Вами что, мне в любом случае предстоит малоприятное тесное общение с ними, Вы же понимаете. — горько констатировала я, теперь уже осознав это. — Так что лучше перетерпеть взгляды, чем...

И снова все смолкло.

— Холодно же. — обронил он, старательно пряча от меня взгляд.

— Можно потерпеть. — возразила я, хотя от раздевания или легкой паники начала уже

поддрагивать. — Когда выберемся, обязательно надо устроить праздник по этому поводу. Камин велю натопить, чтоб как летом было жарко.

Он снял с себя сюртук и осторожно накинул на меня. Грудь уже отвыкла от прохлады и горошинки сосков четко обозначились под тончайшим батистом (а ведь могла бы и шерстяную надеть, да что там, могла бы и снаружи посидеть, а потом позвать на помощь, коли мозгами бы не была обделена при рождении), поэтому покуда он заходил со спины, дабы не смущать, получилось куда более возмутительно. Я обняла его руки, и мы оба замерли в бесконечно долгую минуту. Пока поворачивалась к нему, чтобы уткнуться в уютное широкое плечо, поймала грустный и немного безысходный взгляд. Да он же сам не верит, что мы выберемся! Сложно смотреть снизу вверх на того, кто равного с тобой роста, но я справилась.

— Вы их победите, я знаю. — прошептала ему на ухо и почувствовала тихое, почти невесомое прикосновение тяжелого дыхания к моим волосам. Возможно это наш последний шанс попробовать. Не время, не место, вот только даже через час станет необратимо поздно, и если уж мне светит секс перед смертью, то хочется для начала самой выбирать партнера.

Его губы чуть-чуть отдавали кровью, но оказались нежнее, чем можно было предположить. Значительно это оказалось лучше моих ожиданий. И борода вовсе не мешала. Широкие сильные ладони вначале робко, но с каждой секундой все увереннее скользили по моей почти голой спине, направляя жар по телу все ниже и ниже. Я выдохнула и запустила пальцы в его волосы, погружаясь в близость. А Вы, господин статский советник, из тех, в чьем тихом омуте водятся весьма себе сексуальные черти. Я уже настолько плотно прижата к Вашему телу, что становлюсь его частью невзирая на остатки одежды. И хочу стать этой частью, возбужденная опасностью, страхом смерти, им самим. Зайти дальше нам не удалось — за дверью слышались шаги и негромкие разговоры.

С неохотой он расцепил объятия, я тоже не хотела расставаться с теплом живого и почти родного человека. Рванула шемизу на плече чуть сильнее, чем надо, отчего стало еще свежее. Устроилась на полу в нескольких шагах от двери, подложив жакет и лиф под голову — юбка задрана выше колен, сияют кружавчики панталон, венчает все это полуобнаженная грудь. Теперь прикрыть глаза и чуть откинуть голову — чтобы и соблазнительно, и беззащитно. Тюхтяев покачал головой и затаился рядом с дверным проемом.

— Ух, кака курва! Праздник у нас, ребя!

Вошедших было трое и все они оправдали мои надежды. Глядя на готовую ко всему доселе недоступную женщину, демонстрирующую свои прелести так, как не все шлюхи делают, у здоровых сравнительно молодых мужчин мышление сработало абсолютно однотипно. Тюхтяев был забыт, да что он — любой из соратников стал конкурентом, поэтому первые двое с восторгом рванулись ко мне пропустив хрип из перерезанного горла товарища. У него же Тюхтяев разжился револьвером, но стрелять не стал, а деловито приложил обоих горе-наильников по оказавшимся не такими крепкими головам. Я с помощью сокамерника выползла из под самого прыткого, наспех оделась, пока Тюхтяев обыскивал гостей и связывал выживших, а затем мы рванули на свободу прямо по кровавой луже.

Выяснилось, что дорога с мешком на голове куда дольше, так что из подвала мы выбрались почти сразу, а вот наверху все оказалось намного интереснее.

Тюхтяев разрывался между стремлением спасти меня, заперев где-нибудь, и тягой к возмездью. Я бубнила, что не останусь одна, потому что только с ним ощущаю себя в

безопасности. Трудно было спорить с тем, что наедине с противником из меня боец не очень, да и в довесок к статскому советнику — тоже обуза. И логичнее всего было бежать отсюда сломя голову, что и стоило бы сделать. Но пока мы спорили, судьба решила выдать очередной пендель. В одной из соседних комнат раздались голоса, одним из которых оказался мой итальянский поклонник.

— Мое руководство согласно выплатить вознаграждение за документы.

— Вот и замечательно. — Канкрин совсем кукушкой отъехал если думает, что ему все это с рук сойдет. — Утром жду. Лично для Вас еще могу сувенир приготовить.

— Сувенир? — Карло так и не успел выучить язык.

— Сувенир-сувенир. Тебе понравится. — хлопнул по плечу гостя. — На один круг и тебя возьмем.

Мы с Тюхтяевым переглянулись и он опустил взгляд. Ясно, что не из статского советника презент для иностранца делать планируют.

* * *

А дальше все понеслось быстрее, чем я успевала заметить. Открылась дверь прямо в стене, откуда появился Канкрин, изумившийся внезапной встрече. Началась стрельба, я только успела рухнуть к ногам своего спутника, причем не сама, а от резкого рывка многострадального платья. Когда дым рассеялся, оказалось, что Канкрин легко ранен в руку, а вот несчастный итальянец попал под перекрестный огонь и теперь сжимал багровое пятно на животе.

Я подбежала к нему, рванула одну из нижних юбок, чтобы заткнуть рану.

— Прекрасная смерть — рядом с красивой женщиной. — пробормотал он и потерял сознание.

Тюхтяев освободил графа и Репина.

— Подумать только, Алексей Борисович хранил столько тайн, а погорел на увлечении генеалогией. — изумлялся мой родственник, потирая затекшие руки. Минут через двадцать дом заполнился людьми в темных мундирах, с которыми объяснялся сам граф Татищев, причем делал это в резких выражениях.

Подтягивались все более и более именитые гости, каждый из которых изумлялся произошедшему, наконец граф свалил всех новоприбывших на Репина и Тюхтяева и обратился ко мне.

— Домой, сейчас же.

Родственник набросил на меня чей-то плащ и уверенно повел к экипажу, а я смотрела в глаза Тюхтяеву — моему потрепанному герою, облепленному людьми в мундирах и без.

* * *

Состояние итальянца было настолько ужасным, что перевозить в Рим его не решились, и он тихо угас через несколько недель под седым небом российской столицы. Прав он оказался, слишком суровые здесь условия для уроженцев Апеннинского полуострова.

Канкрин же был госпитализирован в закрытую психиатрическую больницу той же

ночью, где и провел остаток жизни в полной неизвестности. А мы, невольные заложники чужой фантазии — «вспомнили» о разухабистой многодневной вечеринке в загородном доме графа Репина, о чем дали соответствующие расписки для людей безликих и малосимпатичных.

Поскольку я пила полночи после счастливого освобождения — понимала, насколько тонкой гранью прошла, и как глубоко залезла в кредит удачи, а поэтому надралась еще покуда оттиралась в ванне, то следующий день прошел в грусти и созерцании. Сначала несколько часов каталась на Лазорке, одуревшей от такого променада по паркам — заодно лошадка раскрутила меня на пару корзин яблок и казалось, готова была ратовать за еженедельные похищения хозяйки. Но потом пришлось возвращаться и чем-то занять руки и голову, а то во снах финал вчерашнего оказывался не таким благодетельным. Сидя на подоконнике гостиной, я перебирала струны и напевала всякое разное из очень отдаленного будущего, отдавая предпочтение черному юмору.

Визитера я углядела еще до того, как он расплатился с извозчиком, поэтому успела отдать распоряжения прислуге насчет чая и молниеносно переодеться в нарядное, по самые уши закрытое платье из тяжелого серого шелка со сравнительно узкой юбкой и изощренно задрапированным черной сеткой с серебристой вышивкой лифом. Не было вчерашнего стриптиза. И остального тоже не было.

Тюхтяев ждал меня в салоне с большой коробкой из Гвардейского экономического общества и солидным веником красных роз.

Я лучезарно улыбнулась, протянула руку для поцелуя и устала на подарок. Не было вчера ничего, главное самой про это помнить.

Гость проследил за моим взглядом, смутился и осторожно отодвинул короб подальше.

— Это Вам взамен... Вчера я нанес ущерб Вашему гардеробу.

Бог мой, он мне белье дарит! Как кокотке!!! Надо бы возмутиться, оскорбиться, можно даже от дома отказать — и светские правила именно этого и требуют, но мне вдруг стало так смешно.

И я смеялась, смеялась, смеялась, потом уже плакать начала, не замечая того, как он пересел поближе ко мне и обнял. Букет покотился по полу, а в истерике уходило все напряжение последних дней, вчерашние переживания и страхи.

— Ну будет, будет. — поглаживал меня по спине гость.

Наконец я успокоилась, сбегала в уборную, привела себя в относительный порядок и вернулась.

Мой гость подобрал многострадальный букет и стоял с ним наперевес. Это вот что тут у нас происходит?

— Ксения Александровна! Я осмелился просить Вас... — он неловко встал на одно колено. — оказать честь стать моей супругой.

И кольцо приготовил. Симпатичный, кстати сказать, ободок из ажурного золота с небольшим темно-голубым камнем.

Я молчала и внимательно изучала его, словно видя впервые. Хороший же мужик — неглупый, порядочный. Зачем я ему? Не настолько велико мое приданное, чтобы терпеть рядом обезьяну с гранатой. Не так плохи его отношения с графом, чтобы их укреплять браком со снохой. После эпизода с дипломатами я не верю во внезапно возникшую страсть.

— Вы действительно хотите стать моим мужем? — с неуместной подозрительностью уточнила я.

— Да.

— По собственной воле? — ну а вдруг его граф ухватил за что нежное и давит? Я вчера такая расхристанная с Тюхтяевым вышла, что все догадки о нас малопристойны.

— Естественно. — он перестал волноваться и слегка расслабился.

— И Вы отдаете себе отчет в том, что из меня не получится тихая уютная женушка для салонных вечеринок? — продолжала выставлять красные флажки я.

— Ксения Александровна, я уже так подробно с Вами познакомился, что подобной иллюзией не страдаю. — улыбается с нескрываемой иронией.

— Если Вы считаете себя обязанным из-за вчерашнего, — я чуть покраснела, когда выдавливала это из себя. — то не стоит.

— Ксения Александровна, я с трепетом отношусь к женской чести, но если бы обращал внимание на такие условности, то сделал бы предложение еще в мае, когда Вы изволили оказаться со мной ночью в спальне. — ехидно произнес он.

— Тогда зачем Вам этот брак? — невежливо, но искренне.

Он пожал плечами и улыбнулся.

— Хорошо. — это как рубить хвост собаке по кусочку. — Я должна подумать и дам ответ... на днях.

Михаил Борисович с видимым облегчением поцеловал мне руку, чуть прижав пальцы и встал.

— Так я могу надеяться...?

— Само собой. — я вертела в ладони коробочку с кольцом.

Он поспешно откланялся, оставив меня в глубочайшей задумчивости. Замужество. Стану я госпожой Тюхтяевой. Что-то там было такое про сохранение титула женщиной в мезальянсе для себя, но неспособности передать его наследникам, равно как и незаконнорожденным. Так что не нарожать мне графьев Татищевых, разве что Ольгу утробить... Да и тогда по закону нам венчание запретят. Тюхтяева, значит... Стабильный социальный статус, положение в обществе — как у любой замужней дамы, теплое и уважительное отношение мужа. Опять же, монограммы на белье перепарывать не придется.

Ну не влюблена же я в того мнительного барана? Пусть даже и так, кто он, чтобы ломать мне мое превосходное стабильное будущее? К утру я уже начала обдумывать фасон свадебного платья и маршрут медового месяца.

* * *

С утра мне доставили коробку вкусняшек. Куда более весомый аргумент, чем цветы, честно говоря. Я в утреннем неглиже полдня просидела у камина поглощая шоколадные конфеты с марципаном, когда Демьян торжественно, на серебряном подносе внес карточку моего поклонника. Торжественно-то как все.

— Проси. — велела я и отправилась переодеваться.

Снова строго оделась — что-то меня до сих пор смущала та сцена в подвале. И кружевная блузка с высоким горлом словно отгораживает меня от непристойного поведения в подвале. Когда тревога отступила, пришло время приличий. Это в моем прошлом массовая культура транслирует сценарии бурного секса в любых экстренных ситуациях, а здесь несколько иные стандарты женского поведения.

Гость с опаской смотрел на меня, пытаюсь угадать настроение. Интересно, его больше

испугает отказ или согласие?

— Михаил Борисович, я нахожу несправедливым то, что так мало знаю о Вас, в то время, как Вам ведомы даже цвета простыней в моем доме. — ошарашила я его после церемонии приветствия.

И следующие несколько часов посвятила инспекции жизни господина Тюхтяева.

Ему уже сравнялось сорок семь — староват по местным меркам, но не мне бы комплексовать из-за разницы в возрасте. Сто тридцать девять — это ненамного хуже, чем сто двадцать восемь с Федей. Да что там, Петенька опередил меня на сто двадцать, и это не мешало мне им верховодить. Тут это вряд ли выгорит, конечно, но в любом случае возраст не главная помеха.

Родом мой наречённый оказался из семьи небогатых дворян Смоленской губернии, имел сестру — давно и многодетно замужнюю в Иркутске. Господин Тюхтяев-дед сам выслужил себе личное, а после — потомственное дворянство еще в Отечественную войну, так что глубоко в генеалогические завитки копать не придется. Был женат, о чем родственник разок рассказывал, но брак оказался бездетен и шестнадцать лет назад его супруга мирно скончалась. Как я посмотрю, существенной скорби по ней он не испытывал, хотя кто знает, что за мысли посещают эту рыжую голову?

— Михаил Борисович! — о сложных вещах не стоит спрашивать за едой, но когда-нибудь бы пришлось все равно...

— Да? — насторожился мой гость.

— Покажете свою службу?

Он аж поперхнулся и я подбежала постучать по спине, сама поднесла стакан воды. Заботилась, как могла.

— А что Вы ожидаете увидеть?

Очень кстати вспомнилась история о генеральской дочери, любившей слоников, но до этого анекдота нам с графом противогазы надо еще пустить в тираж. Поэтому остается принять торжественное выражение лица и ответить красиво.

— Мне очень интересно, где вершатся судьбы Империи, а Вы проводите большую часть жизни.

* * *

Мы посетили присутственное место — кабинет статского советника в министерстве внутренних дел. Мелкие чиновники почтительно кланялись, Тюхтяев неестественно суетился, а я сдержано улыбалась. Прошуршала муаровыми фиолетовыми юбками мимо столов, простеньких чернильниц и удивительного запаха казенных помещений — он странным образом был похож на то же присутствие в Саратове, Самаре, и особенно Суздале. Забудь, Ксюша, этого больше не будет, а всяких Карлсонов Тюхтяев дробовиком отшугивать начнет. Внутри оказалось чисто, но бумагами он обрастал просто стремительно. И ничего лишнего — портрет Его Величества на стене, как у остальных, и даже ни одного цветочка.

Погуляли по городу. Все-таки не часто у людей дело идет к свадьбе. Посидели в кондитерской. Мысли метались безумными белками и выходов было не так чтобы уж очень много. Или да, или нет. Замуж идти все равно придется — Ольга рано или поздно найдет кого-то, кто вряд ли окажется лучше. Этот меня не бесит пока что, опять же делом занят. В

конце концов, если не уживемся, поделим дом на две половины, как многие тут, и все. Правда, после первого замужества мне очень важно выяснить один нюанс заранее. Но как? Я попробовала изобразить томный взор и мой спутник вздрогнул: конечно, не каждый день внезапно с вожделием смотрят на недоеденное пирожное.

— Вам понравились эти сладости?

И официант тащит еще тарелку совершенно пересушенных макарун. Улыбаюсь и домучиваю их.

Ну что еще делать-то? Можно, конечно, спросить насчет голодающих дома рыбок, но тут эта шутка пока не прижилась.

— Михаил Борисович, а где Вы планируете жить после женитьбы? — задумчиво помешивая какао протянула я. Тюхтяев смутился, но мужественно отправился демонстрировать свои чертоги.

Квартира моего жениха не блистала. Не то чтобы я придираюсь, но хозяева обветшалого доходного дома Гемилиан явно не заморачивались с ремонтом последние лет тридцать. О таких прелестях цивилизации как душ и ватерклозет здесь не слышали точно, и пусть когда-то лепнина и дорогое дерево рам и дверей вытягивало всю концепцию — сейчас этого явно маловато. Видимо что-то этакое отразилось на моем лице, так что Тюхтяев засуетился, заметался по передней, которая пусть и не была захлавленной, но отсутствие женской руки было заметно даже такой хозяйюшке, как я. Что ж, соперниц у меня на этом поле точно нет.

— Если Вы... Мы, конечно, снимем более просторное жилье... — пробормотал он, высвобождая мне кресло. — Для одного мне здесь как раз, но Вам-то...

Гостей Тюхтяев не ждал. Он вихрем гонялся по квартире, пытаюсь сгрести в единую кучу бумаги, папки, справочники, а мне было весело.

— Может чаем угостите, Михаил Борисович? — сжалилась я после того, как рухнула не потянувшая жизненных невзгод этажерка. С нее помимо прочего упала карточка женщины-рыбы. Я и забыла, что на карнавале был фотограф. Посмотрела внимательнее — улыбаюсь, восторженная от первого в жизни бала, готовая покорять мир.

Хозяин смутился и спрятал свое сокровище в столе. А дело-то куда серьезнее, чем показалось мне вначале.

Ну вот что, мне и этого надо соблазнять что ли?

Я сняла шляпку, уложила на край стола и сдвинула так, чтобы она точно упала, не отводя от взгляда от хозяина. Он бросился поднимать чудо галантерейной мысли и тут-то наши лица оказались на нужном расстоянии. Когда устраивали фотосессию козы тоже почти щека к щеке сидели, но сейчас напряжение в воздухе оказалось посильнее. Наперекор всем рекомендациям о хорошем тоне (сегодня день плохой девочки) не опускаю глаз покуда он вглядывается в мои прежде чем решиться на поцелуй. Скромный, деликатный, почти целомудренный, словно бабочки касаются моих губ. Все же разные поколения, непонятно, как себя вести. Позавчера оно все как-то проще было. Перед смертью оно все проще выглядит. Осторожно положила ладони на его затылок, вновь, как в подвале, утопила пальцы в волосах, чуть надавливая на кожу, и вот тогда Тюхтяев поверил в мои намерения.

— Безумство моё... — шептал он, зарываясь в прядь волос под ухом.

Оставалось лишь позволить увлечь себя вглубь квартиры.

Я не стала изображать роковую женщину, так что только наблюдала за его смущением, чуть прикусив нижнюю губу, чтобы не рассмеяться и окончательно не погубить романтический настрой. В эти времена с соблазнами дело обстояло непросто — литераторы и прогрессивная интеллигенция дискутировали о «Крейцеровой сонате» и конфликте между страстями и возвышенной любовью, словно это необходимо было разделять. Это я в походах по литературным чтениям выяснила. Чуть было не опозорилась с идеей гармоничного взаимопознания. Женщины только начинали сражаться за отношение к себе как к равному партнеру в отношениях, а не к кобыле-производительнице в красивой сбруе, мужчины вообще непонятные конструкции в голове строили еще в подростковом возрасте, а потом всю жизнь жили в большом внутреннем конфликте, когда Прекрасную Даму можно только возвышенно любить, а все телесное, к чему неумолимо тянет — постыдно и низко. А ведь мой спутник изрядно постарше, там вообще неизвестно, что за тараканы в голове водятся.

Наблюдая за ним столько времени, настраиваешься либо на бешеную страсть, либо на какую-то мелкую суету, но он удивил. Словно впервые разглядев собственную тесную спальню, Тюхтяев понял, что девать меня некуда кроме как расположить на узкой, почти походной кровати, по-армейски застеленной суконным покрывалом. На нем-то и случилось наше грехопадение.

* * *

— Как-то это все неожиданно. — пробормотал он, сбрасывая мундир на стул. Хотя куда уж предсказуемее, после подвала-то. — Я немного иначе планировал...

Ну хоть планировал, и то радуется. Небось лежат где три папки с приложениями и схемами-картами. Зашифрованные, само собой.

Встал на колени рядом с кроватью и занялся моими руками — сначала стянул перчатки, сжал ладони и перецеловал все пальцы, как в бесконечно далеком летнем прошлом в гостевой спальне Усадьбы. Медленно, заставляя меня дышать чуть чаще, чем было задумано. Кто тут кого соблазняет?

Незаметным движением раскрылась застежка жакета и вот он уже присоединился к сюртуку. Наверняка сейчас уходят последние мгновения, когда еще можно свернуть все к шутке и убежать, но не хочу. Я уже обвила руками его шею и чувствую, как кружевная блузка с множеством бусинок-пуговиц тоже присоединяется к старшему товарищу. Умелые, однако, у Михаила Борисовича руки. И шестнадцатилетнее вдовство вряд ли было по-монашески аскетичным. Весь мой местный сексуальный опыт обходился ночнушками, а как это оказывается интересно — раздеваться. Он поставил меня на ноги, когда дело дошло до юбок и вот многослойность одежды легкими белыми облаками укрывает пол, а я прикрыта лишь коротенькой шемизой, микроскопическими кружевными панталонами, уверенно покинувшими рамки приличий, чулками и подарочным корсетом. Вот как раз с ним вышла незадача — застежка новой модели оказалась морально устойчивее хозяйки, и без необратимых последствий снять его не получалось.

Он вопросительно взглянул на меня, и тут-то я рассмеялась, уронила его на кровать и уселась рядом. Тюхтяев корсетов не носил, что сделало дальнейшее проще и интереснее. Жилет с восьмью пуговицами, галстук и сорочка, в которую можно одеть трех графинь,

скрывали все тот же серебряный крестик на простом шнурке и свежие кровоподтеки от подвала. Я нечаянно коснулась все еще багрового шрама, но мужчина даже не поморщился.

— Ангел мой. — это он зря, конечно, так оптимистичен. И с трогательной нежностью обнял, чтобы почувствовала биение его сердца даже сквозь все слои белья. Чуть улыбнулась, прижавшись еще ближе, настолько это было возможно. Ну очень-очень близко.

Есть все же смысл в этом странном местном нижнем белье. Определенно. Хотя без корсета было бы удобнее. Если чуть съехать вниз и обвить ноги вокруг его бедер, то можно стать единым целым с этим удивительным человеком. И когда это происходит, мы открываем друг друга с совершенно новой стороны. Очень, кстати, неожиданные, открытия можно совершить в самых привычных людях. И воодушевляющие. Причем сейчас, если судить по радостному изумлению на его лице, да, вот именно сейчас и именно так, уже я его приятно удивляю.

И хотя постельные навыки, накопленные в двадцать первом веке, стоило пока придержать при себе, время мы провели замечательно. Он оказался неплохим, пусть и не особо изобретательным любовником, а еще обладал восхитительным свойством начисто отключаться сразу после. Как в анекдоте. Мне как раз стоит собраться с мыслями, а разговоры и ласки сейчас точно помешают сосредоточиться.

Этот брак навсегда — вряд ли он сам когда захочет развода, да и я тоже теперь более заинтересована в этом замужестве, чем несколько месяцев назад. Расчет, конечно, в чистом виде. Мне будет удобнее с ним, чем одной. Пусть материально я обеспечена, но этот брак даст мне дополнительные социальные гарантии, а его способности и сфера деятельности защитят от возможных проблем.

Навсегда. Я еще раз посмотрела на доверчиво улыбающегося во сне статского советника. Только сейчас стало понятно, насколько детское у него выражение лица, когда не нужно искать врагов и решать планетарные проблемы. Лет пятнадцать точно я смогу на него любоваться. Бороду тронет седина, морщинок станет еще больше, но он не перестанет шутить и заботиться обо мне. Такое навсегда меня очень даже устроит.

Я приподнялась на постели и взглянула в окно. Дело шло к сумеркам и кому-то явно пора домой. Мужчина рядом со мной мирно спал, ну или очень хорошо притворялся. Я бесшумно собралась — вряд ли уж совсем аккуратно, но как смогла — и погладила его плечо. От прикосновения он вздрогнул, и хорошо хоть за пистолетом не потянулся. Рассеянный со сна, наблюдал, как я пытаюсь хоть слегка спасти прическу.

— Мне пора. — шепнула я.

Человек наиболее честен в момент пробуждения, так что огорчение, мелькнувшее в глазах, было подлинным. Да и прочие эмоции, которыми я вдоволь налюбовалась из-под опущенных ресниц. Смущение, опасение, робость, даже обреченность какая-то. Странно, мне казалось, что сам процесс ему нравился. Он быстро оделся и поймал извозчика. Мы ехали в напряженном молчании и лишь у дверей дома я обронила «Да».

Он, все еще погруженный в себя, поднял глаза от ботинок, которые доселе изучал с поистине криминалистическим упорством.

— Вы согласны?

Я кивнула.

— Только поселимся здесь. — чмокнула его в щеку и исчезла в доме.

На этот раз помолвка не требовала скороспелой свадьбы и я углубилась в счастливое ожидание. Графиня Ольга погоревала чуток над моим выбором, но тут же отдалась делу организации грядущего торжества. Свадьбу запланировали на 12 января — очень хотелось зимнего праздника, чтобы снега было побольше и вообще красиво. Тюхтяев соглашался со всем, хотя чем дальше, тем чаще огорчался, что до венчания еще так далеко. Мне порой приходила мысль, что сейчас он куда как более трепетно ко мне относится, чем раньше. Хотя, казалось бы, почему?

В Российской Империи не принято добрачное проживание, но помолвленными вдовам определенно доступно больше, чем остальным, так что порой мы с упоением целовались в самых разных местах, хотя по неясным мне соображениям до спальни дело не доходило. Поцелуи бывали очень долгими, настолько, что руки сами оказывались в разных местах. Мне доставляло немислимое удовольствие провоцировать советника на потерю самообладания, а он всерьез конфузился этого.

Мы виделись практически ежедневно — введя в ритуал совместные обеды, ради которых он буквально в мыле срывался с работы. Иногда не получалось, и тогда я получала ласковые записки на служебной бумаге с посылным. Почти незаметно приучила его делиться событиями дня, обсуждая как сложно-политические, так и уголовные вопросы. Поначалу он ссылаясь на служебную тайну, но потом перешел к анонимности, и мне оставалось только соотносить интриги и газетные публикации.

В целом, наше общение позволяло привыкнуть друг к другу чуть больше. Я с самого начала не ставила своей задачей Большую Любовь, но привязанность начала появляться сама собой. И вот уже ловлю себя на мысли, что радуюсь визитам, запоминаю какие-то моменты, которыми хочу поделиться именно с ним, и практически перестаю ощущать чуждость местных реалий.

* * *

Первые дни этих внезапных отношений я почти и не вспоминала Фохта, пока однажды совершенно случайно — или же по его умыслу — не столкнулась с ним на улице. Суров, отстранен и недружелюбен. А что, собственно, ждать-то?

— Вас можно поздравить, Ваше Сиятельство? — холодно осведомился он.

— Можно. — я вздернула подбородок повыше и почти непринужденно поправила шляпку рукой, украшенной кольцом.

— Прекрасный выбор. — сквозь зубы процедил мой собеседник.

— Да, счастье — встретить человека, которому служба, а вы же, по-моему, коллеги, не мешает любить. — не удержалась я от парфянской стрелы и гордо проследовала к обувному магазину.

И сколько шла, в отражении витрин видела, как он буравит мне спину своими серыми глазами. Да, все могло бы быть иначе. Но этот выбор сделал он сам за нас обоих.

* * *

Тем же вечером поймала себя на демонстративной близости к избраннику в графской ложе. Зацепил меня Фохт все-таки. Мы двумя парами пошли посмотреть на премьеру авангардной пьесы талантливого русского драматурга в Александринском театре. Вообще было необычайно весело: для меня премьера — заезженный сюжет о терзаниях в околотеатральных кругах, а вот Ольга не на шутку увлеклась драмой. И хотя актеры сыграли абсолютно бездарно, судя по реакции публики, мне выход в люди понравился: можно было наконец примерить декольтированное платье, а впереди — четыре действия, три антракта, буфет с шампанским, и пусть женщин в ложах сажали вперед, а мужчин — позади, близость родного человечка радовала. Особенно когда этот родной человек так взволнован моим внешним видом: после первого уроненного платочка, за которым я чуть-чуть вполоборота наклонилась, продемонстрировав куда больше, чем у него в гостях, Тюхтяев отвлекся от сцены и следил лишь за моими надобностями — а я так неловка сегодня...

Только с этим мужчиной я почувствовала вкус к мелким хулиганствам и кокетству. Меняюсь все же, и это увлекает. Я не стала полностью местной барышней, до их восторженности и утонченности мне не добраться и к пенсии, естественность манер тоже приобрести не удалось, но вот эти игры с мужчинами — это нечто. В век, когда нет ни откровенных сайтов, ни пляжей, ни легальных порножурналов любой лишний сантиметр кожи вызывает ажиотаж. И пусть я флиртовала лишь с собственным женихом, пялились на меня разные люди.

В антракте мы прогуливались по вестибюлю, и можно опираться на его локоть, раскланиваться со знакомыми, щебетать, улыбаться, игнорировать намеки на то, что прохладно и надо бы накинуть... хоть что-нибудь, строить глазки поверх веера. В общем, искрила я в этот вечер, не могла остановиться.

Граф притворно сокрушался, Ольга шипела, что о помолвке необходимо объявлять срочно. Остатки моей репутации спаслись только благодаря оглушительному провалу пьесы. Казалось, что добить Константина была готова добрая половина зрителей. Я бы вообще всей компании дуста в чайник подсыпала.

Разъезжались вечером мы в разных экипажах и тяжелый взгляд жениха вкупе с неразговорчивостью наводил на мысли... Так и вышло — ехали мы отнюдь не в Климов переулок и оказались в итоге у какой-то полузаброшенной дачи на окраине Каменного острова. Причем я даже насчет адреса не уверена — просто последним проезжали Каменноостровский мост. Вроде бы.

— Вам понравился спектакль? — как бы разрядить обстановку-то.

— Не могу сказать, что уделил ему достаточное внимание. — это он даже с осуждением заметил, как я понимаю. И несложно догадаться кто отвлек его от театрального шедевра.

— А какие прекрасные напитки подавали в буфете! — хорошо, что не очень много.

— Ммм. — вроде как утвердительно, но взгляд явно не сфокусирован на мне, а изучает какую-то точку в бесконечности.

Но вот экипаж остановился, мой спутник вышел, обошел повозку по кругу, помог мне выйти и расплатился с извозчиком. Без излишних комментариев.

Провожая глазами удаляющийся экипаж, я начала догадываться, что границы статского терпения сегодня преодолела, даже не заметив. И возмездие за это не заставит себя долго ждать. Сердечко екнуло, и как-то некстати всплыли в памяти рассказы Сутыгина о тайных казематах. Но это же не про нас, верно? Не запрут же меня в воспитательных целях где-нибудь до свадьбы? Я покосилась на непроницаемое лицо спутника, пересчитала морщины

на лбу (с помощью детской считалочки вышло, что к сердцу прижмет, остальные черточки я списала на плохое освещение), приняла горделивую позу, оперлась на его локоть и пошла во тьму.

Помещение протапливали явно наспех, так что воздух еще не прогрелся, зато на столике в прихожей стояла корзина с едой и парой бутылок вина. Выпить сейчас самое время, глядишь и он подороже будет.

— Ксения Александровна, — глухо произнес мой спутник, помогая расстегнуть тальму. — я, как Вы успели заметить, уже не столь молод, чтобы терпеть подобные выходки.

— А мне кажется, Вы вполне молоды, раз способны на такие романтические жесты. — парировала я. Мы не сможем поссориться, если я сама не испорчу все.

Оборачиваюсь и натываюсь на взгляд смертельно раненой собаки. Я еще даже не начинала нервы мотать, а он уже почти сломался. Провожу ладонью по лбу, пытаюсь сгладить морщинки, немного взъерошиваю волосы, а он то ли сердится, то ли печалится. Но я же флиртую только с ним, значит ревновать не стоит.

— Вы не ужинали сегодня. И вряд ли обедали, раз ко мне не успели захватить. — надо же хоть иногда заботиться о женихе, если хочешь, чтобы он дотянул до свадьбы.

Скорее всего, его голод сейчас имеет несколько иную природу, но я присмотрела в корзинке виноград, а им можно кормить друг друга, что несколько утихомиривает его праведное возмущение.

— Я хотел привести Вас сюда на наш медовый месяц. Здесь очень красиво. — Он огляделся на побитые временем интерьеры. — Днем.

В мрачной гостиной пахнет пылью, диванчик, на котором мы пристроились, возможно еще Екатерину Алексеевну принимал во время ее романтических увлечений, но это такие мелочи. До января тут можно сотворить маленький Версаль, но и сейчас меня все устраивает: он, я, пустой дом.

Взяла его ладони в свои.

— Спасибо. Мне очень нравится. — Прижала их к своим щекам и искренне улыбнулась.

Святой человек, растаял от легкой ласки, перестал хмуриться и пошел показывать мне дом. С одним подсвечником это оказалось очень таинственным приключением, а в спальне свеча погасла. Сама собой, конечно.

— Ой. — ну, сожалеть я не буду.

В глухих сумерках непросто с первой попытки найти его губы, но я же так удачлива! Особенно когда сначала всей спиной вжимаюсь в его тело, повторяя каждый изгиб. И начало не столь робкое, как в его доме, наоборот, за вечер он завелся так, что удивительно, как мы сюда-то добрались. Даже будь я деревом — задымилась бы. Одежда летит прочь, как и покрывало с кровати, и мы погружаемся друг в друга так, словно стали единой плотью, словно это единственная в жизни ночь. На этот раз корсет был из таких, что расстегиваются от одного желания, так что до рассвета помех у нас не возникло.

— Любимая моя девочка. — произнес он тихо, обнимая меня поутру, пока был уверен, что я сплю. Зарылся в рассыпанные по подушке волосы, вдыхая их запах.

Проснулись мы оба от стука извозчика, с которым договорился мой предусмотрительный жених. Да, тому пришлось подождать сначала пока меня разбудят, потом пока помогут одеться, потом пока снова оденут, потом мне приспичило поклевать фруктов, и смеющийся Тюхтяев прихватил эту корзинку с собой, чтобы изучить ее содержимое по пути, а по утру так приятно целоваться...

Кто-то безнадежно опоздал на службу, но вряд ли сожалел об этом, да и я отчего-то тоже сияла — словно сама была влюблена во взбалмошную молодую женщину, которая неожиданно согласилась на предложение.

— Не знаю, смогу ли сегодня вырваться на обед. — тихо произнес он на пороге дома в Климовом переулке.

— Я все равно буду ждать только Вас.

Соврала — дома обнаружилось письмо от Зданкевича о том, что презентация минералогической карты состоится уже в среду, через две недели, поэтому пришлось приглашать для совета графиню Ольгу, которая все еще дулась из-за вчерашнего. Так они и встретились — слегка смущенный Тюхтяев и повышенного благочестия графиня Татищева. Мы переглядывались, обменивались нежными улыбками и чуть дольше положенного задерживали передаваемые приборы и блюда, а Ольга цербером наблюдала. Поздний обед не очень задался, так что Михаил Борисович вскорости отбыл.

— Ксения, нельзя же так демонстрировать свои чувства. — продолжала она выговаривать мне за чаем.

Я смущалась, что, мол, ничего не могу с собой поделатъ. И с ним тоже — ничего не могу поделатъ. И вообще, ухаживания принимаю по указке Николая Владимировича. Удивительно, конечно, сколько энтузиазма у меня по этому поводу, но только его волей и попечением, да.

— Не понимаю, как Тюхтяев может вызывать какие-то романтические чувства. Он же скучный. — ворчала родственница, но обладая весьма отходчивым нравом, особенно после ирландского чая, прощала мне неблагоприятное поведение.

Я вспоминала часы, проведенные со скучным мужчиной и не могла согласиться. Еще как он может вызвать романтические чувства! Уж во всяком случае уважение и привязанность мои точно завоевал.

— Ксения, Вас пригласили на особый прием? — вернулась графиня к основной теме нашей встречи.

— Да, Ольга, еще летом Михаил Борисович познакомил меня с Карлом Ивановичем Зданкевичем, а потом уже с другими горными инженерами. Я поспособствовала созданию подарка Его Величеству от их общества. Господа спроектировали и сделали уже карту Империи из того, что на каждой территории залегает. Очень интересный, проект, Вы правы. И вот теперь, как главного попечителя, меня приглашают на церемонию вручения.

Ольга впала в экстаз от перспектив и даже намекнула, что может пока отложить помолвку-то? Я сделала вид, что намеков чужда, простодушна и влюблена.

— ... И вот теперь я не обойдусь без Вашей помощи.

В ближайшие два дня меня ждал час по магазинам в поисках чего-то элегантного и дорогого.

В конце концов Ольга Александровна одобрила костюм из темно-синего жакета с тройным отложным воротником и аналогичной юбки, сдобренный километрами кружев. Как большая елка, облитая незамерзайкой.

И вот мы все наряжались, украшались, волновались, а мероприятие заняло минут пятнадцать, как госэкзамен. Пришел Государь с младшим братом и кем-то из Великих Князей, сдержанно поулыбался, похвалил за изобретательность и отправился на охоту. Все. Но да, я могу похвастаться личным вниманием Государя, ведь он целых пятнадцать секунд смотрел в мою сторону, покуда перечислялись благотворители, коих я олицетворяла одна.

Юный Михаил Александрович, это же тот, кто так и не станет Императором даже получив отречение брата, с восторгом рассматривал наш труд и расспрашивал о чем-то Зданкевича. Тонкий, полупрозрачный, высокий, с узким лицом и тем-но пшеничными волосами, он казался совсем ребенком. Да и ему сколько? Едва восемнадцать исполнилось по-моему. Сейчас бы с девочками флиртовать, да в скачках упражняться (в мое время бы еще их стелялок компьютерных не вылезал), а не томиться на унылых торжествах с братом, но положение обязывает. И пусть цесаревичем-наследником де-юре является средний из сыновей Марии Федоровны, Георгий Александрович, но все понимают, что раз он столько лет уже заперт в Абастумани, то вряд ли когда приблизится к трону. Поэтому беззаботное детство для Миши давно закончилось.

Но царская охота важнее, поэтому вскоре все титулованные лица покинули зал и мы остались с моими мальчиками наедине.

— Гуляем! — воскликнул Аркадий Гугучев.

— Ксения Александровна, это надо отметить. — подхватил Зданкевич.

И понеслось!

Благополучный исход монаршего визита мы все отправились отмечать в ресторан, хотя я готова была пожертвовать собственным домом. Посовещались, и двинулись в «Вену» — «Кюба» был назван чересчур пафосным и дорогим, а сегодня меня угощали. И так мы наугощались, скажу я вам, что только чудо спасло кое-кого от повторения истории с портретом. Стоило чуду лишь передать мне записку, что экипаж будет ждать столько, сколько потребуется, как я сразу вспомнила о времени и приличиях, мягко, но непреклонно отмела возражения своих приятелей, отказалась от бутылочки шампанского «на дорожку» и выскользнула из зала.

— Ксения Александровна! — господин Оленищев, и без того робко поглядывавший на меня весь вечер, бросился следом помогать одеваться.

— Да, Андрей Михайлович. — улыбнулась я.

— Могу ли я рассчитывать... — он замялся, придерживая дверь на крыльце.

— Я с удовольствием увижу Вас у себя в гостях, если Вы об этом. — пожалела я мальчика, краем глаза наблюдая, как отделившийся было от экипажа невысокий господин в котелке, новом пальто и с совершенно декоративной тростью замер. — как и Ваших коллег тоже, после моей свадьбы, в феврале. — и продемонстрировала кольцо.

Оленищев покраснел, поклонился и поздравил меня и счастливого избранника.

— Михаил Борисович! — окликнула я. — Познакомьтесь с коллежским асессором Оленищевым, Андреем Михайловичем. Выдающихся талантов человек — не только инженер, но и подлинный художник.

Носитель выдающихся талантов был готов провалиться сквозь землю, а счастливый избранник с удовольствием бы его присыпал сверху, мигом сообразив, кому сказать спасибо за сомнительный портрет.

Мальчик стремительно ретировался, а я нырнула под руку жениху.

— Могли бы и не торопиться. — ровным голосом сказал он.

— Могла. — кротко согласилась я, оценив иней на усах. Сколько же он прождал, интересно? — Но я предпочитаю проводить время в лучшей компании.

По дороге я пыталась отогреть его щеки руками, потом поняла, что губами это куда эффективнее. А уж до чего самой-то приятно! Дома устроила Тюхтяева у камина, сама приготовила глинтвейн и свернулась в соседнем кресле. Мой избранник умиротворенно

наблюдал за ворохом синих кружев, по кошачьи обвивавшимся вокруг изгибов спинки. Этот наряд создан для того, чтобы красиво стоять, или грациозно покоится на крохотном табурете, а в любой другой мебели ты утопаешь в безумных оборках.

— Вы же понимаете, что я... — ну как сказать, что ревновать ему не стоит... А если и стоит, то не к бессловесному художнику.

— Понимаю. Я бы ждал столько, сколько Вы захотели.

Мы сидим в абсолютной тишине и смотрим друг на друга. Это не напрягает, хотя поначалу я побаивалась скуки и натянутости — как же семейные будни без телевизора, но наоборот, без внешних раздражителей больший смысл приобретают жесты, взгляды, слова.

Борода позволяет прятать улыбку, но глазам не прикажешь. И вот уже я передираюсь на его кресло, вначале деликатно устраиваясь на подлокотнике, но тут же скатываясь в его объятия. Он чуточку иронично хмурится моим маневрам, но обнимает вполне целеустремленно, добираясь до ступней, гладит их, чуть щекоча. Да он же может взять меня прямо здесь, и я еще повизгивать буду от восторга. Но нет, хоть кто-то в этой комнате умеет себя контролировать. А может к черту эту статусную свадьбу? Есть же тут бедовые священники, готовые за денежку малую обвенчать в любое удобное время? Не сомневаюсь, что среди должников Михаила Борисовича такие водятся. Правда, как только заикнулась об этом, меня поцеловали в темечко и пожелали добрых снов, но поклясться могу — он поигрывал тростью пока шел к перекрестку.

* * *

Официальное объявление о наших грядущих изменениях было решено отпраздновать в родовом поместье — граф оказался решительно настроен на то, что наше родство не прекратится со сменой фамилии. Хотя объявление в газетах уже было подготовлено, в новом статусе жениха и невесты мы на балах еще не были.

Я перебрала несколько вариантов нарядов, остановившись в конце концов на платье собственного дизайна, заказанном еще летом к рождественским торжествам, но там все еще можно переиграть, а нормальная помолвка у меня впервые будет. Серебряное кружево узких рукавов чуть заходило на ключицы, укрывая светло-серый гладкий корсет и чуть переходя на атлас юбки. В комплект идут короткие тонюсенькие перчатки, поверх которых безболезненно налезает кольцо. Похоже на изморось на стекле питерской зимой. Простенько, благопристойно, и жениху понравится, а то уже небось боится, что я голая выйду к гостям.

* * *

И вот торжественный день настал. Мы оба должны были прибыть до основной массы гостей, так что выдвигались с первыми сумерками. Граф прислал за мной фамильную карету, и я чопорно устроилась внутри. Тюхтяева удалось перехватить на перекрестке — он как раз ехал за мной.

— Ксения! — окликнул меня сам, иначе бы разминулись.

Ворвался в экипаж морозный, с замерзшими щеками, но удивительно счастливый. Я не

переставала этому умиляться — неужели всерьез влюблен? Обнимает, словно в первый раз после многолетнего перерыва. Да здесь я, здесь. С тобой. Навсегда.

Держит меня за руки, смотрит в глаза с легкой настороженностью, словно опасается чего. Хотя доверил же собственную жизнь в свое время, чего теперь-то бояться? Где-то рядом катается по сиденью огромный букет белых роз для графини Ольги — все же у нее сегодня именины, а мы лишь вишенка на торте семейного торжества. Мне же жених принес корзинку конфет, что заслуживает отдельной благодарности. Сколько там у нас времени этот путь займет? Минут двадцать. Ах, не были бы Вы, господин статский советник столь чопорны, провели бы их куда зажигательнее.

— Вы сегодня прекраснее, чем всегда. — да, я старалась. И сияю от абсолютного умиротворения, чего и в дальнем будущем не припоминаю.

— Это потому, что я счастлива. — расплываюсь в блаженной улыбке. К черту макияж, там была устойчивая помада, так что поездка уложилась в один довольно долгий и возбуждающий поцелуй, лишь изредка прерываемый смехом и тихими нежностями, на которые столь щедр сегодня мой избранник. Я уже поставила крест на гладкости наряда, устроившись на его коленях, кончиками пальцев рисовала орнаменты на его пальто, мечтала подкорректировать маршрут в сторону одной неприметной дачки, поэтому мы оба выразили неудовольствие, когда экипаж притормозил и дверца распахнулась.

— Сатрап! — произнес визгливый женский голос и небольшой сверток упал на пол.

Этот бесконечный миг, когда счастливое лицо превратилось в суровую маску и одним движением он отбросил этот пакет, задвинув меня за спину и наполовину вывалившись из экипажа.

Я даже взрыва не услышала. Вообще ничего не услышала, и не увидела — взрывная волна ушла вниз, тело статского советника подбросило и опустило на меня, зато экипаж встряхнуло крепко, скособочило, пол рухнул в сторону открытой дверцы. Падали куски дерева, лоскуты, а я лицом уткнулась в его пальто.

Стало влажно, тихо и темно. Спина Тюхтяева несколько раз содрогнулась и обмякла. Оглушенная, я не соображала, что делаю, обняла его, пальцами проваливаясь в мягкое, острое, липкое.

Карету трясли, Тюхтяева пытались вырвать из моих рук, а я лишь скулила и не отпускала. Потом кому-то, возможно даже графу, удалось разжать мои руки и вес, давивший на грудь, исчез. Я позволила погрузить себя на носилки и провалилась в мягкую, безмолвную тьму.

* * *

Слух начал возвращаться дня через четыре. Ради меня похороны никто бы не отложил, так что я запомнила его живым. Спустя пару недель после трагедии врачи решали, стоит ли сразу помещать жертву взрыва в психиатрическую лечебницу или пока обождать, а я, отмытая и почти целая — синяки, мелкие ранки от осколков кареты и ушибы — не в счет — лежала, уставившись в одну точку. Ноги вопреки первым прогнозам не были сломаны, так что Михаилу Борисовичу мое спасение полностью удалось. За этот год я вообще оказалась избалована его заботой. Как же жить теперь без этого щита?

Приходили посетители — а граф забрал меня к себе, под присмотр, после того как

немного... вышел из себя, узнав о предложении сплавить в Малую Охту. Любит, наверное, по-своему. Вместо Тюхтяева, которому сам Бог велел разрешать такую ситуацию, появлялись другие люди — в мундирах и штатском, с пронзительным взглядом или просто лениво разглядывающие роковую женщину, чудом выжившую при такой катастрофе. Сначала о чем-то спрашивали, потом начали писать вопросы на грифельной доске — на эти я уже апатично отвечала.

Да, карета принадлежит графу. Нет, пользуюсь крайне редко. Нет, покойный не планировал эту поездку и оказался там случайно. (Из-за меня он там оказался, понимаете?!!!) Нет, о слежке за Его Превосходительством не догадывалась. И о нападении на покойного господина Тюхтяева он сам не распространялся. Не знала, что постороннего человека, сотрудника жандармского управления убили при подготовке к теракту. Да, нападавшая не рассматривала, кто именно находится в карете. Нет, я не запомнила ее лица. Не уверена, что смогу узнать голос, но постараюсь. Мария Гершелева? Да, фамилия мне знакома. Ах, брат недавно погиб? Трагедия для родителей, конечно. Обратиться к следствию? Хочу. Лично ходатайствую о смертной казни. Я не преподобномученица Елизавета, я хочу возмездия.

Приводили священника, которому так и не удалось смягчить мою кровожадность, заглядывали знакомые Ольги, наперебой твердившие о милосердии и, наконец, пришел граф.

Он долго молчал, рассматривая мое осунувшееся лицо — я как-то добралась до уборной и аж не узнала себя в этой бледной немочи.

— Что нового? — без эмоций уточнила я.

— Все идет своим чередом, Ксюшенька. Три недели уже...

— Отвезите меня. Туда.

И это была моя первая озвученная реакция на смерть жениха.

Утром мы стояли перед могилой, все еще покрытой редкими кочками цветов. Простой крест с обязательной строкой молитвы и все. 1849–1896. Нет больше человека.

Я положила поверх замерзших и побитых дождями растений свой венок из алых роз — самый большой, какой поместился в экипаж, помолилась на коленях и встала. Его не было здесь. Такой живой, суетливый, энергичный — он мог остаться дома, на работе, но не в приюте покоя и скорби.

— У... Михаила Борисовича была коллекция камней. — обронила я в карете. — Хорошо бы ее выставить в каком-нибудь музее. Он бы оценил.

— Да-да, обязательно. — засуетился граф. Помолчал. А потом осторожно спросил. — А себе ты хочешь что-то оставить? На память? Его вещи скоро отправят сестре, а квартиру распечатают.

Как-то я так посмотрела на родственника, что он без лишних слов велел сменить маршрут и вскоре я переходила порог той тесной квартирки, где была лишь раз. После смерти хозяина тут перебивало множество людей, которые не считали порядок и чистоту приоритетом. Но на комодике все еще стояли мои фотографии — я даже не помнила, что делала некоторые снимки. Вот эта, например, точно с той приснопамятной вылазки с фоторужьем. Здесь я с одержимым блеском в глазах и яростью охотника.

Себе я оставила ящик с гербарием (и еще одним секретом, насколько я помню), письменный прибор, несколько фотографий. Хотелось забрать весь этот дом, запахи, вещи, но и это не помогло бы вернуть время вспять. Неужели мой внутренний голос сразу стал таким мудрым? Во время обыска перетряхнули даже кровать, а Тюхтяев так любил порядок. Я автоматически поправила покрывало, которое уже растеряло его запах, присела на стул, на которое меньше двух месяцев назад падали мои вещи, осмотрелась. Господи, ну почему он-то?

* * *

— Что с... ней? — спросила я уже на подъезде к усадьбе.

— Следствие практически завершено. Теперь суд. — аккуратно произнес граф.

— И? — что-то не так, раз он столь щепетилен в выражениях.

— Понимаешь, общественное мнение на ее стороне. Несчастливая девушка, пытается отомстить за жизнь брата. Будет суд присяжных. Ко мне уже столько ходочков было с просьбой о помиловании. — степенно излагал родственник.

— И все ждут что Вы, главная цель этих покушений, выступите с христианским милосердием? — не может это быть правдой. Зря что ли в школе все уши прожужжали жестокостью царского правосудия?

Он опустил глаза.

— Нет толку в ненависти. — глухо произнес граф.

Я промолчала и лишь за ужином нашла решение этой проблемы.

— Николай Владимирович, Вас не затруднит выхлопотать мне свидание с госпожой Гершелевой?

* * *

Нас заперли в камере с приоткрытым окошком, в которое поминутно заглядывал надзиратель. Я молча смотрела на нее, она — на меня. Симпатичная девица, ей же и двадцати пяти нет. Густые волнистые волосы черной короной украшают голову, большеглазое лицо, пухлые губы, лихорадочный чахоточный румянец на щеках.

После четверти часа, проведенного в молчании, первой не выдержала она.

— И я не раскаиваюсь! Все равно уничтожен пособник режима! Цепной пес царского произвола! — она выступала словно перед кружком единомышленников.

Когда она все же выдохлась, я шепотом уточнила:

— Ты пособника режима убивать шла или за брата мстила?

На меня устремился горящий взгляд из-под чуть воспаленных век.

— Понятно. — я даже улыбнуться смогла. Не по-доброму, но как уж сумела. — Дура ты, каких мало. Подготовилась плохо. Это я убила твоего брата. Не граф Татищев, не царь-батюшка, не господин Тюхтяев. Я сама, вот этими руками раскроила ему череп и смотрела, как он умирает. И на твою бесславную кончину тоже посмотрю.

Можно было бы обойтись и без последней реплики, но очень хотелось, чтобы заключенная сработала на публику. И Машенька Гершелева не оплошала, бросившись на меня через стол с воплем «Ненавижу!» и пытаясь задушить прямо на глазах у надзирателя.

Потом меня долго успокаивали в кабинете начальника тюрьмы, отпаивали успокоительными, чаем и опасались гнева моего родственника. А я лишь тихо промокнула слезы и написала ходатайство о психиатрическом освидетельствовании заключенной. В него восторженно вцепились все — и обвинитель, которому за счастье миновать столь склочный процесс, и адвокат, тоже не расположенный хоронить женщину-подсудимую. Даже граф был удовлетворен тем, что я смогла примириться со случившимся и найти в своем сердце место для милосердия.

Я соглашалась со всеми утешениями, обещала прожить долго и счастливо во имя погибшего жениха и собирала вещи.

* * *

О загадочном исчезновении Марии Гершелевой писали газеты и обсуждали рядовые обыватели. Якобы на четвертую ночь своего пребывания в Новознаменской даче она бесследно исчезла из запертой палаты. Были допрошены и проверены все санитары, врачи,

сиделки — но ни связей с революционерами, ни личных контактов с семьей и друзьями Гершелевой не обнаружилось. А ведь хорошо искали, на совесть. Либеральная пресса не смогла обвинить в этом ни охранку, ни царскую власть, поэтому преобладала версия об успешном побеге за границу.

Я проснулась впервые со спокойной пустотой внутри. Больше нечему было жечь, тревожить и рвать мою душу. Окликнула Сусанну, собралась, причесалась и вышла к обеду.

Судя по подозрительному взгляду графа, ему уже сообщили о происшествии в психиатрической больнице, но это был последний мой день в усадьбе перед возвращением домой, так что алиби — железное.

— Как ты, Ксения? — спросил он напоследок.

— Я справлюсь. — твердо ответила я.

— Тебе стоит знать — госпожа Гершелева исчезла из лечебницы. Но ее обязательно найдут.

Глядя в окно, за которым мела серая вязкая метель, укутывая надворные постройки и флигель Сутягина, к чьим проектам уже не хотелось возвращаться, я тихо пропела.

Though the mills of God grind slowly;
Yet they grind exceeding small;
Though with patience He stands waiting,
With exactness grinds He all.^[14]

— Ты о чем?

— Вы же учили греческий? Άλεσμα αργά μύλο των θεών, αλλά προσεκτικά το τρόχισμα^[15].
- безмятежно улыбнулась я.

И оставила его в глубокой задумчивости.

Накануне сорокового дня я вернулась домой, где мне были рады, царили тишина и покой. По весне на берегу Финского залива нашли разбитую лодку с частично скелетизированными останками, а что лоскутки одежды оказались женскими — так мало ли бродяжек так гибнет каждую зиму.

Письменный прибор Михаила Борисовича украсил мой стол вместе с нашей единственной общей фотографией. Конечно, порой мне казалось, что он осуждает некоторые мои поступки, но что делать? Вряд ли бы он сам поступил иначе, случись погибнуть мне. В конце концов вендетта — это романтично.

* * *

План я разработала быстро, а реализовала еще быстрее, и помогли мне в этом записи Михаила Борисовича. Так сказать, его прощальный подарок. О черной книжечке с должниками я узнала еще при сборе пожертвований на минеральную карту. Была у него опись людишек, задолжавших услуги большие и малые. Где он ее прячет в квартире — подсмотрела в первый визит, когда он рассыпал документы с этажерки и судорожно пытался их приткнуть. Спрятать колючие записи в колючем растении — ирония. Дальше было дело техники — подобрать наилучший сценарий. Самый короткий путь между двумя точками — прямая, и моя прошла через ночного сторожа психиатрического лазарета, который совершил несколько опрометчивых поступков в молодости, но до сих пор был признателен Михаилу Борисовичу за свободу. Признателен настолько, что лишних вопросов не задал. Оставалось

совершить пару покупок, заглянуть к себе домой на минутку и добавить благочестия в выражение лица.

Из усадьбы я выскользнула дождливой ночью, одетая в простое грубое платье, одолжила у ваньки экипаж, оставив залог в двести рублей и сама отправилась реализовывать свой план. Сначала думала подрядить Демьяна, но по зрелом размышлении решила обойтись собственными силами, чтобы в случае провала выкрутиться с наименьшими потерями.

Холодно было, наверняка, в декабре вообще обычно свежо, но у меня атрофировалось ощущение реальности. В два часа ночи на пороге лечебницы появились две фигуры, одна из которых была передана в мои цепкие лапы. На голове Гершелевой красовался мешок, а я успокаивающе шептала, что вот-вот и спасение наступит, так что она доверчиво шагнула в бричку и даже не почувствовала укол в шею. Через сорок минут мы оказались на берегу Финского залива, где накануне я приглядела две простые лодочки и спрятала резиновые сапоги. Вот на подтаскивание одной из них к воде ушло больше всего времени, зато потом все пошло куда задорнее. Тело жертвы было крайне неудобным, но у меня словно силы множились, так что я вскоре я в этих непотребных рыбачьих сапогах уже толкала лодку по воде, не ощущая ни сырости, ни холода. Достала свой револьвер, прострелила дно лодки и отпустила юную революционерку в свободное плавание. Если Господу будет угодно ее спасти, берег — вот он. Опять же, действие лекарства продлится еще полчаса максимум и тогда она сможет выбраться. Сможет попытаться. Тюхтяеву она шансов не оставляла.

Девушка озиралась и бешено вращала глазами, не в силах пошевелиться или просто заговорить.

— И вот сейчас ты сдохнешь, страшно и безвестно, а товарищи твои поверят, что ты их сдала в обмен на свободу. — перекрикивала я ветер.

Я хорошо подготовилась к операции, изучив карту течений Финского залива, так что затонуть лодка должна в нескольких милях от берега, поэтому с необычайной легкостью во всем теле двинулась обратно. Если меня кто и видел, входящей на рассвете в Усадьбу, то счел за разумный поступок промолчать. Зато сама я смогла уснуть по-настоящему спокойно только когда увидела, как наполняется водой лодка вместе с пассажиркой. И в прочие ночи я тоже спала совершенно безмятежно. Хорошо, что тут пока социопатия не считается патологией. А исполнять все, что я задумала, легче с таким диагнозом.

---

notes

Пока дышу, надеюсь (лат)

букв. «новое искусство» (фр.) т. е. стиль «модерн» — художественное направление в архитектуре, декоративно-прикладном и изобразительном искусстве, наиболее распространённое в последнем десятилетии XIX — начале XX века (до начала Первой мировой войны)

Если б не было тебя... (фр.) — первая строка из одноимённой песни Джо Дассена

Мадам, вы солгали, когда сказали, что не знаете французский язык (фрю)

Я надеюсь увидеть вас снова (фр.)

Я не могу обещать (фр.)

О, господин Луи (фр.)

Это невозможно (фр.)

Мсье Луи... потому, что права (фр) — на самом деле получилась какая-то ахиня, не забываете — ГГ плохо знает язык (если, вообще знает)

Oui, это может разочаровать (фр.)

Наша дерзкая коза (стал.)

Здесь и далее подлинные выдержки из дневников Николая II

невоспитанность (фр.)

Медлят жернова Господни,
Да мелка идет мука;
Велико Его терпенье,
Но тверда Его рука.
«Retribution» Г. У. Лонгфелло

Медленно мельницы мелют богов, но старательно мелют (греч.) — «Adversus Mathematicos» («Против ученых») Секст Эмпирик